УТВЕРЖДЕН
Президиумом Верховного Суда
Российской Федерации
27 ноября 2024 г.

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 2, 3 (2024)

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Разрешение споров, возникающих из договорных отношений

1. Банк не вправе устанавливать не предусмотренные законом или договором ограничения права клиента распоряжаться денежными средствами, зачисленными на его банковский счет при покупке им иностранной валюты по курсу, который был установлен самим банком ниже биржевого курса и курса Банка России, в том числе в результате ошибки сотрудника этого банка.

Ф. обратился в суд с иском к банку о взыскании денежных средств в иностранной валюте, компенсации морального вреда и штрафа, указав, что в апреле 2022 года банком с его счета без законных оснований были списаны денежные средства в иностранной валюте, а сам счет заблокирован. Претензия истца о возврате денежных средств оставлена ответчиком без удовлетворения.

Решением суда исковые требования удовлетворены частично, с банка в пользу Ф. взысканы списанные со счета истца денежные средства в рублях в сумме, эквивалентной сумме в иностранной валюте, по курсу Банка России на день исполнения решения суда, компенсация морального вреда и штраф.

Апелляционным определением решение суда первой инстанции отменено, принято новое решение об отказе в удовлетворении иска.

Кассационный суд общей юрисдикции оставил апелляционное определение без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления судов апелляционной и кассационной инстанций, дело направила на новое апелляционное рассмотрение по следующим основаниям.

В силу положений статьи 845 ГК РФ по договору банковского счета банк обязуется принимать и зачислять поступающие на счет, открытый клиенту (владельцу счета), денежные средства, выполнять распоряжения клиента о перечислении и выдаче соответствующих сумм со счета и проведении других операций по счету (пункт 1). Банк не вправе определять и контролировать направления использования денежных средств клиента и устанавливать другие не предусмотренные законом или договором банковского счета ограничения права клиента распоряжаться денежными средствами по своему усмотрению (пункт 3).

Согласно пункту 1 статьи 858 названного выше кодекса, если иное не предусмотрено законом или договором, ограничение распоряжения денежными средствами, находящимися на счете, не допускается, за исключением наложения ареста на денежные средства, находящиеся на счете, или приостановления операций по счету, в том числе блокирования (замораживания) денежных средств в случаях, предусмотренных законом.

В соответствии со статьей 854 этого же кодекса списание денежных средств со счета осуществляется банком на основании распоряжения клиента (пункт 1). Без распоряжения клиента списание денежных средств, находящихся на счете, допускается по решению суда, а также в случаях, установленных законом или предусмотренных договором между банком и клиентом (пункт 2).

В силу пункта 6 части 1 статьи 5 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-I «О банках и банковской деятельности» купля-продажа иностранной валюты в наличной и безналичной формах относится к банковским операциям.

Положениями части 7 статьи 14 Федерального закона от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» предусмотрено, что резиденты, в том числе граждане Российской Федерации, могут осуществлять расчеты через свои банковские счета в любой иностранной валюте с проведением в случае необходимости конверсионной операции по курсу, согласованному с уполномоченным банком, независимо от того, в какой иностранной валюте был открыт банковский счет. Этим же законом предусмотрено право уполномоченных банков совершать сделки с иностранной валютой в соответствии с требованиями, установленными Банком России (статья 11).

Согласно пункту 2.2 Инструкции Банка России от 16 сентября 2010 г. № 136-И «О порядке осуществления уполномоченными банками (филиалами) отдельных видов банковских операций с наличной иностранной валютой и операций с чеками (в том числе дорожными чеками), номинальная стоимость которых указана в иностранной валюте, с участием физических лиц» при осуществлении банковских операций с иностранной валютой уполномоченные банки самостоятельно определяют курсы иностранных валют.

При этом банки устанавливают курсы валют, как правило, отличные от биржевого курса и курса Банка России.

Как установлено судами, 27 февраля, 1 и 11 марта 2022 г. ответчик, самостоятельно определив курсы валют, разместил в открытом доступе публичную оферту для неопределенного круга лиц на совершение сделок по купле-продаже валюты. Ф., имея в банке несколько открытых счетов, 1 и 11 марта 2022 г. совершил с их использованием операции по конвертации валюты по установленному ответчиком в этот период курсу.

Делая вывод о злоупотреблении истцом правом при совершении операций по конвертации валюты, суд апелляционной инстанции ничем его не обосновал и не указал, каким образом истец мог распознать наличие какой-либо ошибки в установленных Банком курсах валют и в силу чего он должен был воздержаться от совершения данных сделок.

Между тем установленные ответчиком курсы валют были доступны всем клиентам банка (ответчика), которые по своему усмотрению при совершении сделок соглашались или не соглашались с этими курсами. Иных курсов валют в указанные даты банк не размещал, вследствие чего Ф. не мог приобрести валюту по иному курсу.

По общему правилу пункта 5 статьи 10 ГК РФ добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются, пока не доказано иное.

Исходя из предмета спора и доводов банка бремя доказывания обстоятельств, свидетельствующих о злоупотреблении истцом правом, лежит на ответчике. Однако такие доказательства в апелляционном определении не приведены.

Доводы банка о совершении Ф. многочисленных операций по конвертации валют в короткий промежуток времени по кросс-курсу валют, отличающемуся от установленного Банком России, сами по себе не свидетельствуют о злоупотреблении истцом правом. То обстоятельство, что сделки по конвертации валют оказались не выгодными для банка, ведущего предпринимательскую деятельность, не лишало истца права на совершение выгодных для него конверсионных операций с учетом отсутствия у него каких-либо возможностей повлиять на установленные банком курсы валют.

Кроме того, в материалах дела отсутствуют доказательства того, что установленное банком значение курсов валют 27 февраля, 1 и 11 марта 2022 г. произошло вследствие технического сбоя, поскольку представители ответчика сами указывали на ошибки сотрудников банка при установлении данных курсов.

При этом в нарушение требований закона банк неправомерно во внесудебном порядке списал со счета истца принадлежащие ему денежные средства.

Довод суда апелляционной инстанции о предусмотренном договором заранее данном акцепте клиента на списание банком задолженности клиента перед банком нельзя признать правильным, поскольку судом не указано,

в силу чего находящиеся на счете клиента денежные средства, полученные на основании сделок, признаны его задолженностью перед банком.

Кроме того, судом первой инстанции установлен, а судом апелляционной инстанции не опровергнут факт ограничения банком права истца распоряжаться находящимися на счете денежными средствами в течение определенного времени путем блокировки счета. При этом каких-либо законных оснований для этого, соответствующих пункту 1 статьи 858 ГК РФ, не установлено.

Указанным обстоятельствам надлежащей правовой оценки судом апелляционной инстанции не дано, выводы суда о злоупотреблении правом Ф. и о возникновении в силу этого на его стороне неосновательного обогащения за счет ответчика в рамках исполненных договоров какими-либо доказательствами не подтверждены, что повлияло на правильность выводов суда по существу рассмотренного спора.

Определение № 4-КГ24-3-К1

2. Если сторонами возмездного договора согласовано обусловленное исполнение вытекающих из него обязательств, то такое условие является существенным для этого договора, а его нарушение исполнителем влечет расторжение договора и взыскание уплаченных заказчиком в счет цены договора денежных средств.

Б. (заказчик) обратилась в суд с иском к Г. (исполнитель) о расторжении договора об оказании юридических услуг, взыскании денежных средств, уплаченных по договору, в размере 228 000 руб., компенсации морального вреда и штрафа, ссылаясь на то, что 7 октября 2019 г. заключила с ответчиком договор об оказании юридических услуг, результатом которых должно быть включение ее в реестр накопительно-ипотечной системы (далее − НИС) военнослужащих и взыскание недополученного инвестиционного дохода. По условиям данного договора стоимость услуг составляет 10 процентов от полученной истцом суммы. 26 марта 2020 г. Б. произвела оплату услуг по договору в размере 228 000 руб. Однако предусмотренный договором результат достигнут не был, Б. не включена в реестр НИС, и доход от инвестиционных накоплений истцом в результате юридической помощи ответчика ею не получен.

Суд первой инстанции, признав, что ответчик не доказал надлежащее исполнение обязательства по договору об оказании юридических услуг, исковые требования удовлетворил.

Суд апелляционной инстанции, отменяя решение суда первой инстанции, указал, что спорный договор не содержит условия об оплате услуг в зависимости от достижения определенного результата, взыскание с исполнителя юридических услуг суммы оплаты исходя лишь из

недостижения желаемого результата противоречит существу обязательства и особенностям предмета договора услуг.

Кассационный суд общей юрисдикции оставил апелляционное определение без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления судов апелляционной и кассационной инстанций, направив дело на новое апелляционное рассмотрение ввиду следующего.

В соответствии с пунктом 1 статьи 779 и пунктом 1 статьи 781 ГК РФ по договору возмездного оказания услуг исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить оказанные ему услуги в сроки и в порядке, которые указаны в договоре возмездного оказания услуг.

Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 23 января 2007 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Агентство корпоративной безопасности» и гражданина Макеева В.В.» указал, что реализация гражданских прав и обязанностей по поводу оказания правовых услуг не может предопределять конкретные решения и действия органов государственной власти и должностных лиц.

В силу конституционных принципов и норм, в частности принципов свободы договора, доступности правосудия, независимости и самостоятельности судебной власти, состязательности и равноправия сторон, предполагается, что стороны в договоре об оказании правовых услуг, будучи вправе в силу диспозитивного характера гражданско-правового регулирования свободно определять наиболее оптимальные условия оплаты оказанных услуг, в том числе самостоятельно устанавливать порядок и сроки внесения платежей (уплата аванса, предварительные платежи, рассрочка платежа, предоставление кредита, почасовая оплата, исчисление размера вознаграждения в процентах от цены иска и т.д.), не могут, однако, обусловливать выплату вознаграждения принятием конкретного судебного решения: в системе действующего правового регулирования, в том числе положений гражданского законодательства, судебное решение не может выступать ни объектом чьих-либо гражданских прав (статья 128 ГК РФ), ни предметом какого-либо гражданско-правового договора (статья 432 ГК РФ).

Включение же в текст договора о возмездном оказании правовых услуг условия о выплате вознаграждения в зависимости от самого факта принятия положительного для истца решения суда расходится с основными началами гражданского законодательства, допускающими свободу сторон в определении любых условий договора, если они не противоречат законодательству (пункт 2 статьи 1 ГК РФ), поскольку в данном случае это означает введение иного, не предусмотренного законом, предмета договора.

Кроме того, в этом случае не учитывается, что, по смыслу пункта 1 статьи 423 ГК РФ, плата по договору за оказание правовых услуг, как и по всякому возмездному договору, производится за исполнение своих обязанностей.

Федеральным законом от 2 декабря 2019 г. № 400-ФЗ статья 25 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» дополнена пунктом 4^1, согласно которому в соответствии с правилами, установленными советом Федеральной палаты адвокатов, в соглашение об оказании юридической помощи может включаться условие, согласно которому размер выплаты доверителем вознаграждения ставится в зависимость от результата оказания адвокатом юридической помощи, за исключением юридической помощи по уголовному делу и по делу об административном правонарушении.

Сведений о наличии у ответчика статуса адвоката материалы дела не содержат. Условия договора о взыскании платы за достигнутый результат сами по себе не были предметом спора по данному делу.

Согласно пояснениям Б. предложение предъявить требования о включении ее в НИС исходило от ответчика. Ввиду ее сомнений в целесообразности этих требований ответчиком предложено условие договора об оплате его услуг лишь в случае положительного результата и в зависимости от начисленной в рамках НИС суммы накоплений. Ответчик также подтвердил, что проект договора составил он.

Как разъяснено в пункте 45 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора», по смыслу абзаца второго статьи 431 ГК РФ при неясности условий договора и невозможности установить действительную общую волю сторон иным образом толкование условий договора осуществляется в пользу контрагента стороны, которая подготовила проект договора либо предложила формулировку соответствующего условия. Пока не доказано иное, предполагается, что такой стороной было лицо, профессионально осуществляющее деятельность в соответствующей сфере, требующей специальных познаний (например, банк по договору кредита, лизингодатель по договору лизинга, страховщик по договору страхования и т.п.).

В соответствии со статьей 327^1 ГК РФ исполнение обязанностей, а равно и осуществление, изменение и прекращение определенных прав по договорному обязательству, может быть обусловлено совершением или несовершением одной из сторон обязательства определенных действий либо наступлением иных обстоятельств, предусмотренных договором, в том числе полностью зависящих от воли одной из сторон.

С учетом изложенного суду апелляционной инстанции в целях выявления действительной воли сторон следовало дать оценку доводам истца о том, что условия договора исключали обязанность оплаты с ее стороны,

если она не будет включена в реестр участников НИС, а размер оплаты определен от суммы накоплений и доходов, зачисленных на именной накопительный счет, и что такое условие оплаты его услуг предложил сам ответчик, являющийся профессиональной стороной в этих отношениях.

Однако это судом апелляционной инстанции сделано не было, а кассационным судом общей юрисдикции допущенное судом апелляционной инстанции нарушение не устранено.

Определение № 4-КГ24-9-К1

Разрешение споров, возникающих из земельных отношений

3. Площадь подлежащего предоставлению земельного участка подлежит определению исходя из его функционального использования исключительно для эксплуатации расположенных на нем объектов недвижимого имущества и должна быть соразмерна этим объектам.

Возведение на земельном участке объекта незавершенного строительства, не соответствующего по своему функциональному назначению виду разрешенного использования земельного участка, в том числе при наличии государственной регистрации права собственности на этот объект, не влечет возникновения у лица исключительного права на приобретение земельных участков в собственность в порядке, предусмотренном пунктом 1 статьи 39[20] Земельного кодекса Российской Федерации.

Прокурор обратился в суд с иском к местной администрации, Ц., ряду граждан о признании недействительными договоров купли-продажи земельных участков, об исключении из Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество записей и о прекращении права собственности на земельные участки, об исключении из государственного кадастра недвижимости записей о разделе земельного участка, об образовании земельных участков и о постановке их на кадастровый учет, о применении последствий недействительности ничтожной сделки путем возврата в муниципальную собственность земельного участка, расположенного рядом с территорией войсковой части.

В обоснование требований прокурор указал на то, что при проведении проверки соблюдения требований земельного и градостроительного законодательства установлено, что на основании постановления местной администрации от 5 декабря 2018 г. Ц. в аренду выделен земельный участок общей площадью 24 410 кв. м из земель населенных пунктов, расположенный рядом с территорией войсковой части. Договор аренды с Ц. заключен сроком на шесть лет, вид разрешенного использования «обслуживание автотранспорта», для использования под строительство

автостоянки. На земельном участке Ц. были возведены два одноэтажных нежилых здания − контрольно-пропускные пункты со степенью готовности 90% площадью 16,2 кв.м каждое, которые в соответствии с актом от 31 мая 2019 г. снесены.

До сноса указанных объектов незавершенного строительства Ц. обратился в местную администрацию с заявлением о предоставлении данного земельного участка в собственность, ссылаясь на то, что он является собственником объектов недвижимости.

Постановлением местной администрации от 15 апреля 2019 г. спорный земельный участок передан Ц. в собственность за плату, с ним заключен договор купли-продажи земельного участка от 15 апреля 2019 г.

По мнению прокурора, данная сделка является недействительной в силу ничтожности, поскольку Ц., обращаясь за выкупом земельного участка, сослался на то, что является собственником двух объектов незавершенного строительства, расположенных на участке, при этом объекты незавершенного строительства, в отличие от зданий, строений, сооружений, не могут быть использованы по назначению до завершения строительства и ввода в эксплуатацию, что исключает возможность предоставления занятого ими земельного участка в собственность.

Кроме того, площадь спорного земельного участка во много раз (более чем в 753 раза) превышает площадь, необходимую для эксплуатации располагающихся на нем объектов недвижимости. Отсутствие намерения использовать участок для обслуживания нежилых помещений подтверждает факт их сноса спустя полтора месяца после оформления права собственности на земельный участок.

Договор купли-продажи земельного участка от 15 апреля 2019 г. заключен в нарушение установленного статьями 39^{3}, 39^{16}, 39^{20} ЗК РФ запрета, посягает на публичные интересы, интересы неопределенного круга лиц и государства, в связи с чем является ничтожным.

Постановлением местной администрации от 24 июня 2019 г. спорный земельный участок разделен на шесть обособленных участков с постановкой их на кадастровый учет и с присвоением адресов.

Указанные земельные участки проданы Ц. ответчикам (ряду граждан). Считая отчуждение муниципального земельного участка незаконным, прокурор просил суд признать недействительным в силу ничтожности договор купли-продажи земельного участка рядом с территорией войсковой части, заключенный 15 апреля 2019 г. между местной администрацией и Ц., а также признать недействительными последующие договоры купли-продажи вновь образованных земельных участков, заключенные между Ц. как продавцом и покупателями (ряд граждан), исключить из Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество записи о регистрации права собственности и прекратить право собственности ответчиков на земельные участки, исключить из государственного кадастра недвижимости записи о разделе земельного участка, об образовании

земельных участков и о постановке их на кадастровый учет, применить последствия недействительности ничтожной сделки путем возврата первоначального земельного участка в муниципальную собственность.

Решением суда, оставленным без изменения апелляционным определением, в иске отказано.

Кассационный суд общей юрисдикции оставил принятые по делу судебные постановления без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала судебные постановления вынесенными с нарушением норм права в связи со следующим.

В частях 2 и 3 статьи 36 Конституции Российской Федерации закреплено, что владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами осуществляются их собственниками свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц. Условия и порядок пользования землей определяются на основе федерального закона.

Правовое регулирование земельных отношений осуществляется Земельным кодексом Российской Федерации, который одним из основных принципов земельного законодательства провозгласил принцип единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов, согласно которому все прочно связанные с земельными участками объекты следуют судьбе земельных участков, за исключением случаев, установленных федеральными законами (подпункт 5 пункта 1 статьи 1 ЗК РФ).

Согласно подпункту 6 пункта 2 статьи 39^3 ЗК РФ без проведения торгов осуществляется продажа земельных участков, на которых расположены здания, сооружения, собственникам таких зданий, сооружений либо помещений в них в случаях, предусмотренных статьей 39^2 данного кодекса.

В соответствии с пунктом 1 статьи 39^{20} ЗК РФ, если иное не установлено указанной статьей или другим федеральным законом, исключительное право на приобретение земельных участков в собственность или в аренду имеют граждане, юридические лица, являющиеся собственниками зданий, сооружений, расположенных на таких земельных участках.

Здания, сооружения, земельные участки, объекты незавершенного строительства и все, что прочно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, относятся к недвижимым вещам (статья 130 ГК РФ).

Однако объекты незавершенного строительства, в том числе являющиеся объектами недвижимости, не указаны в статьях 39^3 и 39^{20} ЗК РФ наряду со зданиями, сооружениями как объекты, для эксплуатации которых может быть предоставлен земельный участок в собственность без проведения торгов. Наличие на участке принадлежащих гражданину на праве собственности, зарегистрированных в установленном порядке указанных

объектов незавершенного строительства в соответствии с положениями Земельного кодекса Российской Федерации не предполагает его право на приобретение в собственность данного участка без проведения торгов.

Исходя из пункта 3 статьи 166 и пункта 2 статьи 168 ГК РФ иск не являющегося стороной сделки лица о применении последствий недействительности ничтожной сделки может быть также удовлетворен, если это необходимо для защиты публичных интересов либо прав и охраняемых законом интересов третьих лиц.

Согласно разъяснениям, содержащимся в пункте 75 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», применительно к статьям 166 и 168 ГК РФ под публичными интересами, в частности, следует понимать интересы неопределенного круга лиц, обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан, а также обороны и безопасности государства, охраны окружающей природной среды. Сделка, при совершении которой был нарушен явно выраженный запрет, установленный законом, является ничтожной, как посягающая на публичные интересы.

Отказывая в удовлетворении заявленных прокурором требований о признании договора купли-продажи земельного участка от 15 апреля 2019 г., заключенного между местной администрацией и Ц., недействительным в силу ничтожности, суды не указали конкретных мотивов, по которым пришли к такому выводу, не дали юридической квалификации оспариваемой сделке и правовой оценки доводам прокурора.

Судом установлено, что спорный земельный участок с видом разрешенного использования «обслуживание автотранспорта» выделен Ц. в аренду для строительства автостоянки. На момент предоставления земельного участка в собственность за плату без проведения торгов на участке не имелось принадлежащего на праве собственности Ц. здания или сооружения, строительство которого было бы завершено и которое было бы введено в эксплуатацию в установленном законом порядке.

Подпунктами 1 и 14 статьи 39^{16} ЗК РФ предусмотрено, что уполномоченный орган принимает решение об отказе в предоставлении земельного участка, в том числе в случаях, если с заявлением о предоставлении земельного участка обратилось лицо, которое в соответствии с земельным законодательством не имеет права на приобретение земельного участка без проведения торгов; разрешенное использование земельного участка не соответствует целям использования такого земельного участка, указанным в заявлении о предоставлении земельного участка.

По смыслу указанных норм во взаимосвязи с положениями подпункта 6 пункта статьи 39^{3}, пункта 1 статьи 39^{20} ЗК РФ, подлежащих применению с учетом общих положений земельного законодательства, обязывающих собственников земельных участков и лиц, не являющихся собственниками земельных участков, использовать земельные участки в соответствии с их

целевым назначением (статья 42 ЗК РФ), возникновение исключительного права на приобретение земельного участка без проведения торгов зависит от достижения той цели, для которой он предоставлялся лицу (Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2021), утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 7 апреля 2021 г., пункт 53).

Так, возведение на земельном участке объекта незавершенного строительства, не соответствующего по своему функциональному назначению виду разрешенного использования земельного участка, в том числе при наличии государственной регистрации права собственности на этот объект, не влечет возникновения у лица права на приобретение в собственность земельного участка в порядке, предусмотренном пунктом 1 статьи 39^{20} ЗК РФ.

Более того, по делу установлено и сторонами не оспаривается, что через полтора месяца после предоставления земельного участка в собственность Ц. осуществил снос двух объектов незавершенного строительства, располагавшихся на участке.

В определении от 23 апреля 2020 г. № 935-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Волкова Льва Евгеньевича на нарушение его конституционных прав положениями Земельного кодекса Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что, развивая принцип единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов, Земельный кодекс Российской Федерации предусматривает для собственников зданий или сооружений исключительное право на приватизацию земельных участков, на которых эти объекты расположены, реализуемое без проведения торгов (подпункт 6 пункта 2 статьи 39^{3} и пункт 1 статьи 39^{20}), а также порядок пользования чужим земельным участком лицами, которые приобрели в собственность здания или сооружения (пункт 1 статьи 35). При этом указанный порядок обеспечивает необходимый баланс интересов собственников земельных участков и объектов капитального строительства, расположенных на этих участках, устанавливая границы допустимого использования чужого земельного участка, а именно лишь той его части, которая занята зданием или сооружением и необходима для их использования.

Таким образом, указанный выше принцип земельного законодательства, реализуемый в том числе при приватизации находящихся в публичной собственности земельных участков собственниками расположенных на них зданий и сооружений, подразумевает, что определение границ и площади соответствующего земельного участка должно производиться исходя из необходимости обеспечить функциональное использование расположенного на этом участке здания или сооружения, притом что размер земельного участка, предоставленного для строительства объектов недвижимости, может не совпадать с размером земельного участка,

необходимого для эксплуатации этих объектов, поскольку данные цели различны.

Площадь подлежащего предоставлению земельного участка подлежит определению исходя из его функционального использования исключительно для эксплуатации расположенных на нем объектов и должна быть соразмерна площади объектов недвижимого имущества.

Из материалов дела видно, что на момент предоставления земельного участка в собственность Ц. ему принадлежали на праве собственности два объекта незавершенного строительства − контрольно-пропускные пункты площадью по 16,2 кв.м каждый. Площадь предоставленного в собственность земельного участка составляет 24 410 кв.м, что во много раз превышает площадь располагавшихся на нем объектов недвижимости. При этом указанный земельный участок был выделен Ц. в аренду для строительства автостоянки, а не для строительства контрольно-пропускных пунктов как самостоятельных объектов недвижимости.

Принимая во внимание, что спорный земельный участок не мог быть предоставлен Ц. в собственность за плату без проведения торгов, сделка купли-продажи земельного участка от 15 апреля 2019 г. между местной администрацией и Ц. является ничтожной сделкой, как посягающая на публичные интересы, заключенная с нарушением действующего законодательства и права неопределенного круга лиц на равный доступ к обороту земельных участков, находящихся в муниципальной собственности.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия признала незаконными выводы судов об отсутствии правовых оснований для признания договора купли-продажи земельного участка от 15 апреля 2019 г. недействительным, отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 26-КГПР23-4-К5

Разрешение споров, возникающих из наследственных отношений

4. При рассмотрении спора о признании наследником по завещанию, составленному наследодателем, имевшим последнее место жительства на территории иностранного государства, суд обязан определить применимое к возникшим наследственным отношениям право на основании положений пунктов 1 и 2 статьи 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации.

К.В. и К.Н. обратились в суд с иском к Б.Л., Б.Е., Б.В. о признании действительным завещания, составленного собственноручно Б., умершим 21 июня 2021 г., признании их наследниками Б. в равных долях имущества умершего, мотивируя свои требованиям тем, что Б. в пользу истцов было

составлено собственноручное завещание от 21 октября 2019 г. в простой письменной форме, которая соответствует требованиям законодательства Княжества Монако, где Б. постоянно (преимущественно) проживал в последние годы своей жизни, в связи с чем завещание должно быть признано действительным в Российской Федерации, истцы − наследниками Б., а их доли в наследственном имуществе должны быть определены в размере 1/2.

Решением суда, оставленным без изменения апелляционным определением, исковые требования удовлетворены.

Кассационный суд общей юрисдикции оставил состоявшиеся по делу судебные постановления без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала постановления судов вынесенными с существенным нарушением норм права, отменила их и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав следующее.

Предусмотренное пунктом 2 статьи 1191 ГК РФ право лиц, участвующих в деле, представлять документы, подтверждающие содержание норм иностранного права, на которые они ссылаются в обоснование своих требований или возражений, и иным образом содействовать суду в установлении содержания этих норм не влечет освобождение суда от обязанности по установлению содержания норм иностранного права.

Именно для надлежащего исполнения указанной обязанности закон наделяет суд специальными (эффективными) средствами разрешения вопроса о содержании норм иностранного права: возможностью обратиться в установленном порядке за содействием и разъяснением в компетентные органы или организации в Российской Федерации и за границей либо привлечь экспертов или специалистов.

Согласно пункту 1 статьи 1224 ГК РФ отношения по наследованию определяются по праву страны, где наследодатель имел последнее место жительства, если иное не предусмотрено данной статьей. Наследование недвижимого имущества определяется по праву страны, где находится это имущество, а наследование недвижимого имущества, которое внесено в государственный реестр в Российской Федерации, − по российскому праву.

Способность лица к составлению и отмене завещания, в том числе в отношении недвижимого имущества, а также форма такого завещания или акта его отмены определяются по праву страны, где завещатель имел место жительства в момент составления такого завещания или акта. Однако завещание или его отмена не могут быть признаны недействительными вследствие несоблюдения формы, если она удовлетворяет требованиям права места составления завещания или акта его отмены либо требованиям российского права (пункт 2 названной статьи).

Таким образом, пункт 2 статьи 1224 ГК РФ устанавливает изъятие в отношении завещательной дееспособности наследодателя и формы составленного им завещания из закрепленного пунктом 1 статута

наследования, подлежащего применению к основной части совокупности наследственных отношений, осложненных иностранным элементом, и определяющего решение большинства вопросов наследования, в том числе о возможных основаниях перехода имущества по наследству (завещание, непосредственно закон, наследственный договор, дарение на случай смерти и др.), о составе наследства (имущество, которое входит в состав наследства), о времени открытия наследства, о круге лиц, которые не могут быть наследниками, о свободе завещания и ее ограничениях (правила об обязательной доле в наследстве), о завещательном отказе, возложении и других обременениях, возлагаемых на наследников, о возможности завещания имущества под условием, об исполнении и исполнителях завещания, об особенностях наследования отдельных видов движимого имущества (имущественных долей в различных организациях корпоративного типа и др.).

Из изложенного следует, что исследованием вопроса о содержании норм иностранного права, подлежащих применению в рассматриваемом судом деле в соответствии с пунктом 2 статьи 1224 ГК РФ, определяющих завещательную дееспособность наследодателя и требования к форме завещания, обязанность суда по определению законов и иных нормативных правовых актов при разрешении подавляющего числа наследственных споров, осложненных иностранным элементом, исчерпываться не может.

Более того, отношения по наследованию завещанного имущества могут определяться правом иного государства, чем то, которым в соответствии с пунктом 2 статьи 1224 ГК РФ регулируется завещательная дееспособность наследодателя и форма завещания.

При рассмотрении данного дела, в рамках которого истцами были заявлены требования о признании завещания действительным, признании К.В. и К.Н. наследниками умершего Б., а также об определении их долей в размере 1/2 наследственного имущества каждому, суд был обязан в соответствии с законом определить применимое к наследственным правоотношениям право и установить его содержание применительно как к положениям пункта 2 статьи 1224 ГК РФ, так и к положениям пункта 1 этой статьи.

При разрешении спора по существу суд в нарушение возложенной на него законом обязанности по определению законов и иных нормативных правовых актов, подлежащих применению при принятии судебного постановления, фактически ограничился применением статьи 836 Гражданского кодекса Монако, определяющей требования к форме завещания. Содержание норм права, применимого к наследственным отношениям в силу пункта 1 статьи 1224 ГК РФ, судом установлено не было.

Вопреки приведенным правовым нормам, суд первой инстанции, столкнувшись с правовым вопросом, фактически самоустранился от принятия необходимых мер для уяснения содержания норм иностранного права: самостоятельно за содействием и разъяснением в компетентные

органы не обратился, экспертов не привлек, доводы стороны ответчиков о необходимости обратиться в Министерство юстиции Российской Федерации и иные компетентные органы или организации для определения содержания применимых норм отклонил.

При установлении содержания указанной нормы иностранного права суд исходил из представленных стороной истцов справки, составленной профессором французского Университета Пантеон-Ассас, и правового заключения, оформленного адвокатом защиты Княжества Монако, без учета того, что исходя из требований приведенных выше норм российского гражданского закона предмет судебного исследования о содержании норм иностранного законодательства касается исключительно вопросов права.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в пунктах 45, 46 постановления от 27 июня 2017 г. № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом» внимание судов обратил на то, что при назначении арбитражным судом экспертизы в области иностранного права перед экспертом могут быть поставлены вопросы о содержании норм иностранного права, а не о правовой оценке отношений сторон и представленных доказательств, например о действительности спорного договора. При оценке заключения эксперта суд учитывает наличие в нем ссылок на нормы иностранного права, практику их официального толкования и применения, включая разъяснения судебных инстанций, примеры разрешения сходных конфликтных ситуаций, выдержки из правовой доктрины. Заключение эксперта не признается относимым и допустимым доказательством, если оно представляет собой анализ отношений сторон и представленных по делу доказательств (статьи 67, 68 АПК РФ).

Равно и в гражданском процессе представленные лицами, участвующими в деле, в подтверждение содержание норм иностранного права заключения специалистов, наряду с иными доказательствами, на которые они ссылаются в обоснование своих требований или возражений, должны быть исследованы судом в соответствии с правилами оценки доказательств (статьи 67 ГПК РФ), в том числе применительно к вопросу их допустимости и относимости к предмету исследования − вопросу применимого права.

Такой оценки находящимся в материалах дела документам, представленным стороной истцов в обоснование содержания норм иностранного права, судом дано не было.

Более того, указанные заключения иностранных специалистов непосредственно оценивались и были приняты судом как доказательства надлежащего порядка толкования спорного завещания.

Давая толкование волеизъявлению наследодателя, то есть устанавливая значение смысла содержащихся в завещании слов и выражений, как направленному на намерение передать все свое имущество непосредственно истцам, суд руководствовался правовой оценкой отношений сторон и

представленных доказательств, данных в заключениях иностранных специалистов в праве, отклонив представленные стороной ответчиков лингвистические (психолого-лингвистические) заключения российских специалистов.

Вместе с тем процессуальная активность суда по исследованию вопросов права должна быть существенно выше, чем при решении вопросов по фактическим обстоятельствам дела.

Судебная коллегия также отметила, что спорное завещание составлено Б. на русском языке как его носителем, в то время как положенная судом в основу вынесенного решения данная в названных заключениях оценка волеизъявления наследодателя обосновывается иностранными специалистами различными переводами текста этого завещания на французский язык, в том числе возможности перевода русского слова «фонд» на французский язык в двух вариантах, от выбора одного из которых зависит вывод о необходимости создания юридического лица либо допустимости передачи наследственного имущества непосредственно истцам.

В таком случае принятие во внимание опосредованной трактовки иностранных специалистов перевода на французский язык завещания, изначально составленного на русском, при наличии возможности исследования его оригинального текста в российском суде и соответствующего установления судом содержания выполненного на русском языке документа может приводить к приданию содержащимся в нем словам и выражениям толкования, противоречащего аутентичному смыслу, что недопустимо, а также не соответствует закрепленному российским процессуальным законом принципу непосредственного исследования имеющихся в деле доказательств.

Изложенное, однако, не исключает обязанность суда по толкованию завещания системно в соответствии с правилами, установленными нормами права, подлежащего применению к спорным наследственным правоотношениям.

Определение № 5-КГ23-139-К2

Разрешение споров, возникающих из жилищных отношений

5. Переход общежития в частную собственность не является основанием для выселения лиц, вселенных в общежитие на законных основаниях.

Индивидуальный предприниматель П. (далее − ИП) обратилась в суд с иском к Р. и Г. (мать и сын) о признании утратившими права пользования жилым помещением и выселении из комнаты в общежитии, расположенной в многоквартирном доме, который до 2022 года находился в государственной собственности и принадлежал на праве хозяйственного ведения заводу.

Р. и Г. подали встречный иск к П. (новому собственнику дома) о сохранении права проживания и пользования спорным жилым помещением, которое было предоставлено Р. в связи с возникшими трудовыми отношениями с заводом в 1988−1989 годах. С 1999 года Р. и Г. состоят на учете в качестве нуждающихся в жилом помещении, иных жилых помещений не имеют. В период проживания в спорном жилом помещении, принадлежащем заводу, Р. производила оплату коммунальных платежей, требования от нового собственника о взыскании коммунальных платежей не предъявлялись.

Разрешая спор и удовлетворяя заявленные требования, суд первой инстанции, руководствуясь статьей 304 ГК РФ, статьями 92, 94, частью 1 статьи 99, пунктом 1 части 2 статьи 103, частью 2 статьи 105 ЖК РФ, статьей 108 Жилищного кодекса РСФСР, пришел к выводу о том, что правовых оснований для сохранения за Р. и Г. права пользования комнатой в общежитии не имеется, здание общежития принадлежит ИП, а действия ответчиков препятствуют осуществлению ее прав собственника в отношении принадлежащего ей имущества.

Оставляя без изменения решение суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции также указал на то, что часть 2 статьи 105 ЖК РФ предусматривает, что прекращение трудовых отношений, обучения, а также увольнение со службы является основанием прекращения договора найма жилого помещения в общежитии. Доказательств наличия оснований для сохранения права пользования спорным жилым помещением, указанных в части 2 статьи 102 и части 2 статьи 103 ЖК РФ, ответчиками не представлено.

Кассационный суд общей юрисдикции согласился с выводами судов первой и апелляционной инстанций.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала, что при разрешении возникшего спора судами допущены существенные нарушения норм права, отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав в том числе следующее.

Согласно статье 9^1 Федерального закона от 26 января 1996 г. № 15-ФЗ «О введении в действие части второй Гражданского кодекса Российской Федерации» (с учетом изменений и дополнений) к отношениям по пользованию жилыми помещениями, которые находились в зданиях, принадлежавших государственным или муниципальным предприятиям либо государственным или муниципальным учреждениям, и использовались в качестве общежитий или служебных жилых помещений, и не были переданы в ведение органов местного самоуправления в результате изменения формы собственности или ликвидации указанных предприятий или учреждений, применяются нормы главы Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре найма с учетом особенностей, установленных частью 2 статьи 7 Федерального закона от 29 декабря 2004 г. № 189-ФЗ «О введении в действие

Жилищного кодекса Российской Федерации», если эти жилые помещения предоставлены гражданам на законных основаниях до даты изменения формы собственности или ликвидации указанных предприятий или учреждений.

Согласно названной части 2 статьи 7 к отношениям по пользованию жилыми помещениями, которые находились в зданиях, принадлежавших государственным или муниципальным предприятиям либо государственным или муниципальным учреждениям, и использовались в качестве общежитий или служебных жилых помещений, и не были переданы в ведение органов местного самоуправления в результате изменения формы собственности или ликвидации указанных предприятий или учреждений, если эти жилые помещения предоставлены гражданам на законных основаниях до даты изменения формы собственности или ликвидации указанных предприятий или учреждений, применяются нормы главы 35 ГК РФ о договоре найма, за исключением статьи 672, пункта 2 статьи 674, статей 683 и 684, пункта 1 статьи 687 ГК РФ, а также правила о расторжении краткосрочного договора найма абзаца второго пункта 2 статьи 687 ГК РФ. К отношениям по пользованию жилыми помещениями, указанными в приведенной выше части, также применяются нормы части 2 статьи 60, частей 2 и 3 статьи 83, части 1 статьи 154, частей 1−5, 91−13 статьи 156, статей 157 и 159 ЖК РФ.

Статьей 675 ГК РФ предусмотрено, что переход права собственности на занимаемое по договору найма жилое помещение не влечет расторжения или изменения договора найма жилого помещения. При этом новый собственник становится наймодателем на условиях ранее заключенного договора найма.

Судом установлено и сторонами не оспаривалось, что Р. с сыном были вселены в спорное жилое помещение на законных основаниях до перехода к ИП права собственности на объект недвижимости (здание общежития), при этом, приобретая в собственность данный объект, ИП знала об обременении его правами третьих лиц, проживающих и зарегистрированных по месту жительства в жилых помещениях этого дома.

При таких обстоятельствах вывод суда об отсутствии правовых оснований для сохранения за Р. и Г. права пользования комнатой в общежитии нельзя признать обоснованным.

Определение № 67-КГ24-1-К8

Разрешение споров, связанных с выплатой страхового возмещения

6. Страховщик, подтвердивший действие договора выдачей страхового полиса и принявший от страхователя исполнение в виде страховой премии, не вправе ссылаться на незаключенность договора.

Г. обратился в суд с иском к страховой организации о взыскании страхового возмещения, компенсации морального вреда и штрафа в размере 50 % от присужденных судом денежных сумм, ссылаясь на неисполнение ответчиком обязательств по договору добровольного страхования недвижимого имущества (жилого дома).

Отказывая в удовлетворении иска, суд первой инстанции исходил из того, что в соответствии с условиями договора страхования принадлежащий истцу жилой дом не мог быть предметом страхования, поскольку он построен ранее 1960 года. Суд также указал, что несообщение страховщику об этом обстоятельстве вызывает сомнение в добросовестности и разумности действий страхователя.

С выводами суда первой инстанции согласились суды апелляционной и кассационной инстанций.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы суда о правомерности отказа страховщика в выплате страхового возмещения не основанными на законе и установленных по делу обстоятельствах.

В силу статьи 432 ГК РФ договор считается заключенным, если между сторонами в требуемой в подлежащих случаях форме достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора. Существенными являются условия о предмете договора, условия, которые названы в законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида, а также все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение (пункт 1). Договор заключается посредством направления оферты (предложения заключить договор) одной из сторон и ее акцепта (принятия предложения) другой стороной (пункт 2). Сторона, принявшая от другой стороны полное или частичное исполнение по договору либо иным образом подтвердившая действие договора, не вправе требовать признания этого договора незаключенным, если заявление такого требования с учетом конкретных обстоятельств будет противоречить принципу добросовестности (пункт 3).

Из положений статей 929, 942, 957 ГК РФ следует, что основанием для возникновения у страховщика обязательств по выплате страхового возмещения является договор страхования, который должен быть заключен в письменной форме, в том числе путем выдачи страховщиком полиса страхования, и который вступает в силу в момент уплаты страховой премии или первого ее взноса, если иное не предусмотрено этим договором.

Таким образом, при разрешении спора о страховом возмещении подлежит установлению факт заключения договора страхования и уплаты страховой премии (взноса). При заключении договора добровольного страхования имущества объектом страхования является определенное имущество, страховым риском − характер события, на случай которого осуществляется страхование.

Судом по делу установлено, что страховая организация (ответчик) выдала Г. страховой полис-оферту, а Г., уплатив страховую премию в полном объеме, акцептовал данную оферту. Судом также установлено и сторонами не оспаривалось, что объектом страхования являлся жилой дом истца, а к числу страховых рисков относится его повреждение или уничтожение в случае пожара. Установленные судами обстоятельства свидетельствуют о заключении сторонами договора страхования названного выше имущества.

Согласно статье 944 ГК РФ при заключении договора страхования страхователь обязан сообщить страховщику известные страхователю обстоятельства, имеющие существенное значение для определения вероятности наступления страхового случая и размера возможных убытков от его наступления (страхового риска), если эти обстоятельства не известны и не должны быть известны страховщику. Существенными признаются во всяком случае обстоятельства, определенно оговоренные страховщиком в стандартной форме договора страхования (страхового полиса) или в его письменном запросе (пункт 1). Если договор страхования заключен при отсутствии ответов страхователя на какие-либо вопросы страховщика, страховщик не может впоследствии требовать расторжения договора либо признания его недействительным на том основании, что соответствующие обстоятельства не были сообщены страхователем (пункт 2). Если после заключения договора страхования будет установлено, что страхователь сообщил страховщику заведомо ложные сведения об обстоятельствах, указанных в пункте 1 этой статьи, страховщик вправе потребовать признания договора недействительным и применения последствий, предусмотренных пунктом 2 статьи 179 данного кодекса (пункт 3).

Таким образом, для страховых отношений установлены специальные последствия сообщения страхователем страховщику неполных или недостоверных сведений, а также условия и порядок применения этих последствий, что не было учтено судами при разрешении спора.

Из установленных судами обстоятельств следует, что, заключая договор страхования жилого дома истца, страховщик не предлагал истцу указать год постройки дома, а истец не сообщал страховщику ложных сведений об этом обстоятельстве.

Кроме того, применительно к положениям пункта 3 статьи 432 ГК РФ судами не дана оценка соответствия принципу добросовестности заявления о незаключенности договора со стороны страховщика, подтвердившего действие договора выдачей страхового полиса и принявшего от страхователя исполнение в виде страховой премии.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия отменила состоявшиеся по делу судебные постановления, направив дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 1-КГ24-1-К3

7. Основания ответственности нотариуса в связи с осуществлением им профессиональной деятельности с нарушением закона могут быть установлены судом одновременно с разрешением вопроса о наличии страхового случая и взыскании страхового возмещения со страховщика, застраховавшего риск гражданской ответственности нотариуса.

М. обратился в суд с иском к нотариусу К.А. о возмещении вреда, причиненного в результате совершения нотариального действия, в размере 1 500 000 руб.

Определением суда к участию в деле в качестве соответчика привлечена страховая компания.

Судом установлено, что 18 сентября 2020 г. нотариусом удостоверен договор купли-продажи квартиры по цене 1 500 000 руб., заключенный между продавцом П. и покупателем М.

Вступившим в законную силу решением суда от 9 февраля 2021 г. по иску местной администрации к М. установлено, что П. умерла 3 декабря 2017 г. Суд признал недействительным договор купли-продажи квартиры от 18 сентября 2020 г., прекратил право собственности М. на указанную квартиру, признав на это имущество право муниципальной собственности.

Решением суда исковые требования оставлены без удовлетворения.

Отменяя решение суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции признал установленным, что нотариусом при удостоверении договора купли-продажи квартиры не исполнена надлежащим образом обязанность удостоверить личность продавца, обратившегося за совершением нотариального действия. Суд апелляционной инстанции указал, что между действиями нотариуса и убытками истца имеется прямая причинно-следственная связь, поскольку нотариус не проявил необходимую для надлежащего исполнения своих обязанностей заботливость и осмотрительность при совершении нотариального действия.

Кассационной суд общей юрисдикции согласился с выводами суда апелляционной инстанции, указав также, что нотариус не лишен возможности обратиться к страховой компании для решения вопроса об осуществлении страховой выплаты в соответствии с условиями договора страхования гражданской ответственности.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала постановления судов апелляционной и кассационной инстанций вынесенными с нарушением норм права по следующим основаниям.

Согласно части третьей статьи 17 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате вред, причиненный имуществу гражданина или юридического лица в случаях, указанных в частях первой и второй данной статьи, возмещается за счет страхового возмещения по договору страхования гражданской ответственности нотариуса, или в случае недостаточности этого страхового возмещения − за счет страхового возмещения по договору

коллективного страхования гражданской ответственности нотариуса, заключенного нотариальной палатой, или в случае недостаточности последнего страхового возмещения − за счет личного имущества нотариуса, или в случае недостаточности его имущества − за счет средств компенсационного фонда Федеральной нотариальной палаты.

В силу статьи 18 этих же Основ (в редакции, действующей на момент совершения нотариального действия) нотариус, занимающийся частной практикой, обязан заключить договор или договоры страхования гражданской ответственности нотариуса при осуществлении им нотариальной деятельности со страховой организацией, аккредитованной Федеральной нотариальной палатой. Основные требования к условиям договора страхования гражданской ответственности нотариуса при осуществлении им нотариальной деятельности устанавливаются данной статьей. Дополнительные требования к условиям договора страхования гражданской ответственности нотариуса при осуществлении им нотариальной деятельности определяются Федеральной нотариальной палатой. Нотариус не вправе выполнять свои обязанности и совершать нотариальные действия без заключения указанного договора страхования гражданской ответственности (часть первая).

Объектом страхования по договору страхования гражданской ответственности являются имущественные интересы, связанные с риском ответственности нотариуса, занимающегося частной практикой, по обязательствам, возникающим вследствие причинения имущественного вреда гражданину или юридическому лицу, обратившимся за совершением нотариального действия, и (или) третьим лицам при осуществлении нотариальной деятельности (часть вторая).

Страховым случаем по договору страхования гражданской ответственности нотариуса является установленный вступившим в законную силу решением суда или признанный страховщиком факт причинения имущественного вреда гражданину или юридическому лицу действиями (бездействием) нотариуса, занимающегося частной практикой, в результате совершения нотариального действия, противоречащего законодательству Российской Федерации, либо неправомерного отказа в совершении нотариального действия, подтвержденного постановлением нотариуса, а также разглашения сведений о совершенном нотариальном действии (часть третья).

Приведенные выше положения закона судами апелляционной и кассационной инстанций учтены не были.

По данному делу судом установлено, что по договору страхования гражданской ответственности при осуществлении профессиональной деятельности нотариусов, заключенному между страховой компанией и нотариусом К.А., выгодоприобретателями являются лица, которым может быть причинен имущественный вред при осуществлении страхователем нотариальной деятельности. Выгодоприобретателями в том числе являются

граждане и юридические лица, обратившиеся к страхователю за совершением нотариального действия (пункт 1.4). Страховым случаем является установленный вступившим в законную силу решением суда или признанный страховщиком факт причинения имущественного вреда выгодоприобретателям действиями (бездействием) страхователя, ответственность которого застрахована в результате совершения нотариального действия, противоречащего законодательству Российской Федерации, неправомерного отказа в совершении нотариального действия, подтвержденного постановлением страхователя, разглашения сведений о совершенном нотариальном действии (пункт 2.2). Согласно порядку выплаты страхового возмещения страховщику необходимо представить вместе с заявлением на выплату страхового возмещения оригинал или заверенную копию вступившего в силу решения суда (пункты 12.4 и 12.4.4). Договор страхования заключен в соответствии с правилами страхования гражданской ответственности при осуществлении профессиональной деятельности нотариусов, утвержденными генеральным директором страховой компании.

Поскольку в качестве соответчика к участию в деле была привлечена страховая компания, суд апелляционной инстанции в силу положений части 3 статьи 196 и части 5 статьи 198 ГПК РФ должен был в резолютивной части решения указать вывод об удовлетворении иска (полностью или в части) либо об отказе в удовлетворении иска в отношении данного ответчика. Однако судом апелляционной инстанции какого-либо решения в части исковых требований к страховой компании принято не было.

Признавая факт отсутствия выводов суда апелляционной инстанции о требованиях к страховой компании, кассационный суд общей юрисдикции указал, что данное нарушение не может повлечь отмену апелляционного определения, поскольку по условиям договора страхования страховщику необходимо представить вместе с заявлением на выплату страхового возмещения оригинал или заверенную копию вступившего в силу решения суда.

Однако судом кассационной инстанции не учтено, что основания ответственности нотариуса за совершение нотариального действия с нарушением закона в случае возникновения спора могут быть установлены судом одновременно с разрешением вопроса о наличии страхового случая и взыскании страхового возмещения. Какого-либо предварительного судебного порядка установления факта наличия оснований ответственности нотариуса законом не предусмотрено.

Ввиду изложенного Судебная коллегия отменила постановления судов апелляционной и кассационной инстанций, направив дело на новое апелляционное рассмотрение.

Определение № 56-КГ23-18-К9

Разрешение споров о разделе имущества супругов

8. Единовременное пособие, выплачиваемое сотруднику полиции при полной или частичной утрате трудоспособности, вызванной увечьем (ранением, травмой, контузией) либо заболеванием, полученными им при исполнении служебных обязанностей, исключающей продолжение службы, обусловлено особыми обстоятельствами несения службы в полиции конкретного сотрудника, является индивидуально-определенной выплатой, носит целевой характер, ввиду чего оно не входит в состав совместно нажитого имущества, подлежащего разделу между супругами при расторжении брака.

Т. обратилась в суд с иском к Ю. (бывшему супругу) о разделе совместно нажитого имущества, указав в том числе полученные Ю. на основании статьи 43 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» единовременное денежное пособие и ежемесячную денежную выплату в связи с утратой трудоспособности и получением инвалидности по военной травме.

Разрешая спор и удовлетворяя иск в части, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что единовременное пособие и выплата в связи с утратой трудоспособности и получением инвалидности по военной травме относятся к числу выплат, имеющих специальное целевое назначение, выплачены Ю. в связи с утратой трудоспособности вследствие увечья, не относятся к числу имущества, нажитого супругами в период брака и не подлежат разделу между супругами, отказав в удовлетворении этих требований.

Суд апелляционной инстанции в указанной части решение суда отменил и принял новое решение, которым иск Т. удовлетворил, полагая, что спорные суммы в силу статьи 34 СК РФ относятся к общему имуществу супругов, подлежащему разделу между ними в установленном законом порядке.

Кассационный суд общей юрисдикции согласился с выводами суда апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации постановления судов апелляционной и кассационной инстанций отменила в части удовлетворения требований, дело в этой части направила на новое апелляционное рассмотрение ввиду следующего.

В соответствии с положениями статьи 34 СК РФ имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью. К имуществу, нажитому супругами во время брака (общему имуществу супругов), относятся доходы каждого из супругов от трудовой деятельности, предпринимательской деятельности и результатов интеллектуальной деятельности, полученные ими пенсии, пособия, а также иные денежные выплаты, не имеющие специального целевого назначения (суммы

материальной помощи, суммы, выплаченные в возмещение ущерба в связи с утратой трудоспособности вследствие увечья либо иного повреждения здоровья, и другие).

Согласно частям 1, 5, 10 статьи 43 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» жизнь и здоровье сотрудника полиции подлежат обязательному государственному страхованию за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета на соответствующий год.

При получении сотрудником полиции в связи с выполнением служебных обязанностей увечья или иного повреждения здоровья, исключающих возможность дальнейшего прохождения службы в полиции, ему выплачивается единовременное пособие в размере двух миллионов рублей.

Служба в полиции, посредством прохождения которой граждане реализуют свое право на труд, представляет собой особый вид государственной службы, непосредственно связанной с обеспечением противодействия преступности, охраной общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности и, следовательно, осуществляемой в публичных интересах. На лиц, несущих такого рода службу, возложены конституционно значимые функции, что предполагает неукоснительное, в режиме жесткой дисциплины осуществление поставленных задач в любых условиях, в том числе сопряженных со значительным риском для жизни и здоровья. Этим предопределяется необходимость установления государством гарантий адекватного возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью сотрудникам полиции в связи с исполнением ими обязанностей службы.

Установление законодателем в части 5 статьи 43 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» права сотрудника полиции на выплату единовременного пособия относится к формам реализации обязанности государства по возмещению указанной категории граждан вреда, причиненного их здоровью в связи с выполнением служебных обязанностей, имеет целью осуществление гарантированных им Конституцией Российской Федерации прав и компенсации последствий изменения их материального и социального статуса.

Указанное законоположение, являясь элементом особого публично-правового механизма возмещения вреда пострадавшим сотрудникам полиции, закрепляет одну из дополнительных гарантий, предоставляемых в случае невозможности продолжения службы в связи с получением увечья или иного повреждения здоровья при осуществлении служебной деятельности, и в системе действующего правового регулирования направлено на защиту их интересов, необходимость обеспечения эффективной государственной поддержки. Преследуя цель наиболее полно компенсировать сотрудникам полиции, здоровью которых был причинен вред в связи с исполнением обязанностей службы, неблагоприятные материальные последствия, вызванные увольнением со службы,

обусловленным невозможностью дальнейшего исполнения служебных обязанностей, законодатель наряду с ежемесячными денежными выплатами, непосредственно направленными на восполнение утраченного денежного довольствия, предусмотрел для них также выплату единовременного пособия при увольнении в связи с признанием их негодными к службе вследствие увечья (ранения, травмы, контузии) либо заболевания, полученных ими при исполнении служебных обязанностей. Данное единовременное пособие, будучи направленным на возмещение вреда здоровью, представляет собой дополнительную социальную гарантию, установленную специальным законом для соответствующей категории граждан, в отношении которых государство берет на себя компенсацию причиненного вреда как орган, действующий в публичных интересах.

Вместе с тем установленное действующим законодательством единовременное пособие при увольнении в связи с признанием сотрудников полиции негодными к службе вследствие увечья (ранения, травмы, контузии) либо заболевания, полученных ими при исполнении служебных обязанностей, не означает, что данная выплата относится к обязательным социальным выплатам в рамках социального обеспечения (статьи 7 и 39 Конституции Российской Федерации).

Единовременное пособие при увольнении в связи с признанием сотрудников полиции негодными к службе вследствие увечья (ранения, травмы, контузии) либо заболевания, полученных ими при исполнении служебных обязанностей, отличается от социальных выплат на основе обязательного социального страхования, поскольку их предоставление является конституционной обязанностью государства по возмещению вреда, причиненного здоровью таких граждан, что не может быть обусловлено какими-либо сборами, взносами в тот или иной фонд и не основывается на действии принципа солидарности поколений (как это характерно для обязательного социального страхования).

Единовременная выплата пособия сотруднику полиции при полной или частичной утрате трудоспособности, вызванной увечьем (ранением, травмой, контузией) либо заболеванием, полученными им при исполнении служебных обязанностей, исключающей продолжение службы, обусловлена особенностями службы в полиции, не является формой компенсации утраченного денежного содержания сотрудника и имеет специальное целевое назначение − реализацию конституционной публично-правовой обязанности государства по материальной и моральной поддержке сотрудников полиции, пострадавших при исполнении служебных обязанностей.

Соответственно, единовременное пособие, выплачиваемое сотруднику полиции при полной или частичной утрате трудоспособности, вызванной увечьем (ранением, травмой, контузией) либо заболеванием, полученными им при исполнении служебных обязанностей, исключающей продолжение службы, обусловлено особыми обстоятельствами несения службы в полиции конкретного сотрудника, является индивидуально-определенной выплатой,

носит целевой характер, ввиду чего она не входит в состав совместно нажитого супругами имущества, подлежащего разделу при расторжении брака.

Определение № 25-КГ22-8-К4

Разрешение споров, связанных с социальными, трудовыми отношениями

9. При рассмотрении регрессных требований территориального фонда обязательного медицинского страхования к гражданину, причинившему вред другому лицу по неосторожности, о возмещении расходов на оплату медицинской помощи, оказанной потерпевшему за счет средств фонда, суд вправе с учетом имущественного положения причинителя вреда уменьшить размер возмещения на основании пункта 3 статьи 1083 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Прокурор, действуя в интересах территориального фонда обязательного медицинского страхования субъекта Российской Федерации (далее − территориальный фонд), ссылаясь на положения Федерального закона от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации», статью 1081 ГК РФ, обратился в суд с иском к С., родившейся 19 мая 1947 г., о возмещении расходов на лечение М. в общей сумме 78 310 руб. 92 коп.

В обоснование требований прокурор указал, что прокуратурой проведена проверка по информации территориального фонда, касающейся вопроса взыскания в порядке регресса с виновного лица − С. денежных средств, затраченных на оказание медицинской помощи М., пострадавшему от действий С.

Приговором суда от 3 марта 2021 г., вступившим в законную силу, С. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного частью 1 статьи 264 УК РФ (нарушение лицом, управляющим автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством, правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека). В ходе рассмотрения уголовного дела было установлено, что в результате неосторожных действий С. водителю М. причинены телесные повреждения, квалифицированные как тяжкий вред здоровью, в связи с чем М. в период с 27 июля по 25 августа 2020 г. находился на стационарном лечении в городской больнице.

Медицинская помощь, оказанная потерпевшему М., была в полном объеме оплачена за счет средств территориального фонда, стоимость лечения М. составила 78 310 руб. 92 коп.

Суд апелляционной инстанции, рассматривая дело по правилам производства в суде первой инстанции без учета особенностей,

предусмотренных главой 39 ГПК РФ, отменяя решение суда первой инстанции и удовлетворяя исковые требования прокурора, действующего в интересах территориального фонда, о взыскании с С. в порядке регресса расходов на лечение М., со ссылкой на положения статьи 1081 ГК РФ, части 1 статьи 31 Федерального закона от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» исходил из того, что территориальный фонд обязательного медицинского страхования при несении расходов на оказание медицинской помощи застрахованному лицу имеет право регрессного требования непосредственно к лицу, причинившему вред. Учитывая, что лечение М. в медицинском учреждении было осуществлено в полном объеме за счет средств территориального фонда, при этом вред здоровью потерпевшему М. был причинен действиями С., суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что на С. должна быть возложена гражданско-правовая ответственность по возмещению территориальному фонду понесенных расходов на лечение пострадавшего в дорожно-транспортном происшествии М. в размере 78 310 руб. 92 коп.

Кассационный суд общей юрисдикции апелляционное определение суда апелляционной инстанции оставил без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы судов апелляционной и кассационной инстанций в части определения размера подлежащей взысканию с С. в пользу территориального фонда в порядке регресса денежной суммы сделанными с существенным нарушением норм материального и процессуального права ввиду следующего.

Из положений статей 3, 12, 13, 16, 31, 34 Федерального закона от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» следует, что в рамках обязательного медицинского страхования, представляющего собой систему создаваемых государством мер, направленных на обеспечение при наступлении страхового случая (в том числе при причинении вреда здоровью застрахованного лица) гарантий бесплатного оказания застрахованному лицу медицинской помощи за счет средств обязательного медицинского страхования, обязательства по оплате медицинской помощи исполняются территориальным фондом обязательного медицинского страхования. В свою очередь, территориальный фонд обязательного медицинского страхования, управляющий средствами обязательного медицинского страхования на территории субъекта Российской Федерации, предназначенными для обеспечения гарантий бесплатного оказания застрахованным лицам медицинской помощи в рамках программ обязательного медицинского страхования, с целью возмещения понесенных им расходов имеет право регрессного требования к непосредственному причинителю вреда.

Пунктом 1 статьи 1081 ГК РФ предусмотрено, что лицо, возместившее вред, причиненный другим лицом (работником при исполнении им

служебных, должностных или иных трудовых обязанностей, лицом, управляющим транспортным средством, и т.п.), имеет право обратного требования (регресса) к этому лицу в размере выплаченного возмещения, если иной размер не установлен законом.

Оплата оказанной потерпевшему М. в городской больнице медицинской помощи, осуществленная территориальным фондом, требование о взыскании расходов на которую с С. в порядке регресса заявлено прокурором в интересах территориального фонда, исходя из ее характера и правовой природы является выплатой в возмещение вреда, причиненного здоровью гражданина, в связи с чем указанные выше положения закона, предусматривающие право территориального фонда на предъявление регрессных исков о возмещении понесенных расходов непосредственно к лицу, ответственному за причинение вреда, подлежат применению к спорным отношениям во взаимосвязи с соответствующими нормативными положениями ГК РФ, регулирующими отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни и здоровью гражданина (глава 59 «Обязательства вследствие причинения вреда»).

Пунктом 3 статьи 1083 ГК РФ определено, что суд может уменьшить размер возмещения вреда, причиненного гражданином, с учетом его имущественного положения, за исключением случаев, когда вред причинен действиями, совершенными умышленно.

По смыслу пункта 3 статьи 1083 ГК РФ и разъяснений по его применению, содержащихся в пункте 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина», суд, возлагая на гражданина, причинившего вред в результате неумышленных действий, обязанность по его возмещению, может решить вопрос о снижении размера возмещения вреда. При этом суду надлежит оценивать в каждом конкретном случае обстоятельства, связанные с имущественным положением гражданина − причинителя вреда.

В результате неприменения к спорным отношениям положений пункта 3 статьи 1083 ГК РФ суд апелляционной инстанции не вынес на обсуждение сторон вопрос о наличии правовых оснований для уменьшения размера возмещения вреда, причиненного С. по неосторожности, с учетом его имущественного положения и в нарушение части 2 статьи 56 и части 1 статьи 196 ГПК РФ не определил обстоятельства, связанные с его материальным положением, в качестве юридически значимых при разрешении заявленных прокурором в интересах территориального фонда требований. Данные обстоятельства суд апелляционной инстанции не выяснял и не устанавливал, они не вошли в предмет доказывания по делу и какой-либо правовой оценки в апелляционном определении суда апелляционной инстанции, вопреки требованиям пункта 5 части 2 статьи 329 ГПК РФ, не получили.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации также обратила внимание на то, что С. в кассационной жалобе на апелляционное определение суда апелляционной инстанции приводил доводы о том, что судом апелляционной инстанции при разрешении данного спора не был рассмотрен вопрос о снижении размера ущерба, подлежащего взысканию с С. с учетом его имущественного положения, а также того, что он является пожилым пенсионером (75 лет), пенсия для него − единственный источник средств к существованию, с него по вступившему в законную силу приговору суда от 3 марта 2021 г. взыскивается в пользу М. возмещение морального вреда в размере 200 000 руб. и расходы на оплату услуг представителя 60 000 руб.

Кассационный суд общей юрисдикции не рассмотрел доводы кассационной жалобы С. относительно необходимости применения положения пункта 3 статьи 1083 ГК РФ, допущенные судом апелляционной инстанции нарушения не устранил.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила судебные постановления судов апелляционной и кассационной инстанций и направила дело на новое апелляционное рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

Определение № 117-КГ23-4-К4

10. Для признания супруга умершего (погибшего) военнослужащего находившимся на его иждивении в целях назначения пенсии по случаю потери кормильца на общих основаниях (часть 1 статьи 29 Закона Российской Федерации от 12 февраля 1993 г. № 4468-I) необходимо наличие обязательного условия – нетрудоспособности супруга на день смерти военнослужащего.

Л. 23 ноября 2021 г. обратилась в суд с иском к военному комиссариату, просила установить факт ее нахождения на иждивении супруга − военнослужащего О. на дату его смерти в целях назначения ей пенсии по случаю потери кормильца по линии Минобороны России на основании части 1 статьи 29 Закона Российской Федерации от 12 февраля 1993 г. № 4468-I «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей» (далее − Закон РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-I).

Судом установлено и следует из материалов дела, что Л. состояла в зарегистрированном браке с О., проходившим военную службу по контракту, заключенному по 3 апреля 2016 г.

О. умер 17 августа 2013 г., смерть его наступила при нахождении в отпуске за 2013 год в период прохождения им военной службы и не была связана с исполнением обязанностей военной службы.

Л. на дату смерти супруга О. была трудоустроена в коммерческую организацию, 15 ноября 2013 г. уволена по собственному желанию, 18 ноября 2013 г. вновь трудоустроилась в эту же организацию, откуда уволилась 27 февраля 2015 г. В дальнейшем − с 2 марта 2015 г. по 19 июня 2020 г. − работала в различных организациях.

Суд первой инстанции, удовлетворяя исковое заявление Л. об установлении факта нахождения на иждивении О. на дату его смерти 17 августа 2013 г., исходил из того, что заработок О. значительно превышал заработок Л., в связи с чем признал, что доход О. был основным источником дохода Л., а также принял во внимание, что супруги (О. и Л.) проживали вместе, на момент рассмотрения дела в суде Л. достигла возраста 55 лет (18 ноября 2021 г.), ввиду чего установил факт нахождения Л. на иждивении О. на дату его смерти − 17 августа 2013 г.

Апелляционным определением решение суда первой инстанции отменено, по делу принято новое решение об отказе в удовлетворении иска. Суд апелляционной инстанции, установив, что Л. на дату смерти О. (17 августа 2013 г.) не достигла возраста 55 лет, то есть являлась трудоспособным членом семьи умершего О., на дату смерти О. она была трудоустроена и работала до 19 июня 2020 г., пришел к выводу, что у Л. не имеется права на назначение пенсии по случаю потери кормильца по части 1 статьи 29 Закона РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-I.

Суд апелляционной инстанции также отметил, что у Л. отсутствует и право на пенсию по случаю потери кормильца на льготных условиях по части 1 статьи 30 Закона РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-I, так как доказательств факта наступления смерти О. вследствие военной травмы представлено не было.

Суд апелляционной инстанции, ссылаясь на часть 1 статьи 264 ГПК РФ, счел, что при таких обстоятельствах в данном случае установление в судебном порядке факта нахождения Л. на иждивении умершего супруга О. не влечет для нее юридических последствий в виде назначения пенсии по случаю потери кормильца, следовательно, у суда первой инстанции оснований для удовлетворения требований О. об установлении факта нахождения на иждивении супруга не имелось.

Кассационный суд общей юрисдикции отменил апелляционное определение и оставил в силе решение суда первой инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы кассационного суда общей юрисдикции основанными на неправильном применении норм материального права и сделанными с нарушением норм процессуального права по следующим основаниям.

Из нормативных положений пункта «а» статьи 21, статей 28, 29, части 1 статьи 30, статьи 31 Закона РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-I следует, что право на получение пенсии по случаю потери кормильца по линии Минобороны России на общих основаниях (статья 29 названного закона) имеет нетрудоспособный супруг умершего (погибшего) военнослужащего, достигший соответствующего возраста (мужчины − 60 лет, женщины − 55 лет) или являющийся инвалидом, состоявший на иждивении умершего (погибшего) военнослужащего. Факт нахождения супруга на иждивении умершего (погибшего) может быть подтвержден решением суда, и такое решение относится к числу документов, на основании которых уполномоченным органом нетрудоспособному супругу умершего военнослужащего назначается пенсия по случаю потери кормильца по нормам Закона РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-I.

Для признания супруга умершего (погибшего) военнослужащего находившимся на иждивении в целях назначения пенсии по случаю потери кормильца по части 1 статьи 29 Закона РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-I необходимо установление одновременно следующих условий: нетрудоспособности супруга на день смерти (гибели) кормильца и нахождения его на полном содержании умершего (погибшего) или получения от него помощи, которая была для супруга постоянным и основным источником средств к его существованию. Отсутствие одного из указанных условий исключает возможность признания супруга умершего (погибшего) военнослужащего иждивенцем в целях пенсионного обеспечения по случаю потери кормильца.

Для назначения пенсии по случаю потери кормильца на льготных условиях, то есть по части 1 статьи 30 Закона РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-I, супругам лиц, указанных в статье 1 этого закона, требуется наличие таких условий, как достижение супругом соответствующего возраста (55 лет для мужчин и 50 лет для женщин) и наступление смерти кормильца вследствие военной травмы, которой признается ранение, контузия, увечье или иное заболевание, полученные им при исполнении обязанностей военной службы (служебных обязанностей).

Приведенные нормативные положения, регулирующие отношения, связанные с пенсионным обеспечением супруга умершего (погибшего) военнослужащего, в их взаимосвязи с нормами процессуального закона (статей 264, 265, 267 ГПК РФ) об условиях и порядке рассмотрения судом дел об установлении фактов, имеющих юридическое значение, кассационным судом общей юрисдикции применены неправильно.

Отменяя апелляционное определение суда апелляционной инстанции и соглашаясь с решением суда первой инстанции, установившего факт нахождения Л. на иждивении умершего супруга (военнослужащего О.), исходя исключительно из сопоставления размеров заработков супругов Л. и О. (доход О. значительно превышал доход истца Л.), а также из факта их совместного проживания, суд кассационной инстанции полагал, что этих

обстоятельств достаточно для признания факта нахождения Л. на иждивении супруга О. в целях определения права Л. на пенсию по случаю потери кормильца на общих условиях.

Однако кассационный суд общей юрисдикции не принял во внимание, что для того, чтобы факт нахождения супруга на иждивении умершего (погибшего) военнослужащего порождал для супруга юридические последствия в виде права на пенсионное обеспечение по случаю потери кормильца, необходимо наличие еще одного обязательного условия, предусмотренного положениями части 1 статьи 29 Закона РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-I, а именно нетрудоспособности супруга на день смерти (гибели) кормильца (достижение супругом соответствующего возраста: мужчины − 60 лет, женщины − 55 лет или наличие инвалидности).

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила судебное постановление суда кассационной инстанции и оставила в силе апелляционное определение суда апелляционной инстанции.

Определение № 117-КГ23-9-К4

11. Признание членом семьи военнослужащего проживающего с ним малолетнего ребенка, его внука, закон связывает с установлением факта нахождения его на иждивении военнослужащего. В случае наличия у такого ребенка трудоспособных родителей, не лишенных родительских прав и проживающих совместно с военнослужащим, этот ребенок не может быть признан членом семьи военнослужащего и находящимся на его иждивении.

Военнослужащий П. 25 июня 2021 г. обратился в суд с иском к войсковой части, Министерству обороны Российской Федерации о признании несовершеннолетней внучки О., родившейся 24 февраля 2020 г., членом его семьи.

В обоснование заявленных требований П. указал, что он проходит военную службу по контракту, зарегистрирован и проживает вместе с женой Т., детьми: сыном И., дочерью В., родившейся 28 октября 2000 г., и внучкой О. (дочь В.), родившейся 24 февраля 2020 г., в предоставленной ему на основании договора найма служебного жилого помещения квартире. Его дочь В. (мать малолетней О.) в браке не состоит, не работает, является студенткой образовательного учреждения высшего профессионального образования, проходит обучение по очной форме на коммерческой основе, самостоятельного дохода не имеет, находится на иждивении П., все расходы по содержанию внучки О., с малолетнего возраста проживающей совместно с ним, несет истец.

П., ссылаясь на положения статьи 15 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (далее − Федеральный закон № 76-ФЗ), предусматривающей право военнослужащих на обеспечение их

жилыми помещениями в форме предоставления им денежных средств на приобретение или строительство жилых помещений за счет средств федерального бюджета, пояснил, что признание его внучки О. членом семьи, находящимся на его иждивении, необходимо для обеспечения ее жилищных и иных прав.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования П. о признании несовершеннолетней внучки − О. членом его семьи, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что внучка П. − О. является членом его семьи. При этом суд исходил из того, что П. постоянно проживает с дочерью В. и внучкой О. в одном жилом помещении, ведет с ними и другими членами семьи совместное хозяйство, он и члены его семьи имеют общий бюджет, несут общие расходы на приобретение продуктов питания, имущества для совместного пользования, общими усилиями содержат малолетнюю О., дочь В. является членом его семьи и ведет с ним общее хозяйство, внучка О. вселена в жилое помещение в качестве члена семьи, дочь В. нигде не работает, обучается по очной форме обучения, отец ребенка алименты не выплачивает, имеет задолженность по алиментам.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием.

Кассационный суд общей юрисдикции оставил состоявшиеся по делу судебные постановления без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации пришла к выводу о том, что при рассмотрении данного дела судами первой, апелляционной и кассационной инстанций были допущены существенные нарушения норм материального и процессуального права, и они выразились в следующем.

Статьей 2 Федерального закона № 76-ФЗ определен круг лиц, на которых распространяются предусмотренные этим федеральным законом социальные гарантии военнослужащих и членов их семей.

Пунктом 5 статьи 2 Федерального закона № 76-ФЗ военнослужащим и членам их семей устанавливаются социальные гарантии и компенсации, которые предусмотрены данным федеральным законом, федеральными конституционными законами и федеральными законами. К членам семей военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, на которых распространяются указанные социальные гарантии, компенсации, если иное не установлено этим федеральным законом, другими федеральными законами, относятся: супруга (супруг), несовершеннолетние дети, дети старше 18 лет, ставшие инвалидами до достижения ими возраста 18 лет, дети в возрасте до 23 лет, обучающиеся в образовательных организациях по очной форме обучения, лица, находящиеся на иждивении военнослужащих.

Таким образом, в соответствии с пунктом 5 статьи 2 Федерального закона № 76-ФЗ лица, находящиеся на иждивении военнослужащего, фактически уравниваются в правах на социальные гарантии с членами его семьи, если иное не установлено другими федеральными законами.

По смыслу статьи 31 Закона Российской Федерации от 12 февраля 1993 г. № 4468-I «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей» члены семьи военнослужащего считаются состоящими на его иждивении, если они находились на его полном содержании или получали от него помощь, которая является для них постоянным и основным источником средств к существованию.

В пункте 3 статьи 1 СК РФ закреплен принцип заботы о благосостоянии и развитии детей, обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи.

Пунктом 1 статьи 80 СК РФ установлено, что родители обязаны содержать своих несовершеннолетних детей. Порядок и форма предоставления содержания несовершеннолетним детям определяются родителями самостоятельно.

Местом жительства несовершеннолетних, не достигших четырнадцати лет, или граждан, находящихся под опекой, признается место жительства их законных представителей − родителей, усыновителей или опекунов (пункт 2 статьи 20 ГК РФ).

Следовательно, положениями СК РФ установлена прямая обязанность родителей содержать своих несовершеннолетних детей, заботиться об их благосостоянии и развитии.

Как установлено судом, матерью малолетней О. является дочь военнослужащего П. − В., 2000 года рождения, которая родительских прав в отношении своей дочери О. не лишена и является трудоспособной. В. состояла в браке с отцом малолетней О. − Э. (брак расторгнут 26 ноября 2019 г.), в отношении Э. в установленном законом порядке также не принималось решения о лишении родительских прав. Таким образом, у малолетней О. имеются трудоспособные родители (отец Э. и мать В.), на которых в силу части 1 статьи 80 СК РФ возложена прямая обязанность по содержанию своего ребенка О.

Суждение судов первой и апелляционной инстанций о том, что малолетняя О. должна быть признана членом семьи военнослужащего П., поскольку находится на его иждивении, истец несет расходы по содержанию внучки О., мать малолетней О. − В. трудовую деятельность не осуществляет, обучается по очной форме обучения в образовательном учреждении высшего профессионального образования, отец ребенка Э. на содержание О. алименты не выплачивает и имеет задолженность по алиментным обязательствам, сделано без учета норм СК РФ об обязанности родителей содержать своих несовершеннолетних детей.

Вследствие неправильного применения норм материального права и нарушения части 2 статьи 56 и части 1 статьи 196 ГПК РФ (определение судом обстоятельств, имеющих значение для дела) судебными инстанциями сделан вывод об удовлетворении заявленных П. требований о признании малолетней О. членом семьи военнослужащего, не основанный на установленных судом, имеющих значение для разрешения спора обстоятельствах, свидетельствующих о том, что родители малолетней О. (отец Э. и мать В.) имеют какие-либо объективные препятствия (например, болезнь, инвалидность) для выполнения установленной законом прямой обязанности родителей содержать своего ребенка или обстоятельства, указывающие на утрату малолетней О. родительского попечения (статья 121 СК РФ).

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации также обратила внимание на ошибочность вывода судебных инстанций о том, что малолетняя О. находится на иждивении П., так как была вселена в предоставленное ему на основании договора найма служебное жилое помещение в качестве члена его семьи, указав, что судебными инстанциями не были приняты во внимание положения пункта 2 статьи 20 ГК РФ, в соответствии с которыми местом жительства несовершеннолетних, не достигших четырнадцати лет, признается место жительства их законных представителей − родителей. Малолетняя О. была вселена в указанное жилое помещение по месту проживания своей матери − В., а не как член семьи военнослужащего П., чему судами не была дана правовая оценка.

В связи с изложенным Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые по данному делу судебные постановления судов первой, апелляционной и кассационной инстанций и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 4-КГ23-45-К1

12. Льготный порядок исчисления размеров пенсий предусмотрен для лиц начальствующего состава в званиях полковника и выше, переведенных по решению руководителя министерства или соответствующей федеральной службы в интересах службы по состоянию здоровья или возрасту с должностей, которые они занимали не менее трех лет, на должности с меньшим должностным окладом, имевшим на день перевода выслугу, дающую право на пенсию за выслугу лет. Названным лицам пенсия за выслугу лет может исчисляться исходя из оклада по штатной должности, которую они занимали до указанного перевода.

К. обратился в суд с иском к главному управлению внутренних дел по субъекту Российской Федерации (далее – ГУ МВД по субъекту Российской

Федерации) о признании права на исчисление пенсии за выслугу лет исходя из оклада по должности по 20 тарифному разряду в размере 16 500 руб., возложении обязанности произвести перерасчет размера пенсии за выслугу лет и денежных выплат при увольнении исходя из оклада по штатной должности по этому тарифному разряду.

В обоснование исковых требований К. указал, что с 9 апреля 1998 г. по 11 февраля 2019 г. проходил службу в органах внутренних дел в различных должностях, имеет специальное звание «майор полиции», до 1 сентября 2015 г. К. занимал должность эксперта отдела ГУ МВД России по субъекту Российской Федерации, оклад месячного денежного содержания по этой должности соответствует 20 тарифному разряду.

В дальнейшем приказом начальника ГУ МВД России по субъекту Российской Федерации К. в связи с организационно-штатными мероприятиями с 1 сентября 2015 г. переведен на должность эксперта отдела межмуниципального управления МВД России с сохранением тарифного разряда (20 тарифный разряд), установленного по прежней занимаемой им должности, оклад месячного денежного содержания по вновь замещаемой К. должности соответствал 15 тарифному разряду в размере 15 600 руб.

Приказом межмуниципального управления МВД России от 5 февраля 2019 г. № 19 л/с К. уволен со службы в органах внутренних дел по пункту 8 части 2 статьи 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (по состоянию здоровья − на основании заключения военно-врачебной комиссии об ограниченной годности к службе в органах внутренних дел и о невозможности выполнять служебные обязанности в соответствии с замещаемой должностью при отсутствии возможности перемещения по службе). Выслуга лет К. в календарном исчислении составила 24 года 10 месяцев 3 дня.

С 11 февраля 2019 г. К. назначена пенсия за выслугу лет, размер которой ГУ МВД по субъекту Российской Федерации был исчислен из оклада по должности эксперта отдела межмуниципального управления МВД России по 15 тарифному разряду в размере 15 600 руб.

Истец полагал, что расчет размера пенсии за выслугу лет и причитающихся при увольнении денежных выплат должен производиться из размера должностного оклада по 20 тарифному разряду – 16 500 руб., сохраненного ему при переводе в 2015 году на нижестоящую должность в связи с организационно-штатными мероприятиями.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения апелляционным определением, исковые требования К. признаны обоснованными и удовлетворены.

Кассационный суд общей юрисдикции оставил решение суда первой инстанции и апелляционное определение без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации пришла к выводу, что в данном деле судебными инстанциями были допущены существенные нарушения норм материального и процессуального права, и они выразились в следующем.

Порядок пенсионного обеспечения лиц, проходивших военную службу, иных категорий лиц и их семей урегулирован Законом Российской Федерации от 12 февраля 1993 г. № 4468-I «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, и их семей» (наименование закона приведено на дату назначения К. пенсии за выслугу лет – 11 февраля 2019 г., далее – Закон Российской Федерации от 12 февраля 1993 г. № 4468-I)[1].

Абзацем первым пункта 8 постановления Правительства Российской Федерации от 22 сентября 1993 г. № 941 «О порядке исчисления выслуги лет, назначения и выплаты пенсий, компенсаций и пособий лицам, проходившим военную службу в качестве офицеров, прапорщиков, мичманов и военнослужащих сверхсрочной службы или по контракту в качестве солдат, матросов, сержантов и старшин либо службу в органах внутренних дел, федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, и их семьям в Российской Федерации» (наименование постановления приведено в редакции на дату назначения К. пенсии за выслугу лет, далее − постановление Правительства Российской Федерации от 22 сентября 1993 г. № 941) установлено, что пенсии уволенным со службы военнослужащим, лицам рядового и начальствующего состава органов внутренних дел, федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы, учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, войск национальной гвардии Российской Федерации исчисляются из суммы их денежного довольствия, указанного в пунктах 9 и 10 данного постановления, с повышением (индексацией) этого денежного довольствия по состоянию на день назначения или перерасчета им пенсии.

В соответствии с абзацем первым подпункта «б» пункта 9 постановления Правительства Российской Федерации от 22 сентября 1993 г. № 941 в денежное довольствие, учитываемое при исчислении пенсий в порядке, предусмотренном пунктом 8 названного постановления,

---

[1] С 1 января 2020 г. наименование закона − Закон Российской Федерации от 12 февраля 1993 г. № 4468-I «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации и их семей».

необходимо включать уволенным со службы лицам рядового и начальствующего состава органов внутренних дел (кроме указанных в подпунктах «д» и «е» пункта 9) – оклад по последней штатной должности (с учетом абзаца второго данного подпункта), оклад по специальному званию, присвоенному ко дню увольнения, и ежемесячную надбавку к окладу месячного денежного содержания за стаж службы (выслугу лет), исчисленную из этих окладов.

Лицам начальствующего состава в званиях полковника милиции (полиции), полковника внутренней службы, полковника юстиции и выше, переведенным по решению Министра внутренних дел Российской Федерации, Министра юстиции Российской Федерации, Министра Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, директора Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации − главнокомандующего войсками национальной гвардии Российской Федерации в интересах службы по состоянию здоровья или возрасту с должностей, которые они занимали не менее трех лет, на должности с меньшим должностным окладом, имевшим на день перевода выслугу, дающую право на пенсию за выслугу лет, пенсия при последующем увольнении их со службы может исчисляться исходя из оклада по штатной должности, которую они занимали до указанного перевода (абзац второй подпункта «б» пункта 9 постановления Правительства Российской Федерации от 22 сентября 1993 г. № 941 в редакции, действовавшей на день назначения К. пенсии за выслугу лет)[2].

Исходя из приведенных выше нормативных положений при исчислении пенсии за выслугу лет лицам рядового и начальствующего состава, проходившим службу в органах внутренних дел, по общему правилу учитывается оклад по последней штатной должности.

---

[2] Абзац второй подпункта «б» пункта 9 постановления Правительства Российской Федерации от 22 сентября 1993 г. № 941 с 3 ноября 2022 г. действует в следующей редакции: «Лицам начальствующего состава в званиях полковника милиции (полиции), полковника внутренней службы, полковника юстиции и выше, переведенным по решению Министра внутренних дел Российской Федерации, Министра юстиции Российской Федерации, директора Федеральной службы судебных приставов, директора Федеральной службы исполнения наказаний, Министра Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, директора Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации − главнокомандующего войсками национальной гвардии Российской Федерации в интересах службы по состоянию здоровья или возрасту с должностей, которые они занимали не менее трех лет, на должности с меньшим должностным окладом, имевшим на день перевода выслугу, дающую право на пенсию за выслугу лет, пенсия при последующем увольнении их со службы исчисляется исходя из оклада по штатной должности, которую они занимали до указанного перевода, либо исходя из оклада по последней штатной должности − по их выбору на основании заявления».

Вместе с тем постановлением Правительства Российской Федерации от 22 сентября 1993 г. № 941 предусмотрено исключение из этого правила при исчислении размера пенсии за выслугу лет для лиц начальствующего состава органов внутренних дел в званиях полковника и выше, переведенных по решению Министра внутренних дел Российской Федерации в интересах службы по состоянию здоровья или возрасту с должностей, которые они занимали не менее трех лет, на должности с меньшим должностным окладом, имевшим на день перевода выслугу, дающую право на пенсию за выслугу лет. Названным лицам при их последующем увольнении со службы в органах внутренних дел пенсия за выслугу лет может исчисляться исходя из оклада по штатной должности, которую они занимали до указанного перевода (абзац второй подпункта «б» пункта 9 данного постановления).

Делая вывод о наличии оснований для перерасчета К. пенсии за выслугу лет исходя из оклада 16 500 руб. (20 тарифный разряд), который был сохранен К. при его переводе с 1 сентября 2015 г. с должности эксперта отдела ГУ МВД России по субъекту Российской Федерации на должность эксперта отдела межмуниципального управления МВД России и выплачивался на день увольнения со службы в органах внутренних дел, суды приведенные нормативные положения применили неправильно и не учли, что при прекращении службы в органах внутренних дел и назначении пенсии за выслугу лет ее размер определяется исходя из оклада по последней штатной должности, а не из размера сохраненного оклада. Судебные инстанции также оставили без внимания, что только для лиц начальствующего состава в званиях полковника и выше, переведенных по решению руководителя министерства или соответствующей федеральной службы в интересах службы по состоянию здоровья или возрасту с должностей, которые они занимали не менее трех лет, на должности с меньшим должностным окладом, имевшим на день перевода выслугу, дающую право на пенсию за выслугу лет, пенсия за выслугу лет может исчисляться исходя из оклада по штатной должности, которую они занимали до указанного перевода.

Вследствие неприменения к спорным отношениям положений абзаца второго подпункта «б» пункта 9 постановления Правительства Российской Федерации № 941 суды первой и апелляционной инстанций не дали оценки тем обстоятельствам, что К. имел звание майора полиции, а не полковника полиции и выше, его перевод на нижестоящую должность был обусловлен проведением организационно-штатных мероприятий, а не состоянием его здоровья или возрастом, он был переведен на нижестоящую должность приказом временно исполняющего обязанности начальника ГУ МВД России по субъекту Российской Федерации, а не решением Министра внутренних дел Российской Федерации.

Признавая ошибочной ссылку суда первой инстанции в подтверждение своих выводов об удовлетворении иска К. на положения части 8 статьи 30 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах

внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отметила, что названный федеральный закон регулирует правоотношения, связанные с поступлением на службу в органы внутренних дел, ее прохождением и прекращением, а также с определением правового положения (статуса) сотрудника органов внутренних дел. К отношениям, касающимся пенсионного обеспечения уволенного со службы сотрудника органов внутренних дел, положения части 8 статьи 30 указанного федерального закона, из которых следует, что сохраненный сотруднику органов внутренних дел при переводе на нижестоящую должность должностной оклад в размере, установленном по последней должности, которую он замещал до назначения на нижестоящую должность, учитывается при выплате денежного довольствия только в период прохождения этим сотрудником службы, не применяются. При прекращении сотрудником службы в органах внутренних дел и назначении пенсии в соответствии с нормами пенсионного законодательства учитывается его должностной оклад по последней штатной должности, а не должностной оклад, сохраненный сотруднику органов внутренних дел в порядке части 8 статьи 30 Федерального закона № 342-ФЗ при переводе его ранее на нижестоящую должность, что не было учтено судебными инстанциями.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 45-КГ23-18-К7

Процессуальные вопросы

13. Иски, связанные с возмещением вреда жизни или здоровью потерпевшего, в том числе и путем осуществления компенсационной выплаты в связи с гибелью близкого родственника, могут быть поданы заявителем по правилам альтернативной подсудности в суд по месту своего жительства.

Ц. обратился в суд с иском к Российскому Союзу Автостраховщиков (далее − РСА) о взыскании неустойки, указав в обоснование заявленных требований, что ответчиком ненадлежаще исполнены обязательства по выплате страхового возмещения по факту гибели его супруги в результате дорожно-транспортного происшествия.

Решением суда иск удовлетворен.

Апелляционным определением решение суда первой инстанции отменено, дело передано по подсудности для рассмотрения по существу в суд по месту нахождения филиала РСА.

Кассационный суд общей юрисдикции оставил апелляционное определение без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления судов апелляционной и кассационной инстанций и направила дело на новое апелляционное рассмотрение, указав на допущенное нарушение правил подсудности спора.

Согласно подпункту «б» пункта 1 статьи 18 Федерального закона от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (далее − Закон об ОСАГО) компенсационная выплата в счет возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью потерпевшего, осуществляется в случаях, если страховое возмещение по обязательному страхованию не может быть осуществлено вследствие отзыва у страховщика лицензии на осуществление страховой деятельности.

В пункте 1 статьи 19 указанного закона предусмотрено, что к отношениям между потерпевшим и профессиональным объединением страховщиков по поводу компенсационных выплат по аналогии применяются правила, установленные законодательством Российской Федерации для отношений между выгодоприобретателем и страховщиком по договору обязательного страхования.

Таким образом, к компенсационным выплатам в связи со смертью потерпевшего по аналогии применяются правила, установленные для соответствующих отношений между выгодоприобретателем и страховщиком.

Из пункта 6 статьи 12 Закона об ОСАГО следует, что в случае смерти потерпевшего право на возмещение вреда переходит к лицам, имеющим право в соответствии с гражданским законодательством на возмещение вреда в случае смерти кормильца, при отсутствии таких лиц − к супругу, родителям, детям потерпевшего и гражданам, у которых потерпевший находился на иждивении, если он не имел самостоятельного дохода (выгодоприобретатели).

В пункте 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 8 ноября 2022 г. № 31 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» разъяснено, что в случае смерти потерпевшего в результате дорожно-транспортного происшествия право на получение страховой выплаты, предусмотренной пунктом 7 статьи 12 Закона об ОСАГО, принадлежит: нетрудоспособным лицам, состоявшим на иждивении умершего или имевшим ко дню его смерти право на получение от него содержания; ребенку умершего, родившемуся после его смерти; одному из родителей, супругу либо другому члену семьи независимо от его трудоспособности, который не работает и занят уходом за находившимися на иждивении умершего его детьми, внуками, братьями и сестрами, не достигшими четырнадцати лет либо хотя и достигшими указанного возраста, но по заключению медицинских органов

нуждающимися по состоянию здоровья в постороннем уходе; лицу, состоявшему на иждивении умершего и ставшему нетрудоспособным в течение пяти лет после его смерти (статья 1088 ГК РФ, пункт 6 статьи 12 Закона об ОСАГО).

В отсутствие указанных лиц право на возмещение вреда имеют супруг, родители, дети потерпевшего, а также иные граждане, у которых потерпевший находился на иждивении, если он не имел самостоятельного дохода.

Таким образом, супруг потерпевшего, погибшего в результате дорожно-транспортного происшествия, при отсутствии указанных в пункте 1 статьи 1088 ГК РФ лиц имеет право на получение компенсационной выплаты в соответствии с Законом об ОСАГО.

В пункте 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» разъяснено, что иски о возмещении вреда, причиненного увечьем, иным повреждением здоровья или в результате смерти кормильца, в том числе иски о компенсации морального вреда, могут быть предъявлены гражданином как по общему правилу территориальной подсудности − по адресу организации, так и в суд по месту своего жительства или месту причинения вреда (статьи 28, 29 ГПК РФ).

Таким образом, действующее процессуальное законодательство по категории дел, связанной с возмещением вреда жизни, в том числе и путем осуществления компенсационной выплаты в связи с гибелью близкого родственника, предоставляет истцам дополнительную гарантию судебной защиты прав и законных интересов − возможность обращения с такими исками по правилам альтернативной подсудности, то есть по месту своего жительства или месту причинения вреда.

То обстоятельство, что предметом иска Ц. является взыскание неустойки за просрочку осуществления компенсационной выплаты, связанной с гибелью его супруги, не исключает право истца на предъявление указанного иска с учетом положений части 5 статьи 29 ГПК РФ, которой предусмотрено, что иски о возмещении вреда, причиненного увечьем, иным повреждением здоровья или в результате смерти кормильца, могут предъявляться истцом также в суд по месту его жительства или месту причинения вреда.

Определение № 18-КГ23-175-К4

14. Публичный характер государственной регистрации прав на недвижимое имущество не исключает рассмотрение третейским судом спора о правах на недвижимое имущество между участниками третейского соглашения.

Отказ в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда по спору о правах на недвижимое

имущество возможен, если государственным судом будет установлен факт недобросовестности сторон третейского разбирательства, создания видимости частноправового спора с целью регистрации прав на недвижимое имущество в обход закона и выводы об этом факте будут исчерпывающим образом мотивированы в определении суда.

М. обратился в суд с заявлением о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда (образован сторонами для разрешения конкретного спора) по делу по иску М. к Б. о признании права собственности на недвижимое имущество, которым за М. признано право собственности на земельный участок.

Отказывая в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, суд сослался на то, что вопрос о праве собственности на недвижимое имущество относится к исключительной компетенции государственных судов, поскольку данные отношения носят публично-правовой характер.

С выводами суда первой инстанции согласились суд апелляционной инстанции и кассационный суд общей юрисдикции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления, дело направила на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Согласно статье 41 Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» арбитражное решение признается обязательным и подлежит немедленному исполнению сторонами, если в нем не установлен иной срок исполнения. При подаче стороной в компетентный суд заявления в письменной форме арбитражное решение принудительно приводится в исполнение путем выдачи исполнительного листа в соответствии с данным федеральным законом и положениями процессуального законодательства Российской Федерации. В силу пункта 1 статьи 42 этого федерального закона в приведении арбитражного решения в исполнение путем выдачи исполнительного листа может быть отказано лишь по основаниям, установленным процессуальным законодательством Российской Федерации.

Как предусмотрено пунктом 5 части 2 статьи 14 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», основаниями для осуществления государственного кадастрового учета и (или) государственной регистрации прав являются вступившие в законную силу судебные акты.

Согласно правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации третейские суды, будучи альтернативной формой защиты права и действуя в качестве институтов гражданского общества, наделены публично значимыми функциями, но не входят в российскую судебную систему и не осуществляют судебную власть. Стороны спора, заключая соглашение о его

передаче на рассмотрение третейского суда и реализуя тем самым свое право на свободу договора, добровольно соглашаются подчиниться правилам, установленным для такого суда, чье решение обязательно для сторон на основе добровольного исполнения, а принудительное исполнение находится за пределами третейского разбирательства и является задачей государственных судов и органов принудительного исполнения. При этом право на судебную защиту − полную, эффективную и своевременную − обеспечивается возможностью обратиться в предусмотренных законом случаях в государственный суд, в частности путем подачи заявления об отмене решения третейского суда либо о выдаче исполнительного листа на его принудительное исполнение (постановление от 26 мая 2011 г. № 10-П, определения от 26 октября 2000 г. № 214-О, от 15 мая 2001 г. № 204-О, от 20 февраля 2002 г. № 54-О, от 4 июня 2007 г. № 377-О-О и др.).

Применительно к гражданско-правовым спорам о правах на недвижимое имущество постановлением от 26 мая 2011 г. № 10-П Конституционный Суд Российской Федерации признал не противоречащими Конституции Российской Федерации взаимосвязанные положения пункта 1 статьи 11 ГК РФ, пункта 2 статьи 1 Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации», статьи 28 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)», поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования они допускают рассмотрение третейскими судами таких гражданско-правовых споров (в том числе об обращении взыскания на имущество, заложенное по договору об ипотеке) и государственную регистрацию соответствующих прав на основании решений третейских судов.

В пункте 56 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 декабря 2019 г. № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» разъяснено, что решение третейского суда, вынесенное по спору о правах на недвижимое имущество, в том числе не требующее принудительного приведения в исполнение, само по себе не является основанием для осуществления государственного кадастрового учета и (или) государственной регистрации прав (часть 2 статьи 14 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», статья 43 Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»).

Для целей осуществления государственного кадастрового учета и (или) государственной регистрации прав на основании такого решения третейского суда требуется соблюдение процедуры, установленной главой 47 ГПК РФ, § 2 главы 30 АПК РФ. В связи с этим по указанной категории споров судам

следует принимать к рассмотрению заявления о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, даже если соответствующее решение по своей природе не требует принудительного приведения в исполнение (например, решения третейских судов о признании за истцом права собственности или иных прав на объекты недвижимого имущества, находящиеся на территории Российской Федерации).

В постановлении от 3 октября 2023 г. № 46-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 131 Гражданского кодекса Российской Федерации и пункта 5 части 2 статьи 14 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» в связи с жалобой гражданки Т.В. Солодовниковой» Конституционный Суд Российской Федерации указал, что и после реформы третейского разбирательства сохраняют силу его правовые позиции об отсутствии влияния необходимости государственной регистрации прав на недвижимое имущество на природу спора об этих правах: отношения по поводу регистрации нельзя считать элементом спорного правоотношения, суть которого остается гражданско-правовой, тогда как «публичный эффект» появляется лишь после удостоверения государством результатов сделки или иного юридически значимого действия.

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации, нет оснований считать, что после реформы третейского разбирательства, после неоднократных изменений процессуального законодательства и норм, регламентирующих отношения по поводу учета недвижимости и регистрации прав на нее органами публичной власти, не могут быть защищены интересы лиц, не участвовавших в рассмотрении третейским судом спора о правах на недвижимое имущество, в том числе если в результате такого рассмотрения принято решение о признании или прекращении (полностью либо в части) права собственности на объект, применительно к которому у третьего лица мог быть свой интерес, и если в результате принятия арбитражного решения у третьего лица необоснованно возникнет установленная законом и вытекающая из абсолютных правоотношений между собственником и неограниченным кругом лиц обязанность не препятствовать собственнику в осуществлении его правомочий.

Согласно пункту 5.1 постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 3 октября 2023 г. № 46-П, поскольку публичный порядок включает в себя основополагающие принципы российского права, его нарушение − как основание для отказа в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда в соответствии с пунктом 2 части 4 статьи 426 ГПК РФ, пунктом 2 части 4 статьи 239 АПК РФ − не может быть установлено ввиду лишь того обстоятельства, что гражданско-правовой спор, рассмотренный третейским судом и прямо не исключенный законодателем из числа способных быть предметом арбитража, обладает публичной значимостью. Вместе с тем констатация такого нарушения не исключается, если с учетом обстоятельств дела, в том

числе обстоятельств заключения арбитражного соглашения, государственный суд сделает вывод о том, что стороны рассчитывают создать видимость частноправового спора и получить формальные основания для регистрации прав на недвижимость в обход предписаний закона (например, заведомое отсутствие у сторон арбитражного соглашения прав на соответствующее имущество, отсутствие между ними гражданско-правового отношения, из которого мог бы возникнуть спор, передаваемый в третейский суд, и др.).

Создание видимости права (включая право на передачу спора в третейский суд), то есть обман или иное намеренное искажение информации, способствующие получению несоразмерных преимуществ при вступлении в частно- и публично-правовые отношения, представляют собой, по сути, действия, направленные на обход закона с противоправной целью.

Тем самым принцип добросовестности (с учетом статьи 75^1 Конституции Российской Федерации) является одним из элементов публичного порядка Российской Федерации, а потому установленная государственным судом недобросовестность сторон третейского разбирательства − в том числе игнорирование ими интересов третьих лиц, создание видимости частноправового спора с целью его передачи на разрешение третейского суда и тем более злоупотребление правом − может послужить основанием для вывода о нарушении публичного порядка Российской Федерации и для отказа в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, но лишь при условии исчерпывающего обоснования государственным судом вывода о такой недобросовестности, которая к тому же не может следовать из того лишь обстоятельства, что предметом спора выступают права на недвижимое имущество (абзац четвертый пункта 5.2 постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 3 октября 2023 г. № 46-П).

Во всяком случае, с учетом публично-правового значения деятельности третейских судов вывод о противоречии решения третейского суда публичному порядку должен быть мотивирован в определении государственного суда, который не вправе ограничиваться общим указанием на наличие такого нарушения. Отсутствие подробной мотивировки умаляет оказанное обществом доверие к деятельности третейских судов в качестве института альтернативного разрешения споров, влечет незаконность судебного решения как вынесенного с нарушением универсального требования о мотивированности судебных актов, отраженного в процессуальном законодательстве (статья 198 ГПК РФ и статья 170 АПК РФ) (абзац второй пункта 5.3 постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 3 октября 2023 г. № 46-П).

С учетом изложенного отказ суда в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда только на том основании, что предметом спора в третейском суде являлись права на

недвижимое имущество, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала незаконным.

Определение № 24-КГ24-1-К4

15. При отказе причинителя вреда от проведения экспертизы в целях проверки его доводов о неполном размере страхового возмещения, полученного потерпевшим по договору ОСАГО, суд разрешает спор на основании имеющихся в деле доказательств.

Общество (цессионарий) обратилось в суд с иском к Г. (причинитель вреда) и страховой компании о возмещении ущерба, причиненного повреждением автомобиля Ш. (потерпевший, цедент) в результате дорожно-транспортного происшествия (далее − ДТП), в виде разницы между выплаченным страховым возмещением и рыночной стоимостью восстановительного ремонта автомобиля потерпевшего без учета износа.

Судом в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, привлечен Ш.

По ходатайству ответчика Г., оспаривавшего перечень относящихся к ДТП повреждений автомобиля потерпевшего, а также размер ущерба, судом назначена транспортно-трасологическая экспертиза.

На разрешение эксперта поставлены предложенные ответчиком и согласованные сторонами в судебном заседании вопросы о соответствии повреждений автомобиля потерпевшего обстоятельствам ДТП и, с учетом ответа на предыдущий вопрос, о стоимости восстановительного ремонта по среднерыночным ценам.

Принимая во внимание результаты экспертизы и удовлетворяя требования к Г. (причинителю вреда), суд первой инстанции исходил из того, что страховая компания по соглашению с потерпевшим и в соответствии с подпунктом «ж» пункта 16^1 статьи 12 Федерального закона от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (далее − Закон об ОСАГО) правомерно осуществила страховое возмещение в денежной форме, рассчитанное в полном объеме в соответствии с Единой методикой определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства, утвержденной положением банка России от 4 марта 2021 г. № 755-П, с учетом износа.

Соглашаясь с выводом суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции указал на то, что выплата по соглашению потерпевшего со страховщиком страхового возмещения в денежной форме вместо организации восстановительного ремонта является реализацией предусмотренного законом права потерпевшего (в данном случае − его правопреемника) и не лишает его возможности требовать полного возмещения ущерба с причинителя вреда.

С такими выводами судов первой и апелляционной инстанций согласился кассационный суд общей юрисдикции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала состоявшиеся по делу судебные постановления соответствующими требованиям закона по следующим основаниям.

Пунктом 1 статьи 15 ГК РФ установлено, что лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере. В соответствии со статьей 1072 названного кодекса юридическое лицо или гражданин, застраховавшие свою ответственность в порядке добровольного или обязательного страхования в пользу потерпевшего (статья 931, пункт 1 статьи 935), в случае, когда страховое возмещение недостаточно для того, чтобы полностью возместить причиненный вред, возмещают разницу между страховым возмещением и фактическим размером ущерба.

Согласно преамбуле Закона об ОСАГО данный закон определяет правовые, экономические и организационные основы обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств в целях защиты прав потерпевших. При этом в отличие от норм гражданского права о полном возмещении убытков причинителем вреда (статья 15, пункт 1 статьи 1064 ГК РФ) Закон об ОСАГО гарантирует возмещение вреда, причиненного жизни, здоровью или имуществу потерпевших, в пределах, установленных этим законом (абзац второй статьи 3 Закона об ОСАГО). Страховое возмещение вреда, причиненного повреждением транспортных средств потерпевших, ограничено названным законом как лимитом страхового возмещения, так и специальным порядком расчета страхового возмещения, осуществляемого в денежной форме − с учетом износа комплектующих изделий (деталей, узлов, и агрегатов), подлежащих замене, и в порядке, установленном Единой методикой.

В силу абзаца второго пункта 23 статьи 12 Закона об ОСАГО с лица, причинившего вред, может быть взыскана сумма в размере части требования, оставшейся неудовлетворенной, в соответствии с данным законом.

Согласно разъяснениям, изложенным в пункте 63 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 8 ноября 2022 г. № 31 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (далее − постановление Пленума № 31), причинитель вреда, застраховавший свою ответственность в порядке обязательного страхования в пользу потерпевшего, возмещает разницу между страховым возмещением и фактическим размером ущерба только в случае, когда надлежащее страховое возмещение является недостаточным для полного возмещения причиненного вреда (статья 15, пункт 1 статьи 1064, статья 1072, пункт 1 статьи 1079, статья 1083 ГК РФ).

При реализации потерпевшим права на получение страхового возмещения в форме страховой выплаты, в том числе в случаях, предусмотренных пунктом 16 статьи 12 Закона об ОСАГО, с причинителя вреда в пользу потерпевшего подлежит взысканию разница между фактическим размером ущерба и надлежащим размером страховой выплаты. Реализация потерпевшим права на получение страхового возмещения в форме страховой выплаты, в том числе и в случае, предусмотренном подпунктом «ж» пункта 16^1 статьи 12 Закона об ОСАГО, является правомерным поведением и сама по себе не может расцениваться как злоупотребление правом (пункт 64).

Как разъяснено в пункте 65 постановления Пленума № 31, если в ходе разрешения спора о возмещении причинителем вреда ущерба по правилам главы 59 ГК РФ суд установит, что страховщиком произведена страховая выплата в меньшем размере, чем она подлежала выплате потерпевшему в рамках договора обязательного страхования, с причинителя вреда подлежит взысканию в пользу потерпевшего разница между фактическим размером ущерба (то есть действительной стоимостью восстановительного ремонта, определяемой по рыночным ценам в субъекте Российской Федерации с учетом утраты товарной стоимости и без учета износа автомобиля на момент разрешения спора) и надлежащим размером страхового возмещения.

Как следует из судебных постановлений и материалов дела, после получения судом заключения эксперта о перечне повреждений автомобиля потерпевшего, относящихся к ДТП, и стоимости их восстановительного ремонта по рыночным ценам ответчик заявил возражения о том, что страховое возмещение выплачено не в полном размере.

Данный вопрос был поставлен судом на обсуждение сторон в судебном заседании, в том числе поставлен вопрос о назначении повторной судебной экспертизы для выяснения надлежащего размера страховой выплаты на основании Единой методики. Однако представитель ответчика заявил возражения против назначения такой экспертизы, ссылаясь на отсутствие, по его мнению, обязанности ответчика представлять такие доказательства. Ответчик поддержала возражения своего представителя.

При таких обстоятельствах и с учетом положений статьи 12 ГПК РФ о принципах состязательности сторон и части 1 статьи 56 ГПК РФ об обязанности стороны доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений, Судебная коллегия признала, что в части размера страховой выплаты судами правомерно разрешен спор на основании имеющихся в деле доказательств, в том числе на основании материалов выплатного дела страховой компании, содержащего экспертное заключение, выполненное в соответствии с Единой методикой.

Определение № 11-КГ23-22-К6

16. В том случае, если суд не установит факты нарушения ответчиком прав истца, в защиту которых он обратился в судебном порядке, либо оспаривания ответчиком защищаемых истцом прав, то судебные издержки истца не подлежат возложению на ответчика.

Б. (собственник земельного участка) обратилась в суд с иском к К. (собственнику смежного земельного участка) и с учетом уточненных требований просила установить факт наличия реестровой ошибки в сведениях государственного кадастра недвижимости в отношении принадлежащего Б. земельного участка путем внесения в ЕГРН уточненных сведений о границах данного земельного участка, указав, что фактическая граница между земельными участками Б. и К. определена забором, споров между истцом и ответчиком не имеется. Также истец просила взыскать с ответчика судебные расходы по оплате землеустроительной экспертизы, по уплате государственной пошлины, на оплату услуг представителя.

Решением суда, оставленным без изменения апелляционным определением, требования истца удовлетворены.

Кассационным судом общей юрисдикции постановления судов первой и апелляционной инстанций оставлены без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся судебные постановления в части взыскания в пользу истца судебных расходов на оплату экспертизы и услуг представителя, направив дело в отмененной части на новое рассмотрение в суд первой инстанции в связи со следующим.

По смыслу части 1 статьи 98, части 1 статьи 100 ГПК РФ отнесение судебных расходов на ответчика обусловлено тем, что истцу (заявителю) пришлось обратиться в суд с требованием о защите права, нарушенного другой стороной (ответчиком), то есть расходы возлагаются на лицо, следствием действий которого явилось нарушение права истца.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 21 января 2016 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» разъяснил, что не подлежат распределению между лицами, участвующими в деле, издержки, понесенные в связи с рассмотрением требований, удовлетворение которых не обусловлено установлением фактов нарушения или оспаривания прав истца ответчиком (пункт 19).

Таким образом, если суд не установит факты нарушения ответчиком прав истца, в защиту которых он обратился в судебном порядке, либо оспаривания им защищаемых истцом прав, то в таких случаях понесенные истцом судебные издержки не подлежат возмещению за счет ответчика.

Согласно части 3 статьи 61 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (в редакции, действующей на момент возникновения спорных отношений) воспроизведенная в Едином государственном реестре недвижимости ошибка,

содержащаяся в межевом плане, техническом плане, карте-плане территории или акте обследования, возникшая вследствие ошибки, допущенной лицом, выполнившим кадастровые работы или комплексные кадастровые работы, или ошибка, содержащаяся в документах, направленных или представленных в орган регистрации прав иными лицами и (или) органами в порядке межведомственного информационного взаимодействия, а также в ином порядке, установленном названным федеральным законом, либо в порядке, установленном для осуществления государственного кадастрового учета до дня вступления в силу данного федерального закона, подлежит исправлению по решению государственного регистратора прав в течение пяти рабочих дней со дня получения документов, в том числе в порядке межведомственного информационного взаимодействия, свидетельствующих о наличии реестровых ошибок и содержащих необходимые для их исправления сведения, либо на основании вступившего в законную силу решения суда об исправлении реестровой ошибки (документов, обеспечивающих исполнение такого решения суда). Исправление реестровой ошибки осуществляется в случае, если такое исправление не влечет за собой прекращение, возникновение, переход зарегистрированного права на объект недвижимости, в порядке:

1) осуществления государственного кадастрового учета в связи с изменением объекта недвижимости, если реестровая ошибка содержится в документах, представленных ранее с заявлением об осуществлении одновременно государственного кадастрового учета и государственной регистрации прав либо с заявлением об осуществлении государственного кадастрового учета соответствующего объекта недвижимости;

2) внесения в Единый государственный реестр недвижимости сведений, поступивших в порядке межведомственного информационного взаимодействия, если реестровая ошибка содержится в документах, представленных ранее в таком порядке;

3) внесения в Единый государственный реестр недвижимости сведений в уведомительном или ином предусмотренном федеральным законом порядке, если реестровая ошибка содержится в документах, представленных ранее в таком порядке.

В соответствии с частью 4 указанной статьи в случаях, если исправление технической ошибки в записях и реестровой ошибки может причинить вред или нарушить законные интересы правообладателей или третьих лиц, которые полагались на соответствующие записи, содержащиеся в Едином государственном реестре недвижимости, такое исправление производится только по решению суда. В суд с заявлением об исправлении технической ошибки в записях и реестровой ошибки также вправе обратиться орган регистрации прав.

Согласно статье 56 ГПК РФ бремя доказывания наличия реестровой ошибки возлагается на лицо, требующее исправления такой ошибки.

По смыслу пункта 56 совместного постановления Пленумов Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» суд вправе сделать выводы о допущенной кадастровой (реестровой) ошибке только в том случае, если вносимые изменения не повлекут нарушений прав и законных интересов других лиц и при отсутствии спора о праве на недвижимое имущество.

Частями 1 и 7 статьи 39 Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 221-ФЗ «О кадастровой деятельности» предусмотрено, что местоположение границ земельных участков подлежит обязательному согласованию с заинтересованными лицами − правообладателями земельных участков, границы которых одновременно служат границами земельного участка, являющегося объектом кадастровых работ. Согласование местоположения границ по выбору кадастрового инженера проводится посредством проведения собрания заинтересованных лиц или согласования в индивидуальном порядке с заинтересованным лицом. В соответствии с частями 2 и 3 статьи 40 данного закона местоположение границ земельного участка считается согласованным в следующих случаях: при наличии в акте согласования местоположения границ земельного участка личных подписей всех заинтересованных лиц или их представителей; если надлежащим образом извещенное заинтересованное лицо или его представитель в установленный срок не выразили свое согласие посредством заверения личной подписью акта согласования либо не представили свои возражения о местоположении границ в письменной форме с их обоснованием. К межевому плану прилагаются документы, подтверждающие соблюдение установленного названным федеральным законом порядка извещения указанного лица. Данные документы являются неотъемлемой частью межевого плана.

К. не извещалась кадастровым инженером о проведении кадастровых работ, что подтверждается материалами дела, в которых отсутствуют доказательства надлежащего извещения К. о необходимости согласования местоположения смежной с истцом границы, являющиеся согласно Закону о кадастре неотъемлемой частью межевого плана, при этом каких-либо нарушающих права истца действий со стороны заявителя судом не установлено, споры по фактическим границам между истцом и ответчиком отсутствуют.

С учетом изложенного, учитывая то, что при рассмотрении дела в суде против удовлетворения заявленных Б. требований К. не возражала, возложение на нее обязанности возмещения произведенных истцом судебных расходов Судебная коллегия признала незаконным.

Определение № 4-КГ23-85-К1

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

Споры, возникающие из обязательственных отношений

17. Покупатель сохраняет права, предусмотренные статьей 475 Гражданского кодекса Российской Федерации, и на случай выявления недостатков в товаре по истечении гарантийного срока, если указанные недостатки не были устранены во время гарантийного ремонта.

Между продавцом, покупателем и лизингополучателем заключен договор поставки автомобиля для последующей передачи лизингополучателю на условиях договора лизинга.

Продавцом предоставлена гарантия качества автомобиля в течение 36 месяцев после подписания сторонами акта приема-передачи или 100 000 км пробега (что наступит ранее).

Лизингополучатель в период гарантийного срока на автомобиль неоднократно обращался к продавцу для устранения различных недостатков по гарантии.

После ремонта в ходе эксплуатации автомобиля возникла неисправность двигателя, в связи с чем лизингополучатель обратился к продавцу с требованием о проведении гарантийного ремонта.

Отказ в проведении гарантийного ремонта со ссылкой на выход автомобиля из строя уже после истечения гарантийного срока послужил основанием для обращения в арбитражный суд с иском к продавцу о безвозмездном устранении недостатков товара и взыскании расходов на проведение экспертизы.

Суд первой инстанции иск удовлетворил, исходя из того, что изначальная неисправность двигателя автомобиля возникла и обнаружена в период гарантийного срока, а возникновение новой неисправности обусловлено ненадлежащим выполнением гарантийного ремонта автомобиля.

Апелляционный суд, установив, что неисправность двигателя автомобиля (выход его из эксплуатации) обнаружена за пределами гарантийного срока на автомобиль, отменил решение суда первой инстанции и отказал в удовлетворении иска.

Суд округа поддержал выводы суда апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления судов апелляционной инстанции и округа, решение суда первой инстанции оставила в силе, указав следующее.

Пункт 3 статьи 477 ГК РФ предусматривает, что, если на товар установлен гарантийный срок, покупатель вправе предъявить требования,

связанные с недостатками товара, при обнаружении недостатков в течение гарантийного срока.

Покупатель, предъявивший требование об устранении недостатков, должен доказать, что они возникли до истечения гарантийного срока, а продавец, не согласный с предъявленным требованием, подтвердить не только факт возникновения недостатков уже после передачи товара покупателю, но и их возникновение вследствие событий, оговоренных в пункте 2 статьи 476 ГК РФ, за которые не отвечает продавец, в частности, в связи с ненадлежащей эксплуатацией товара самим потребителем.

По общему правилу, право на гарантийный ремонт обусловлено приобретением товара ненадлежащего качества. Обязанность по безвозмездному устранению недостатков товара (гарантийный ремонт) возлагается на изготовителя (продавца) или организацию, выполняющую функции изготовителя (продавца) такого товара, независимо от того, кто непосредственно будет оказывать услугу или выполнять работу по гарантийному ремонту данного товара.

Следовательно, если качество товара не восстановлено после ранее проведенного продавцом или уполномоченным им лицом гарантийного ремонта (проведение ремонта повлекло за собой возникновение новых или повторное проявление неустраненных недостатков), покупатель не должен лишаться прав, гарантированных пунктом 1 статьи 475 ГК РФ.

Возможность применения покупателем средств защиты, установленных главой 30 ГК РФ, в таком случае должна сохраняться, поскольку это вытекает из существа законодательного регулирования гарантии качества товара, выдаваемой продавцом.

Выявленный экспертизой недостаток был обнаружен в гарантийный срок, произведена замена разрушившихся свечей на новые, однако вследствие неудаления остатков прежних свечей накаливания из камеры сгорания двигатель после гарантийного ремонта вышел из эксплуатации спустя несколько недель.

При таких обстоятельствах суд первой инстанции установил, что в момент обнаружения недостатков срок, предусмотренный положениями статьи 477 ГК РФ, не истек. Следовательно, покупатель в данном случае правомерно предъявил требования к продавцу с учетом положений статей 475, 477 ГК РФ об устранении недостатков по качеству товара, возникших в гарантийный период, а отказ в иске к продавцу нельзя признать соответствующим положениям статьи 475 ГК РФ.

Определение № 301-ЭС23-10631

18. При наличии возражений лизингополучателя относительно применения явно обременительных для него условий, установленных в стандартной форме договора лизинга, в том числе финансово непрозрачных условий, суд должен оценить допустимость применения

соответствующих договорных условий и не вправе отклонить эти возражения только по той причине, что они не были высказаны при заключении договора.

В связи с ненадлежащим исполнением лизингополучателем обязательств по оплате лизинговых платежей лизингодатель в одностороннем порядке отказался от исполнения договоров лизинга, изъял предметы лизинга и организовал их продажу на торгах.

Лизингополучатель и цессионарий, которому часть требований была установлена лизингополучателем, обратились в арбитражный суд с иском о взыскании задолженности, определив ее размер путем соотнесения встречных предоставлений по договорам лизинга.

Решением суда, оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, иск удовлетворен частично.

Суды, определяя завершающую договорную обязанность, руководствовались пунктом 10.10 Правил предоставления имущества в лизинг, которые являются неотъемлемой частью договора и опубликованы на официальном сайте лизингодателя, применяемым к отношениям сторон (далее − Правила лизинга), согласно которым в расчет предоставления лизингодателя включается, в частности, «сумма закрытия сделки».

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила вынесенные по делу судебные акты, направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

Принцип свободы договора, закрепленный в статье 421 ГК РФ, не является безграничным. Сочетаясь с принципом добросовестного поведения участников гражданских правоотношений, он не исключает оценку разумности и справедливости условий договора.

В частности, если условия договора определены одной из сторон в формулярах или иных стандартных формах и могли быть приняты другой стороной не иначе как путем присоединения к предложенному договору в целом, то применительно к пунктам 1, 2 статьи 428 ГК РФ договор не должен содержать условий, лишающих эту сторону прав, обычно предоставляемых по договорам такого вида, исключать или ограничивать ответственность другой стороны за нарушение обязательств либо содержать другие явно обременительные для присоединившейся стороны условия, которые она, исходя из своих разумно понимаемых интересов, не приняла бы при наличии у нее возможности участвовать в определении условий договора.

Как следует из приведенных норм, при наличии возражений слабой стороны относительно применения явно обременительных для нее условий договора, в том числе финансово непрозрачных условий (например, при наличии убедительных оснований полагать, что вменяемая к уплате сумма не соответствует размеру «тела долга», причитающимся процентам и санкциям), суд не вправе отклонить эти возражения только по той причине, что при заключении договора в отношении спорного условия не были высказаны

возражения.

Если спорное условие договора явно нарушает баланс интересов сторон и его применение приводит к возникновению неблагоприятных последствий для экономически слабой стороны договора, а сторона, в интересах которой установлено спорное условие договора, не обосновала его разумность, суд в соответствии с пунктом 4 статьи 1, пунктом 2 статьи 10 ГК РФ в целях защиты прав слабой стороны разрешает спор без учета данного договорного условия, применяя соответствующие нормы законодательства.

В данном деле Правила лизинга представляют собой стандартную форму договора, разработанную лизингодателем как лицом, профессионально осуществляющим деятельность в сфере лизинга, применяемую ко всем контрагентам.

Установленный пунктом 10.10.1 Правил лизинга порядок определения сальдо встречных предоставлений не позволяет провести сравнение встречных предоставлений сторон непосредственным образом: требования лизингодателя основаны на «сумме закрытия сделки», в отношении которой лизинговой компанией не представлены доказательства, раскрывающие принцип определения указанной суммы, в том числе не раскрыта применяемая для целей данного расчета процентная ставка, учтенные при ее определении расходы.

Таким образом, истцами аргументированы доводы о том, что расчет лизинговой компании носит непрозрачный характер, имеет признаки нарушения эквивалентности встречных предоставлений.

При этом Судебная коллегия отклонила доводы лизинговой компании о том, что заложенный в пункте 10.10.1 Правил лизинга алгоритм определения сальдо по договорам лизинга фактически направлен на компенсацию заранее определенных компанией потерь на согласованных договорных условиях применительно к правилам статьи 406^1 ГК РФ, в том числе издержек на содержание штата сотрудников по работе с проблемной задолженностью и юристов, ведение переговорного процесса с недобросовестными лизингополучателями и т.д.

Условие о возмещении возможных потерь в сделке кредитору именно по правилам статьи 406^1 ГК РФ не являлось явным и недвусмысленным, как этого требует пункт 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств».

Однако в договоре лизинга, Правилах лизинга отсутствует указание на конкретный заранее определенный размер имущественных потерь, которые должны с безусловностью наступить у лизингодателя в случае нарушения обязательств лизингополучателем и (или) при наступлении обстоятельств, связанных с исполнением договора, риск наступления которых несет лизингополучатель.

Принимая во внимание изложенное, вывод судов о допустимости применения пункта 10.10 Правил лизинга при разрешении спора признан ошибочным, а дело направлено на новое рассмотрение.

Определение № 305-ЭС23-11168

19. Лизингополучатель вправе требовать от продавца возмещения убытков в виде процентов (платы за финансирование), уплаченных по договору лизинга, в случае поставки заведомо некачественного предмета лизинга, эксплуатация которого оказалась изначально невозможной.

Между истцом (лизингополучатель) и ответчиком (лизингодатель) заключены договоры лизинга, по условиям которых лизингодатель обязался приобрести в собственность у выбранного лизингополучателем продавца оборудование (предмет лизинга).

Во исполнение договоров лизинга лизингодатель обратился к продавцу для заключения договоров купли-продажи. Продавцом передано лизингополучателю оборудование с существенными недостатками, исключающими возможностью его ввода в эксплуатацию, что послужило основанием для обращения лизингополучателя в арбитражный суд с иском к продавцу о возмещении убытков в виде уплаченных лизинговых платежей.

Суды трех инстанций, отказывая в удовлетворении исковых требований, исходили из отсутствия причинно-следственной связи между виновным поведением ответчика и убытками лизингополучателя в виде внесенных лизинговых платежей, которые в любом случае уплачивались бы истцом вне зависимости от факта работоспособности имущества.

При этом суды приняли во внимание правовую позицию, сформулированную в пункте 10 Обзора судебной практики по спорам, связанным с договором финансовой аренды (лизинга), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27 октября 2021 г. (далее − Обзор по лизингу), согласно которой лизинговые платежи, уплаченные лизингодателю за период невозможности пользования предметом лизинга, не могут быть включены в состав убытков (реального ущерба) лизингополучателя, подлежащих взысканию с продавца за поставку товара ненадлежащего качества.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила вынесенные по делу судебные акты, направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

По смыслу положений статей 15, 393 ГК РФ возмещение убытков как мера ответственности носит компенсационный характер и направлено на восстановление имущественного положения лица.

Если прекращение договора вызвано неисполнением или ненадлежащим исполнением должником своего обязательства, кредитор вправе требовать приведения его в то имущественное положение, в котором

он должен был бы оказаться в случае, если бы обязательство должника было исполнено надлежащим образом и цель договора была достигнута (абзац второй пункта 2 статьи 393, пункты 1, 2 статьи 393^1 ГК РФ).

Однако, принимая во внимание сложность доказывания убытков при прекращении договора, а также недопустимость снижения правовых гарантий потерпевшей стороны в связи с указанными обстоятельствами, сторона, не получившая ожидавшегося исполнения и вынужденная расторгнуть договор, вправе рассчитывать на то, что ее имущественное положение будет восстановлено, по крайней мере, до того уровня, который имел место до заключения договора с контрагентом.

В этом случае истец в соответствии с пунктом 4 статьи 1, пунктами 1 и 2 статьи 15 и пунктом 3 статьи 393^1 ГК РФ вправе произвести альтернативный расчет убытков, включающий в себя расходы, которые возникли у него в связи с исполнением договора, в частности потребовать возмещения издержек, которые были понесены им в расчете на то, что договор будет исполнен надлежащим образом и цель договора будет достигнута.

По данному делу договоры купли-продажи заключались между продавцом, покупателем и лизингополучателем. Продавец по договорам купли-продажи был уведомлен о том, что оборудование приобретается для его дальнейшей передачи в лизинг (финансовую аренду) лизингополучателю по договорам лизинга.

Таким образом, поставляя заведомо некачественный товар, использование которого невозможно, продавец знал, что истец не сможет ввести его в эксплуатацию, но будет обязан оплачивать пользование финансированием, предоставленным лизинговой компанией (проценты), в составе лизинговых платежей.

Вместо того, чтобы отказаться от передачи товаров, качество которых заведомо не отвечало установленным требованиям, что исключило бы возникновение неблагоприятных экономических последствий у истца, продавец произвел отгрузку оборудования, тем самым спровоцировав возникновение ситуации, когда истец, ожидавший надлежащего исполнения договора от продавца, стал нести издержки, связанные с оплатой пользования предоставленным лизинговой компанией финансированием, но так и не получил возможность использовать необходимое ему оборудование.

При этом обстоятельства данного дела имеют существенные отличия от обстоятельств, которые изложены в пункте 10 Обзора по лизингу, связанные, прежде всего, с невозможностью достижения цели договоров купли-продажи и удовлетворения интересов покупателя (лизингополучателя), поэтому выводы судов об отсутствии оснований для взыскания в пользу истца убытков, сделанные со ссылкой на указанный пункт, не могут быть признаны правомерными.

С учетом характера допущенного ответчиком нарушения договора, не позволившего реализовать имущественный интерес покупателя (лизингополучателя) в получении оборудования, в данном случае истец

вправе произвести расчет размера убытков, основанный на возможности приведения ситуации в положение, существовавшее до заключения договора лизинга.

Ввиду того, что расчет убытков судами не проверялся и не установлен размер процентов, уплаченных истцом в составе лизинговых платежей, дело направлено на новое рассмотрение.

Определение № 310-ЭС23-14012

20. Изменение условий налогообложения одной из сторон сделки само по себе не может служить основанием для уменьшения цены договора.

Между предприятием и обществом по результатам торгов заключен договор аренды объектов теплоэнергетического комплекса, арендная плата по которому была определена с учетом налога на добавленную стоимость (далее – НДС).

В связи с переходом на упрощенную систему налогообложения общество направило предприятию предложение о внесении изменений в договор для уточнения суммы арендной платы без включения в нее сумм НДС, а также определения порядка расчета размера арендной платы в случае возобновления у предприятия обязанности по уплате НДС.

Предприятие отказало во внесение изменении со ссылкой на то, что такое основание для уменьшения арендной платы, как изменение налоговых обязанностей арендодателя при его переходе на упрощенную систему налогообложения, действующим законодательством не предусмотрено.

Поскольку общество вносило арендную плату в меньшем размере, предприятие обратилось в арбитражный суд с требованием о взыскании задолженности по договору аренды.

Суды трех инстанций, отказывая в удовлетворении исковых требований, исходили из допустимости изменения цены (арендной платы) в сложившейся ситуации, поскольку арендодатель, не являющийся плательщиком НДС, не вправе требовать с арендатора оплаты такого налога, входящего в стоимость арендной платы по договору. Освобождение арендодателя от уплаты НДС влечет изменение размера арендной платы.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила вынесенные по делу судебные акты, направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

Предъявляемая к оплате сумма НДС является частью цены, подлежащей уплате одной стороной договора в пользу другой. Публично-правовые отношения по уплате НДС в бюджет складываются между налогоплательщиком, то есть лицом, реализующим товары (работы, услуги), и государством. Покупатель товаров (работ, услуг) в данных отношениях не участвует.

Изменение условий налогообложения, произошедшее у одной из сторон сделки, например утрата продавцом (исполнителем, арендодателем и т.п.) статуса плательщика НДС и переход на применение специального налогового режима, по общему правилу, имеет только публично-правовые последствия и не влечет за собой пересмотр условий ранее совершенных названным лицом сделок, не может само по себе служить основанием для изменения цены договора по смыслу пункта 2 статьи 310, пунктов 1 и 2 статьи 424 ГК РФ.

Установленную договором цену покупатель (заказчик, арендатор) обязан уплатить вне зависимости от того, как продавец (исполнитель, арендодатель) должен распорядиться полученными средствами, в том числе безотносительно того, какие именно налоговые платежи в бюджет продавец (исполнитель, арендодатель) должен произвести в соответствии с законодательством о налогах и сборах и в каком размере.

В соответствии с пунктом 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении», если одностороннее изменение условий обязательства совершено тогда, когда это не предусмотрено законом, иным правовым актом или соглашением сторон или не соблюдены требования к его совершению, то, по общему правилу, такое одностороннее изменение условий соглашения не влекут юридических последствий, на которые они были направлены.

Таким образом, арендатор вносил арендную плату в меньшем размере без установленного законом или договором основания.

При этом в отношении возможности изменить размер арендной платы по соглашению сторон отмечено, что свобода договора сторон по изменению условий договора, заключенного по результатам торгов в случае, когда его заключение в соответствии с законом допускается только путем проведения торгов, ограничена в установленном законом порядке (пункт 4 статьи 421 ГК РФ, часть 1, пункт 1 части 3, часть 5 статьи 17^1 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»).

Подпунктом 3 пункта 114 Правил проведения конкурсов или аукционов на право заключения договоров аренды, договоров безвозмездного пользования, договоров доверительного управления имуществом, иных договоров, предусматривающих переход прав в отношении государственного или муниципального имущества, утвержденных приказом Федеральной антимонопольной службы от 10 февраля 2010 г. № 67 (далее − Правила) установлено, что документация об аукционе помимо информации и сведений, содержащихся в извещении о проведении аукциона, должна содержать порядок пересмотра цены договора (цены лота) в сторону увеличения, а также указание на то, что цена заключенного договора не может быть пересмотрена сторонами в сторону уменьшения.

Соответствующее указание в конкурсной документации и документации о торгах (подпункт 3 пункта 40, подпункт 3 пункта 114 Правил) призвано гарантировать отсутствие необоснованных экономических преимуществ победителям торгов при осуществлении предпринимательской деятельности с использованием государственного или муниципального имущества.

Таким образом, арендная плата по договору аренды, заключенному по результатам торгов, проведение которых обязательно для заключения договора, не может быть уменьшена и по соглашению сторон.

Определение № 308-ЭС23-10824

21. Отсутствие сведений о хозяйствующем субъекте в едином реестре субъектов малого и среднего предпринимательства не является безусловным препятствием для применения льготной арендной ставки в отношении такого субъекта.

Между обществом и департаментом заключен договор аренды нежилого помещения без проведения торгов.

Впоследствии общество обратилось в арбитражный суд с требованием к департаменту о признании права на имущественную поддержку в виде льготной ставки арендной платы.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судами апелляционной инстанции и округа, требования удовлетворены частично.

Суды исходили из того, что право на применение льготной арендной ставки возникло у истца на основании принятых Правительством Москвы нормативных актов, ответчиком не представлено доказательств несоответствия истца критериям для предоставления льготной арендной ставки, указанным в постановлении от 25 декабря 2012 г. № 800-ПП «О мерах имущественной поддержки субъектов малого предпринимательства, арендующих объекты нежилого фонда, находящиеся в имущественной казне города Москвы» (далее – постановление № 800-ПП). В связи с этим суды пришли к выводу, что льготная ставка арендной платы применяется, однако только к тем периодам, когда в реестре субъектов малого и среднего предпринимательства были соответствующие сведения об истце.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила вынесенные по делу судебные акты, направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

В целях реализации полномочий города Москвы по управлению государственным имуществом, в соответствии с требованиями Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (далее – Закон о малом и среднем предпринимательстве) принято постановление № 800-ПП, согласно которому субъектам малого предпринимательства установлена имущественная поддержка в виде льготной ставки арендной платы.

Таким образом, законодателем выделена специальная группа субъектов, обладающих определенными признаками, которой государством предоставлены льготы в определенных сферах деятельности.

С учетом цели предоставления хозяйствующим субъектам возможности применения льготных арендных ставок как меры их поддержки, не допустим необоснованный отказ уполномоченного органа в реализации такого права субъектом.

Между тем суды, отказывая в удовлетворении требования о применении льготной арендной ставки за спорный период, не опровергая наличия у общества критериев относимости к субъектам малого и среднего предпринимательства, исходили из отсутствия в реестре сведений в отношении истца в спорный период.

Вместе с тем исходя из содержания вносимых сведений и цели ведения данного реестра внесение и исключение из него сведений носит учетно-информационный характер, представляет собой базу данных (сведений) о таких субъектах.

Как следует из взаимосвязанных положений статей 4 и 4^1 Закона о малом и среднем предпринимательстве, основанием отнесения хозяйствующего субъекта к субъектам малого предпринимательства является не наличие сведений о нем в реестре, а его соответствие предъявляемым законом требованиям и критериям (статья 4 Закона о малом и среднем предпринимательстве).

Разрешая вопрос об отнесении хозяйствующего субъекта к субъектам малого и среднего предпринимательства, суды, располагая информацией об отсутствии сведений о субъекте в реестре, не должны ограничиваться лишь этой информацией, поскольку такой факт не является безусловным препятствием для применения имущественной поддержки, в данном случае в виде льготной ставки арендной платы.

Факт соответствия хозяйствующего субъекта критериям, предъявляемым для получения статуса субъекта малого и среднего предпринимательства, подлежит проверке судом при рассмотрении спора, при этом сторона, возражающая относительно соответствия субъекта содержащимся в нормативных актах положениям, вправе опровергнуть этот факт.

Следует отметить, что постановление № 800-ПП, устанавливая ставки арендной платы для субъектов малого предпринимательства, при этом не содержит требования о необходимости подтверждения хозяйствующим субъектом статуса субъекта малого предпринимательства посредством наличия соответствующих сведений в реестре. Кроме того, не регламентировано и такое основание для отказа в предоставлении государственной поддержки, как отсутствие в реестре субъектов малого предпринимательства сведений о хозяйствующем субъекте.

При таких обстоятельствах судам следовало исследовать и оценить представленные заинтересованной стороной спора доказательства в порядке

статьи 71 АПК РФ и установить, соответствует ли фактически хозяйствующий субъект в спорный период критериям, предъявляемым к субъектам малого и среднего предпринимательства и установленным статьей 4 Закона о малом и среднем предпринимательстве.

Определение № 305-ЭС23-14779

22. Право собственности на недвижимое имущество акционерного общества, которое создано в результате преобразования государственного (муниципального) предприятия в порядке, предусмотренном законодательством о приватизации, возникает с момента его государственной регистрации в Едином государственном реестре юридических лиц.

Общество обратилось в арбитражный суд с требованием к регистрирующему органу о признании незаконным решения о приостановлении государственной регистрации в отношении объекта недвижимого имущества в связи с неуплатой государственной пошлины в полном объеме.

Суды трех инстанций, отказывая в удовлетворении исковых требований, исходили из того, что в результате приватизации предприятие, обладающее имуществом, закрепленным за ним собственником на праве хозяйственного ведения, преобразовалось в акционерное общество, став собственником имущества, сведения о котором были внесены в Единый государственный реестр юридических лиц.

Суды сделали вывод, что преобразование унитарного предприятия в хозяйственное общество является способом реорганизации юридического лица, в этом случае не только происходит преобразование публичной собственности в частную, но и прекращается ранее существовавшее у государственного предприятия право хозяйственного ведения на имущество.

При внесении в Единый государственный реестр недвижимости записи в сведения об объекте недвижимости регистрирующий орган совершает регистрационные действия по прекращению права хозяйственного ведения государственного унитарного предприятия и права собственности на недвижимое имущество и вносит запись о возникновении права частной собственности образованного в порядке приватизации хозяйственного общества (при установлении включения этого имущества в передаточный акт), в силу чего за совершение такого действия должна взиматься государственная пошлина по правилам подпункта 22 пункта 1 статьи 333[33] НК РФ в размере 22 000 руб.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила вынесенные по делу судебные акты, направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

Согласно пункту 1 статьи 34 Федерального закона от 14 ноября 2002 г. № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» преобразование унитарных предприятий в организации иных организационно-правовых форм осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации о приватизации.

В статье 13 Федерального закона от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» (далее – Закон о приватизации) в редакции, действующей на момент приватизации предприятия, закреплены способы приватизации государственного и муниципального имущества, в том числе в подпункте 1 пункта 1 указан такой способ, как преобразование унитарного предприятия в открытое акционерное общество.

Таким образом, законодателем нормативно закреплен процесс приватизации унитарных предприятий посредством изменения их статуса с государственного, при котором предприятие не являлось собственником закрепленного за ним имущества, на частный с сохранением имущественной основы преобразуемого юридического лица и ее передачей открытому акционерному обществу с переходом соответствующего права собственности от публичного собственника имущества.

Согласно пункту 1 статьи 37 Закона о приватизации хозяйственное общество, созданное путем преобразования унитарного предприятия, с момента его государственной регистрации в едином государственном реестре юридических лиц становится правопреемником этого унитарного предприятия в соответствии с передаточным актом, составленным в порядке, установленном статьей 11 данного закона, со всеми изменениями состава и стоимости имущественного комплекса унитарного предприятия, произошедшими после принятия решения об условиях приватизации имущественного комплекса этого унитарного предприятия.

Следовательно, в соответствии с прямым указанием закона при преобразовании юридического лица происходит универсальное правопреемство, в силу которого к правопреемнику переходит весь комплекс прав и обязанностей в полном объеме, в том числе и право собственности на недвижимое имущество, а у акционерного общества, созданного в результате преобразования государственного (муниципального) предприятия в порядке, предусмотренном законодательством о приватизации, с момента его государственной регистрации в Едином государственном реестре юридических лиц.

В силу подпункта 27^{1} пункта 1 статьи 333^{33} НК РФ за государственную регистрацию перехода права собственности на объект недвижимости в связи с реорганизацией юридического лица в форме преобразования государственная пошлина уплачивается в размере 1000 руб.

Таким образом, в НК РФ закреплена специальная норма, регулирующая размер государственной пошлины при регистрации перехода права

собственности в связи с реорганизацией юридического лица в форме преобразования.

Определение № 309-ЭС23-13224

Практика применения законодательства о банках и банковской деятельности

23. Кредитная организация при осуществлении предусмотренного договором права на изменение в одностороннем порядке условий, касающихся взимания платы за совершение операций по счету (вознаграждение за расчетно-кассовое обслуживание), не вправе устанавливать такое вознаграждение в размере, препятствующем в силу значительности совершению клиентом банка законных операций по перечислению денежных средств другим лицам.

Между обществом и банком заключен договор банковского счета, по условиям которого банк обязуется принимать и зачислять поступающие на счет денежные средства, выполнять распоряжения клиента о перечислении и выдаче соответствующих сумм со счета и проведении других операций по счету, соответствующих действующему законодательству.

Во исполнение заключенного между обществом и физическим лицом договора процентного займа общество направило в банк платежное поручение на перечисление на счет физического лица, открытого в банке, денежных средств в размере 13 300 000 руб.

На момент осуществления банковской операции Сборником тарифов вознаграждений за услуги, оказываемые банком, была установлена комиссия за услугу по перечислению денежных средств со счета клиента на счета физических лиц в размере 10 процентов от перечисляемой суммы.

Не согласившись с размером комиссии, удержанной банком, и считая установленный размер комиссии чрезмерным и обременительным, общество обратилось в банк с претензией, в которой выразило требование о возврате неосновательного обогащения в размере 1 330 000 руб. с начислением процентов за пользование чужими денежными средствами.

Отказ банка в удовлетворении претензии послужил основанием для обращения общества в суд с соответствующим иском.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями судов апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении требований общества отказано.

Суды исходили из того, что условия об одностороннем изменении банком правил и тарифов согласованы сторонами при заключении договора, что не противоречит закону. При этом обществом не представлено доказательств того, что заключение договора на предоставление комплексного обслуживания в банке было вынужденным. Общество также не возражало относительно условий договора, до совершения спорной

операции не представляло претензий/возражений относительно тарифов банка.

Рассматривая кассационную жалобу общества, Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации обратила внимание на следующее.

В соответствии с пунктом 2 статьи 310 ГК РФ и частями 1 и 5 статьи 29 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-I «О банках и банковской деятельности» (далее – Закон № 395-I) комиссионное вознаграждение по операциям устанавливается кредитной организацией по соглашению с клиентами, если иное не предусмотрено федеральным законом. Кредитная организация вправе в одностороннем порядке изменять комиссионное вознаграждение в случаях, предусмотренных федеральным законом или договором с клиентом, являющимся субъектом предпринимательской деятельности.

Таким образом, включение в договор банковского счета условия об одностороннем изменении кредитной организацией условий договора, касающихся взимания платы (комиссионного вознаграждения) за совершение операций по счету, открытому субъекту предпринимательской деятельности, не противоречит закону.

Однако это не означает, что у судов отсутствует возможность контролировать соблюдение стороной, которая закрепила за собой право в одностороннем порядке изменять условия договора, принципа добросовестности.

Вводя комиссионное вознаграждение за совершение той или иной операции по счету и определяя его размер в одностороннем порядке, кредитная организация, действуя разумно и добросовестно по отношению к своим клиентам, не должна подрывать ожидания клиентов, размещающих денежные средства на счете и позволяющих кредитной организации извлекать выгоду из имеющихся на счете средств (пункт 2 статьи 845 ГК РФ), в сохранении у них возможности беспрепятственного распоряжения своим имуществом, в том числе путем совершения законных операций по перечислению денежных средств другим лицам (пункт 3 статьи 845 ГК РФ).

При осуществлении предусмотренного договором права на изменение в одностороннем порядке условий, касающихся комиссионного вознаграждения по операциям, кредитная организация не должна вводить комиссионное вознаграждение, которое в силу значительности своего размера начинает препятствовать совершению клиентами банка экономически обоснованных операций по счетам, то есть приобретает заградительный характер.

Судами установлено, что при заключении с клиентом-обществом договора банковского счета кредитная организация не применяла специальное повышенное комиссионное вознаграждение за перечисление денежных средств третьим лицам.

Указанное комиссионное вознаграждение было установлено банком после открытия счета общества, и, таким образом, условия ведения счета

клиента были изменены банком в одностороннем порядке. Именно это действие, равно как и последующая реализация измененного условия, подлежит судебной оценке.

Имея намерение перечислить денежные средства контрагенту в размере 13 300 000 руб., общество столкнулось с необходимостью уплатить кредитной организации в качестве комиссионного вознаграждения 1 330 000 руб., что сопоставимо с годовым доходом, который исходя из ключевой ставки Банка России мог быть получен клиентом банка от использования указанной суммы денежных средств в собственном обороте. При этом с учетом установленных банком тарифов в случае перечисления той же суммы денежных средств на счет, открытый юридическому лицу, комиссионное вознаграждение за совершение операции составило бы 6 руб. (если счет получателя открыт в том же банке) или 35 руб. (если счет получателя открыт в другом банке).

Таким образом, установленная банком комиссия за перевод денежных средств на счета физических лиц, в отличие от комиссий, применяемых к перечислению денежных средств в пользу юридических лиц, имеет очевидные признаки введенного в одностороннем порядке заградительного тарифа, препятствующего совершению законной банковской операции клиентом в ситуации, когда контрагентом клиента выступает физическое лицо.

Однако в нарушение положений части 1 статьи 65, статьи 71 и части 1 статьи 168 АПК РФ доводы истца о несоблюдении банком требований разумности и добросовестности при установлении в одностороннем порядке спорного тарифа не получили надлежащей оценки в состоявшихся по делу судебных актах.

С учетом изложенного Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые судебные акты и направила дело на новое рассмотрение.

Определение № 310-ЭС23-14161

24. Зачисление денежных средств на счет получателя и проверка соответствия реквизитов получателя средств, указанных в распоряжении плательщика, и данных владельца счета, на который производится зачисление, осуществляется банком получателя средств, а не банком плательщика.

На основании заключенного договора поставки покупатель получил счета на оплату оборудования, в которых указаны реквизиты поставщика (наименование получателя, ИНН, банк получателя средств, расчетный счет и другие).

Покупатель оплатил выставленные счета по указанным реквизитам в полном объеме через систему «Сбербанк онлайн».

Ввиду неисполнения поставщиком обязательства по поставке товара покупатель принял решение об одностороннем отказе от исполнения договора и потребовал от поставщика возместить убытки в виде передачи оплаченного товара либо денежных средств.

Поставщик в ответ указал, что он не ведет деятельность по торговле указанным товаром, договор поставки не заключал, денежных средств от покупателя не получал.

Впоследствии выяснилось, что при перечислении денежных средств по распоряжению покупателя произошла подмена получателя средств с поставщика на иное юридическое лицо с таким же наименованием, но иным ИНН. Денежные средства были зачислены на расчетный счет этого юридического лица, открытый в банке ВТБ.

Указанные обстоятельства послужили основанием для обращения покупателя в суд с иском к получателю денежных средств о взыскании неосновательного обогащения, к банку ВТБ и Сбербанку России о взыскании убытков в солидарном порядке.

Решением суда первой инстанции требование покупателя в части взыскания неосновательного обогащения удовлетворено, в удовлетворении иска о взыскании убытков отказано.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением кассационного суда, решение суда отменено в части отказа в удовлетворении требований о солидарном взыскании с банков убытков, требования в указанной части удовлетворены.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления судов апелляционной и кассационной инстанций в части удовлетворения требования о взыскании со Сбербанка России убытков, решение суда первой инстанции в указанной части оставила в силе, постановления судов апелляционной и кассационной инстанций в остальной части оставила без изменения, отметив следующее.

Согласно правовой позиции, сформулированной Верховным Судом Российской Федерации, исполнение поручения плательщика путем безналичного перечисления денежных средств на счет получателя, открытый в другом банке, осуществляется путем принятия и проверки банком плательщика поручения его клиента и передачи этого поручения банку получателя для зачисления денежных средств на счет указанного плательщиком получателя.

Ненадлежащее исполнение поручения плательщика, в том числе путем зачисления денежных средств банком получателя на счет другого лица, влечет солидарную ответственность банка получателя.

При этом исходя из положений пункта 3 статьи 49 ГК РФ и подпункта «о» пункта 1 статьи 5 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» содержащиеся в ЕГРЮЛ сведения об ИНН юридического лица, в отличие от номера его расчетного счета в банке,

являются открытыми, общедоступными и могут быть проверены плательщиком, поручающим банку перечислить денежные средства на счет данного юридического лица.

Таким образом, банк, принявший к исполнению платежное поручение о переводе денежных средств юридическому лицу с определенным ИНН, обязан совершить операцию по переводу денежных средств по распоряжению плательщика именно этому юридическому лицу либо обратить внимание плательщика на несоответствие платежного поручения установленным требованиям.

Соответственно, надлежащим образом исполнить поручение плательщика обязан и банк получателя денежных средств либо указать на несоответствие поручения установленным требованиям, в частности, если обозначеный плательщиком счет не принадлежит указанному плательщиком получателю денежных средств.

На основании изложенного, установив, что банк ВТБ как банк получателя денежных средств, должным образом не проверил реквизиты, предоставленные покупателем для их перечисления и произвел зачисление денежных средств на счет другого юридического лица, которое не было названо плательщиком в качестве получателя этих средств, суды апелляционной и кассационной инстанций пришли к обоснованному выводу о ненадлежащем исполнении поручения покупателя банком получателя − банком ВТБ, которое привело к возникновению у покупателя спорных убытков, и правомерно удовлетворили его требования в соответствующей части.

Вместе с тем, возлагая солидарную ответственность как на банк получателя (банк ВТБ), так и на банк плательщика (Сбербанк России), суды апелляционной и кассационной инстанций не учли, что в соответствии с пунктом 3 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 19 апреля 1999 г. № 5 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с заключением, исполнением и расторжением договоров банковского счета», согласно статье 865 ГК РФ банк плательщика обязан перечислить соответствующую сумму банку получателя, у которого с момента зачисления средств на его корреспондентский счет и получения документов, являющихся основанием для зачисления средств на счет получателя, появляется обязательство, основанное на договоре банковского счета с получателем средств, по зачислению суммы на счет последнего (пункт 1 статьи 845 ГК РФ). Поэтому при разрешении споров следует принимать во внимание, что обязательство банка плательщика перед клиентом по платежному поручению считается исполненным в момент надлежащего зачисления соответствующей денежной суммы на счет банка получателя, если договором банковского счета клиента и банка плательщика не предусмотрено иное.

При этом в силу пункта 2 статьи 866 ГК РФ в случаях, если неисполнение или ненадлежащее исполнение платежного поручения имело

место в связи с нарушением банком-посредником или банком получателя средств правил перевода денежных средств или договора между банками, ответственность перед плательщиком может быть возложена судом на банк-посредник или банк получателя средств, которые в этом случае отвечают перед плательщиком солидарно. Банк плательщика может быть привлечен к солидарной ответственности в указанных случаях, если он осуществил выбор банка-посредника.

Как следует из материалов дела, Сбербанк России как банк плательщика исполнил обязательства по проверке распоряжений покупателя на перечисление денежных средств, а именно: установил право распоряжаться денежными средствами, установил достаточность средств на счете и провел проверку соответствия распоряжения установленным требованиям, в том числе произвел контроль целостности распоряжений, структурный контроль и контроль значений реквизитов. Распоряжения покупателя исполнены банком плательщика (Сбербанком России) надлежащим образом в день их поступления путем перечисления денежных средств в банк получателя − банк ВТБ.

Таким образом, с момента перечисления денежных средств на счет банка получателя средств (банк ВТБ) обязательства банка плательщика (Сбербанка России) по исполнению распоряжений предпринимателя исполнены в полном объеме.

Зачисление денежных средств на счет получателя и проверка соответствия реквизитов получателя средств, указанных в распоряжении плательщика, и данных владельца счета, на который производится зачисление, производится банком получателя средств (банком ВТБ), а не банком плательщика (Сбербанком России).

При этом у Сбербанка России, как у банка плательщика, отсутствовала возможность получения сведений по счету юридического лица, находящегося в другом банке (банке ВТБ), и Сбербанк России в силу закона не мог произвести проверку правильности заполнения покупателем реквизитов получателя средств (ИНН, наименование и номер счета получателя) или отказать покупателю в проведении платежа на основании противоречивости таких реквизитов.

С учетом изложенного у судов апелляционной и кассационной инстанций отсутствовали основания для привлечения Сбербанка России к солидарной ответственности в виде возмещения причиненных убытков за нарушение банком получателя (банком ВТБ) порядка сверки реквизитов владельца счета с данными платежного поручения перед зачислением денежных средств на счет получателя.

Определение № 304-ЭС23-9987

Практика применения законодательства о страховании

25. Расходы, понесенные страхователем в связи с оплатой труда работников, занимающихся ликвидацией последствий страхового случая, входят в состав убытков страховой компании, выплатившей страховое возмещение, и могут быть взысканы в порядке суброгации.

В результате железнодорожной аварии (крушение грузового поезда) было повреждено в числе прочего недвижимое имущество, принадлежавшее ОАО «Российские железные дороги» (далее – ОАО «РЖД») и застрахованное страховым обществом. Страховое общество, признав случай страховым, осуществило выплату страхового возмещения.

Размер страхового возмещения определен на основании заключения по проведению работ, связанных с расчетом ущерба при наступлении случая, обладающего признаками страхового (далее – заключение), в соответствии с условиями договора на оказание услуг по страхованию имущества. В состав убытков ОАО «РЖД» в числе прочего включены расходы, понесенные страхователем в связи с оплатой труда работников, привлеченных к выполнению аварийно-восстановительных работ, отчислениями на социальные нужды, накладными расходами, исчисляемыми в процентах от фонда оплаты труда названных работников.

Ссылаясь на то, что авария, в результате которой было повреждено застрахованное имущество ОАО «РЖД», произошла по вине компании, страховое общество обратилось к ней с претензией о возмещении убытков в порядке суброгации в размере произведенной страховой выплаты, которая не была удовлетворена. Указанное обстоятельство явилось основанием для обращения страхового общества в суд с соответствующим заявлением.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями судов апелляционной и кассационной инстанций, заявленные требования частично удовлетворены, размер подлежащих возмещению убытков существенно снижен.

Суды исходили из того, что оплата труда работников и страховые выплаты являются не убытками истца как субъекта гражданских правоотношений, а его законодательно установленными расходами как работодателя, в связи с чем исключили из состава убытков оплату труда работников ОАО «РЖД», отчисления на социальные нужды и накладные расходы фонда оплаты труда.

Рассматривая кассационную жалобу страхового общества, Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации указала следующее.

Согласно пункту 2 статьи 15 ГК РФ под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые

это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода).

Возмещение убытков в полном размере означает, что в результате их возмещения кредитор должен быть поставлен в положение, в котором он находился бы, если бы обязательство было исполнено надлежащим образом (абзац второй пункта 2 статьи 393 ГК РФ).

Согласно пункту 1 статьи 24 Федерального закона от 10 января 2003 г. № 17-ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» (далее − Закон № 17-ФЗ) владелец инфраструктуры и перевозчик принимают незамедлительные меры по ликвидации последствий транспортных происшествий, стихийных бедствий (заносов, наводнений, пожаров и других), вызывающих нарушение работы железнодорожного транспорта.

Для принятия указанных в данном пункте статьи мер владелец инфраструктуры и перевозчик за счет собственных средств должны содержать специализированные подразделения по ликвидации чрезвычайных ситуаций, иметь запас материальных и технических средств, перечень которых определяется федеральным органом исполнительной власти в области железнодорожного транспорта по согласованию с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти, или заключить соответствующие договоры со сторонними специализированными организациями.

Наличие установленных Законом № 17-ФЗ обязанностей содержать специализированные подразделения по ликвидации чрезвычайных ситуаций, иметь запас материальных и технических средств, как и закрепление в Трудовом кодексе Российской Федерации и Налоговом кодексе Российской Федерации обязанностей соответствующих лиц по оплате труда работников и осуществлению страховых выплат, по смыслу обозначенного выше закона, а также норм ГК РФ не может влечь освобождение причинителя вреда от гражданско-правовой ответственности в связи с возникновением по его вине чрезвычайной ситуации при эксплуатации железнодорожного транспорта и убытков у владельца инфраструктуры и/или перевозчика. В противном случае будет нарушен принцип полного возмещения вреда, а причинитель вреда без законных оснований освобождался бы от ответственности за убытки, причиненные его противоправным и виновным поведением.

Судам следовало определить, какие выплаты и отчисления из числа указанных в заключении могли быть произведены страхователем в обычных условиях, не связанных с рассматриваемым случаем, а какие обусловлены исключительно принятием владельцем инфраструктуры и/или перевозчиком незамедлительных мер по ликвидации последствий транспортных происшествий, имея в виду, что работники разных подразделений и специальностей страхователя могли быть отвлечены от своих трудовых обязанностей в местах их ежедневного исполнения, от плановых работ, выполнение которых по смыслу Закона № 17-ФЗ обеспечивает безопасные для жизни и здоровья пассажиров условия проезда, а также безопасность

перевозок грузов, багажа, грузобагажа, движения и эксплуатации железнодорожного транспорта и экологическую безопасность (пункт 2 статьи 20 Закона № 17-ФЗ).

Суды при рассмотрении данного дела в нарушение требований статей 71, 168 и 170 АПК РФ не дали правовой оценки доводам истца о том, что использование работников в случаях принятия незамедлительных мер по ликвидации последствий транспортных происшествий, имевших место по вине третьих лиц, в обычной хозяйственной деятельности может лишать страхователя положительного эффекта от результатов труда его работников, направленных в том числе на обеспечение основного вида деятельности юридического лица, получение прибыли или препятствовать своевременному исполнению обязательств перед контрагентами и т.п.

В связи с этим и исходя из доводов сторон о размере убытков суды должны были определить необходимость, разумность и соразмерность всех понесенных расходов, оплаченных страховщиком в выплаченном страховом возмещении, с тем чтобы это не приводило к нарушению баланса прав и законных интересов сторон.

С учетом изложенного Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые судебные акты и направила дело на новое рассмотрение.

Определение № 305-ЭС23-17347

26. Если условиями договора имущественного страхования сумма НДС включена в расчет итоговой суммы убытков страхователя (выгодоприобретателя), то она подлежит учету при определении размера подлежащего выплате страхового возмещения.

Общество является выгодоприобретателем по договору страхования имущества, заключенного между компанией и страховой организацией в отношении имущества (двигатель, находящийся в составе газоперекачивающего агрегата), арендуемого обществом по договору аренды имущества.

В связи с аварийной остановкой работы двигателя общество уведомило страховщика о событии, имеющем признаки страхового случая, и заключило с подрядчиком договор на проведение аварийно-восстановительного ремонта двигателя до работоспособного состояния, предшествующего аварии. По результатам выполненных работ общество оплатило их стоимость в полном объеме, включая сумму НДС.

Впоследствии общество обратилось к страховщику с требованием о выплате страхового возмещения по указанному страховому случаю в размере стоимости выполненных работ, которое не было удовлетворено, в связи с чем общество предъявило в суд соответствующий иск.

Решением суда первой инстанции заявленные требования удовлетворены.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением кассационного суда, решение суда изменено, в пользу общества со страховщика взыскана сумма страхового возмещения без учета НДС.

Суды посчитали, что наличие у потерпевшей стороны права на вычет или возврат сумм НДС исключает уменьшение имущественной сферы лица в части данных сумм и, соответственно, исключает применение статьи 15 ГК РФ в соответствующей части. Суды пришли к выводу, что общество не представило доказательств того, что заявленная ко взысканию сумма НДС является для него некомпенсируемыми потерями (убытками), указав, что в данном случае ни заключенный между компанией и страховщиком договор, ни установленные страховщиком правила страхования не содержат условий, в соответствии с которыми НДС подлежит обязательному возмещению обществу, независимо от возможности принятия его к вычету по данному налогу.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления судов апелляционной и кассационной инстанций и оставила в силе решение суда первой инстанции, отметив следующее.

Сумма, в пределах которой страховщик обязуется выплатить страховое возмещение по договору имущественного страхования или которую он обязуется выплатить по договору личного страхования (страховая сумма), определяется соглашением страхователя со страховщиком в соответствии с правилами, предусмотренными статьей 947 ГК РФ, согласно которым при страховании имущества или предпринимательского риска, если договором страхования не предусмотрено иное, страховая сумма не должна превышать их действительную стоимость (страховой стоимости). Такой стоимостью для имущества считается его действительная стоимость в месте его нахождения в день заключения договора страхования (пункт 2 статьи 947 ГК РФ).

В силу статьи 948 ГК РФ и пункта 2 статьи 10 Закона Российской Федерации от 27 ноября 1992 г. № 4015-I «Об организации страхового дела в Российской Федерации» стороны не могут оспаривать страховую стоимость имущества, определенную договором страхования, за исключением случая, если страховщик докажет, что он был намеренно введен в заблуждение страхователем.

Таким образом, вопрос согласования страхового возмещения находится на усмотрении сторон договора страхования и должен соответствовать обязательным для сторон правилам, установленным законом и иными правовыми актами. Страховщик не вправе отказать в страховой выплате или произвести ее уменьшение по основаниям, не предусмотренным законом или договором страхования.

Судами установлено, что по условиям договора страхования имущества страховщик в пределах установленных лимитов и подлимитов ответственности страховой компании возмещает при любых убытках по любым страховым случаям суммы налога на добавленную стоимость,

предъявленные к оплате страхователю (выгодоприобретателю) или уже им оплаченные как в процессе ремонта поврежденного в результате страхового случая имущества, так и в процессе приобретения имущества, в том числе взамен погибшего/утраченного.

Указанный пункт договора страхования имущества и иные положения договора не содержат условия, согласно которому сумма страхового возмещения может быть уменьшена при возможности страхователя (выгодоприобретателя) в соответствии с положениями НК РФ применить к вычету суммы НДС, уплаченные подрядчику в стоимости аварийно-восстановительных работ.

С учетом приведенных выше положений законодательства, условий заключенного договора страхования и установленных фактических обстоятельств дела сумма НДС правомерно отнесена судом первой инстанции к убыткам общества и учтена при определении размера подлежащего выплате страхового возмещения.

В свою очередь, вывод судов апелляционной и кассационной инстанций о необходимости исключения суммы НДС из состава страхового возмещения является ошибочным, так как не соответствует требованиям норм материального права, подлежащим применению по делу, и приведенным условиям договора страхования имущества. Следовательно, оснований для изменения решения суда первой инстанции по делу не имелось.

Определение № 305-ЭС23-18494

Практика применения законодательства об энергоснабжении и оказании коммунальных услуг

27. При рассмотрении вопроса об уменьшении объема безучетно потребленного ресурса потребитель вправе доказывать именно фактический объем потребления, а не объем, определенный иными расчетными способами, в частности по среднемесячному потреблению за предшествующие периоды.

По результатам проверки на объекте индивидуального предпринимателя обществом (энергоснабжающая организация) составлен акт о неучтенном (безучетном) потреблении электроэнергии от 4 августа 2021 г. На объекте обнаружено несоответствие свинцовой пломбы на корпусе прибора учета оттиску пломбы государственной поверки, а также повреждение пломбы.

Согласно расчету объема безучетного потребления электроэнергии от 4 августа 2021 г. последняя проверка состоялась 23 сентября 2020 г., в связи с чем стоимость безучетного потребления рассчитана по подпункту «а» пункта 1 приложения к Основным положениям функционирования розничных рынков электрической энергии, утвержденным постановлением

Правительства Российской Федерации от 4 мая 2012 г. № 442 (далее – Основные положения), исходя из максимальной мощности энергопринимающих устройств потребителя и максимального количества часов в расчетном периоде.

Полагая, что величина ответственности абонента за нарушение правил пользования энергией ввиду ее чрезмерности может быть уменьшена, индивидуальный предприниматель обратился в арбитражный суд с иском к обществу о признании недействительным акта о неучтенном (безучетном) потреблении электрической энергии в части расчета объема безучетного потребления электрической энергии.

Решением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями арбитражного апелляционного суда и суда округа, исковые требования удовлетворены, акт признан недействительным в части расчета объема безучетного потребления электрической энергии.

Суды пришли к выводу о возможности снижения размера штрафной санкции до стоимости оплаченной истцом электроэнергии в спорном периоде.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые по делу судебные акты, указав следующее.

Законодательством приоритет отдан учетному способу определения объема потребленной энергии (статья 544 ГК РФ).

В соответствии с пунктом 1 статьи 543 ГК РФ абонент по договору энергоснабжения обязан обеспечивать надлежащее техническое состояние и безопасность эксплуатируемых энергетических сетей, приборов и оборудования, соблюдать установленный режим потребления энергии, а также немедленно сообщать энергоснабжающей организации об авариях, о пожарах, неисправностях приборов учета энергии и об иных нарушениях, возникающих при пользовании энергией.

Порядок учета электрической энергии и взаимодействия участников розничного рынка электроэнергии при выявлении безучетного потребления электроэнергии регулируются Основными положениями.

В данном случае факт безучетного потребления электроэнергии подтвержден. Разногласия сторон свелись к вопросу о возможности уменьшения штрафной санкции за безучетное потребление ресурса.

Пунктом 187 Основных положений предусмотрено, что объем безучетного потребления в отношении потребителей электрической энергии (мощности), за исключением населения и приравненных к нему категорий потребителей, определяется с применением расчетного способа, предусмотренного подпунктом «а» пункта 1 приложения к данному документу, то есть как произведение величины максимальной мощности энергопринимающих устройств в соответствующей точке поставки, предусмотренной договором, на количество часов в расчетном периоде, используемое при расчете безучетного потребления, но не более 4380 часов.

Приведенное нормативное регулирование способа исчисления объема ресурса обусловлено спецификой правоотношений по его потреблению путем использования присоединенной сети и направлено на компенсацию поставщику стоимости ресурса, отобранного из сетей недобросовестным потребителем в ситуации, не позволяющей достоверно установить количество отобранного.

Предполагается, что действия потребителя по повреждению пломб и знаков визуального контроля являются следствием вмешательства в работу прибора учета с целью сокрытия фактического объема потребления ресурса, которое может быть максимальным применительно к техническим характеристикам сетей и энергопринимающего оборудования. В связи с этим в пункте 187 Основных положений установлена презумпция максимального потребления ресурса, определяемого расчетным способом, который при безучетном потреблении призван обеспечить защиту интересов добросовестной стороны (поставщика) и третьих лиц (потребителей, получающих ресурс из тех же сетей) от недобросовестных действий другой стороны (статья 10 ГК РФ, пункт 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

Такая мера превентивно направлена на предотвращение бесконтрольного (безучетного) потребления и возложение на потребителя, допустившего противоправное поведение, максимальной финансовой нагрузки в пределах величины, рассчитанной по нормативно установленной формуле.

В пункте 11 Обзора судебной практики по спорам об оплате неучтенного потребления воды, тепловой и электрической энергии, поставленной по присоединенной сети, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 22 декабря 2021 г., содержатся разъяснения о том, что при доказанности потребителем объема фактического потребления (например, на основании прибора учета, не вызывающего сомнений в достоверности его показаний, либо с применением в формуле числа часов использования воды при очевидной работе объекта только в определенные часы и отсутствии на объекте пользователей ресурсом) разница между стоимостью объема ресурса, рассчитанного по нормативной формуле, и стоимостью фактического потребления является мерой гражданско-правовой ответственности, размер которой может быть снижен в случае ее чрезмерности.

В отсутствие же доказательств объема фактического потребления энергии следует исходить из того, что стоимость расчетного объема неучтенного потребления, исчисленная исходя из предельных технических характеристик энергопринимающих устройств абонента, заменяет объем фактического потребления и не подлежит снижению.

По смыслу приведенной правовой позиции потребитель вправе доказывать именно фактический объем потребления, а не объем, определенный иными расчетными способами, в частности по среднемесячному потреблению за предшествующие периоды.

Поскольку предпринимателем не опровергнута презумпция потребления электроэнергии в объеме, определенном обществом по установленной Основными положениями формуле, суды неправомерно применили положения статьи 333 ГК РФ и уменьшили размер платы за безучетно потребленный ресурс.

В связи с изложенным Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отказала в удовлетворении иска индивидуального предпринимателя.

Определение № 302-ЭС23-16868

28. Садоводческое, огородническое некоммерческое товарищество, на территории которого гражданин ведет садоводство, огородничество или дачное хозяйство в индивидуальном порядке, не вправе препятствовать сетевой организации в осуществлении технологического присоединения энергопринимающего устройства этого гражданина в случае заключения им с сетевой организацией договора об осуществлении технологического присоединения к ее сетям или об увеличении максимальной мощности указанного устройства.

Гражданину принадлежит жилой дом на земельном участке, расположенном в границах территории кооператива.

Между компанией (сетевая организация) и гражданином (заявитель) заключен договор об осуществлении технологического присоединения к электрическим сетям на увеличение мощности до 15 кВт в отношении энергопринимающих устройств (далее – ЭПУ) жилого дома, которые ранее были опосредованно технологически присоединены к объектам электросетевого хозяйства (далее – ОЭХ) сетевой организации через электрические сети (далее – ЭС) кооператива. Компания выдала заявителю технические условия для присоединения к ЭС сетевой организации.

Впоследствии компания обратилась к кооперативу с запросом на согласование увеличения мощности энергопринимающих устройств жилого дома гражданина до 15 кВт, неполучение ответа на который послужило основанием для обращения компании в арбитражный суд с иском к кооперативу об обязании согласовать технологическое присоединение ЭПУ гражданина и обеспечить доступ для осуществления опосредованного технологического присоединения ЭПУ гражданина через сети кооператива.

Отказывая в иске, суд первой инстанции пришел к выводу о недоказанности наличия у ответчика технической возможности электроснабжения гражданина на заявленных условиях при сохранении прежних условий электроснабжения потребителей, ЭПУ которых на момент

подачи заявки уже были опосредованно присоединены к электрическим сетям сетевой организации через ОЭХ ответчика.

Отменяя решение и удовлетворяя иск, суд апелляционной инстанции, выводы которого поддержал суд округа, пришел к выводу о том, что независимо от наличия или отсутствия технической возможности на дату обращения физического лица в целях технологического присоединения ЭПУ с максимальной мощностью до 15 кВт включительно сетевая организация обязана выполнить в отношении этого лица мероприятия по технологическому присоединению и урегулировать с иными лицами отношения, возникающие при осуществлении технологического присоединения, тогда как садоводческие, огороднические некоммерческие товарищества (далее − СНТ) не вправе препятствовать сетевой организации в осуществлении технологического присоединения.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила вынесенные по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

С 2015 года действие Правил технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2004 г. № 861 (далее – Правила технологического присоединения), распространяется на случаи присоединения к сетям сетевых организаций впервые вводимых в эксплуатацию, ранее присоединенных ЭПУ и ОЭХ, принадлежащих СНТ либо его членам, а также гражданам, ведущим садоводство, огородничество или дачное хозяйство в индивидуальном порядке на территории СНТ, и иным лицам, расположенным на территории СНТ, в целях увеличения максимальной мощности указанных ЭПУ.

В настоящее время Правила технологического присоединения предусматривают различный порядок осуществления мероприятий по увеличению максимальной мощности ЭПУ указанных граждан в зависимости от того, к кому из владельцев ОЭХ – сетевой организации или СНТ – эти граждане обращаются с заявкой в целях увеличения мощности.

В первом случае при подаче гражданами названной заявки непосредственно в сетевую организацию в соответствии с пунктом 8(5) Правил технологического присоединения увеличение максимальной мощности ЭПУ указанных граждан осуществляется сетевой организацией самостоятельно в общем порядке, то есть с обеспечением с ее стороны технической возможности технологического присоединения и с выдачей новых технических условий. В этом случае Правила технологического присоединения не наделяют СНТ правом давать сетевой организации согласие на такое увеличение, а сетевую организацию, соответственно, не управомочивают согласовывать с СНТ увеличение мощности ЭПУ

названных граждан.

Во втором случае при обращении гражданина за увеличением мощности в СНТ последнее в соответствии с пунктом 40(4) названных Правил вправе присоединить к принадлежащим ему объектам ЭПУ других потребителей только с согласия сетевой организации и при условии соблюдения выданных ранее технических условий. Такой порядок означает необходимость перераспределения товариществом максимальной мощности принадлежащих ему ЭПУ в пользу ЭПУ указанного гражданина (пункт 40(5) Правил).

Таким образом, обращаясь с данным иском, компания не имела оснований истребовать согласие кооператива на увеличение мощности ЭПУ гражданина, а кооператив, в свою очередь, в возражение против иска не имел оснований ссылаться на недостаточность ранее выделенной ему мощности, поскольку заключенный истцом с третьим лицом договор и выданные на его основании технические условия как раз и предполагали дополнительное выделение компанией 5 кВт мощности для ЭПУ гражданина.

Таким образом, у суда первой инстанции отсутствовали основания для проверки наличия технической возможности технологического присоединения ЭПУ гражданина, заключившего с сетевой организацией договор об осуществлении технологического присоединения к электрическим сетям на увеличение мощности до 15 кВт в отношении ЭПУ жилого дома, которые ранее были технологически присоединены к ОЭХ сетевой организации через электрические сети кооператива. Следовательно, судом апелляционной инстанции обоснованно удовлетворено требование компании об обязании не чинить препятствий и обеспечить доступ в электроустановки кооператива для осуществления опосредованного технологического присоединения энергопринимающих устройств гражданина.

В то же время в целях проверки поступившего в ходе судебного заседания заявления компании о том, что увеличение мощности ЭПУ гражданина на 5 кВт осуществлено кооперативом самостоятельно за счет ранее выделенной ему мощности и оплачено гражданином в адрес кооператива после удовлетворения иска компании, Судебная коллегия отменила вынесенные по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение.

Определение № 305-ЭС23-18030

29. По общему правилу, в период действия моратория финансовые санкции не начисляются только на требования, возникшие до введения такого моратория.

Общество (поставщик) обратилось в арбитражный суд с иском к предприятию (потребитель) о взыскании задолженности по договору энергоснабжения от 1 января 2022 г. за апрель 2022 года и неустойки за

период с 19 мая 2022 г. по 14 сентября 2022 г. с последующим ее начислением по день фактической уплаты долга.

Установив факт поставки истцом в апреле 2022 года электрической энергии и ненадлежащее исполнение ответчиком обязательств по ее оплате, суд первой инстанции удовлетворил исковые требования.

Проверив расчет неустойки за период с 19 мая 2022 г. по 14 сентября 2022 г., суд не усмотрел оснований для применения моратория, введенного постановлением Правительства Российской Федерации от 28 марта 2022 г. № 497 «О введении моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлениям, подаваемым кредиторами» (далее − постановление № 497), поскольку задолженность, на которую начислена неустойка, возникла после введения моратория.

Постановлением арбитражного апелляционного суда, оставленным без изменения судом округа, решение суда первой инстанции изменено, с предприятия в пользу общества взыскана задолженность, а также неустойка начиная с 1 октября 2022 г. по день фактической оплаты электроэнергии.

Изменяя решение суда первой инстанции, суд исходил из того, что разрешение вопроса о применении положений постановления № 497 в части начисления финансовых санкций не зависит от момента возникновения (просрочки исполнения) обязательств.

Судом апелляционной инстанции проведена аналогия с мораторием, связанным с распространением коронавирусной инфекции и введенным в 2020 году постановлением Правительства Российской Федерации от 2 апреля 2020 г. № 424 «Об особенностях предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов» (далее − постановление № 424).

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления судов апелляционной инстанции и округа, решение суда первой инстанции оставила в силе, указав следующее.

Согласно статье 9^1 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» для обеспечения стабильности экономики в исключительных случаях Правительство Российской Федерации вправе ввести мораторий на возбуждение дел о банкротстве по заявлениям, подаваемым кредиторами, на срок, устанавливаемый Правительством Российской Федерации.

Постановлением № 497 на территории Российской Федерации сроком на шесть месяцев введен мораторий на возбуждение дел о банкротстве по заявлениям, подаваемым кредиторами, в отношении юридических лиц и граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей.

На основании пункта 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2020 г. № 44 «О некоторых вопросах применения положений статьи 9^1 Федерального закона от 26 октября 2002 г.

№ 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» в период действия моратория проценты за пользование чужими денежными средствами (статья 395 ГК РФ), неустойка (статья 330 ГК РФ), пени за просрочку уплаты налога или сбора (статья 75 Налогового кодекса Российской Федерации), а также иные финансовые санкции не начисляются на требования, возникшие до введения моратория, к лицу, подпадающему под его действие (подпункт 2 пункта 3 статьи 9^1, абзац десятый пункта 1 статьи 63 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»).

Таким образом, по общему правилу, в период действия моратория финансовые санкции не начисляются только на требования, возникшие до введения моратория.

Поскольку в данном случае требование об оплате задолженности за потребленную в апреле 2022 года электроэнергию возникло у общества после введения моратория, неустойка за несвоевременную уплату спорной задолженности подлежала начислению в обычном порядке, без исключения мораторного периода.

Ссылка апелляционного суда и суда округа на постановление № 424 является ошибочной, поскольку названное постановление носит специальный характер и применяется только к обстоятельствам, послужившим основанием для введения конкретного моратория. Например, после введения моратория в марте 2022 года постановлением Правительства Российской Федерации от 26 марта 2022 г. № 474 (в том числе в последующей редакции) не установлены ограничения на начисление пеней на задолженность по оплате за жилое помещение и коммунальные услуги, возникшую после 1 апреля 2022 г.; определена лишь наименьшая ключевая ставка Банка России для расчета неустойки. Применение моратория на начисление неустойки по обязательствам, возникшим после 1 апреля 2022 г., к лицам, участвующим в правоотношениях, сходных с рассматриваемыми в данном споре, нормативными актами не предусматривалось.

Определение № 306-ЭС23-14467

Практика применения законодательства в области защиты персональных данных

30. Финансовый управляющий вправе требовать во внесудебном порядке предоставления договоров и иных документов, являвшихся основанием для отчуждения имущества должника.

Финансовый управляющий в рамках дела о банкротстве физического лица направил в управление внутренних дел субъекта Российской Федерации запрос о предоставлении сведений о наличии зарегистрированных и снятых с учета транспортных средств и прицепов к ним с предоставлением копий документов, подтверждающих регистрационные действия.

Управление предоставило финансовому управляющему сведения о зарегистрированном на имя должника автомобиле, а также о зарегистрированном и снятом с учета транспортном средстве. В предоставлении копий документов, на основании которых совершены регистрационные действия, отказано по причине содержания в них персональных данных иных лиц, которые не могут быть раскрыты третьим лицам без согласия субъекта персональных данных (статья 7 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», далее также – Закон № 152-ФЗ).

Считая отказ в предоставлении испрашиваемых копий документов незаконным, финансовый управляющий обратился в суд с заявлением о возложении соответствующей обязанности на управление внутренних дел субъекта Российской Федерации.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, заявленные требования удовлетворены.

Постановлением суда кассационной инстанции решение суда и постановление апелляционного суда отменены, в удовлетворении заявления отказано ввиду наличия у управления правовых оснований для отказа в предоставлении финансовому управляющему запрошенных документов.

Суд указал, что информация, содержащая персональные данные физического лица, в отсутствие согласия последнего на ее передачу выдается финансовому управляющему, если в резолютивной части определения арбитражного суда, которым в деле о банкротстве гражданина утвержден финансовый управляющий, указано на истребование судом таких сведений у соответствующего подразделения органов внутренних дел и выдачу этих сведений финансовому управляющему. При отсутствии в судебном акте таких указаний предоставление соответствующей информации о гражданах производится лишь на основании определения арбитражного суда, рассматривающего дело о банкротстве гражданина.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление суда кассационной инстанции и оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление апелляционного суда, указав на следующее.

В целях осуществления возложенных на него обязанностей арбитражный управляющий осуществляет действия, направленные на формирование конкурсной массы: анализирует сведения о должнике, выявляет имущество гражданина, в том числе находящееся у третьих лиц, обращается с исками о признании недействительными подозрительных сделок и сделок с предпочтением по основаниям, предусмотренным статьями 61^2 и 61^3 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон № 127-ФЗ), об истребовании или о передаче имущества гражданина, истребует задолженность третьих лиц перед гражданином и т.п. (пункт 2 статьи 129,

пункты 7 и 8 статьи 213^9, пункты 1 и 6 статьи 213^{25} Закона № 127-ФЗ), что в конечном счете направлено на формирование конкурсной массы, за счет которой подлежат удовлетворению требования кредиторов гражданина.

Для достижения данных целей положения абзаца десятого пункта 1 статьи 20^3 Закона № 127-ФЗ наделяют арбитражного управляющего правом запрашивать во внесудебном порядке необходимые сведения о должнике, о лицах, входящих в состав органов управления должника, о контролирующих лицах, о принадлежащем им имуществе (в том числе имущественных правах), о контрагентах и об обязательствах должника у физических лиц, юридических лиц, государственных органов, органов управления государственными внебюджетными фондами Российской Федерации и органов местного самоуправления, включая сведения, составляющие служебную, коммерческую и банковскую тайну. Физические лица, юридические лица, государственные органы, органы управления государственными внебюджетными фондами Российской Федерации и органы местного самоуправления обязаны предоставить запрошенные арбитражным управляющим сведения в течение семи дней со дня получения запроса без взимания платы.

Таким образом, положения указанной статьи наделяют арбитражных управляющих полномочиями получать соответствующую информацию без предварительного обращения в арбитражный суд, запрашивая ее напрямую у лиц, имеющих доступ к такой информации или осуществляющих ее хранение.

Применительно к банкротству граждан приведенные положения дополнительно детализированы в абзаце первом пункта 7 статьи 213^9 Закона № 127-ФЗ, согласно которому финансовый управляющий вправе получать информацию об имуществе гражданина, а также о счетах и вкладах (депозитах) гражданина, в том числе по банковским картам, об остатках электронных денежных средств и о переводах электронных денежных средств от граждан и юридических лиц (включая кредитные организации), от органов государственной власти, органов местного самоуправления.

Вместе с тем праву управляющего на получение информации корреспондирует его обязанность в случае, если иное не установлено Законом № 127-ФЗ, сохранять конфиденциальность сведений, составляющих охраняемую законом тайну и ставших ему известными в связи с исполнением обязанностей арбитражного управляющего. За разглашение сведений, составляющих личную, коммерческую, служебную, банковскую, иную охраняемую законом тайну, финансовый управляющий несет гражданско-правовую, административную, уголовную ответственность. Финансовый управляющий обязан возместить вред, причиненный в результате разглашения финансовым управляющим сведений, составляющих личную, коммерческую, служебную, банковскую, иную охраняемую законом тайну (пункт 3 статьи 20^3 и пункт 10 статьи 213^9 Закона № 127-ФЗ). Из этого

следует, что законодательством предусмотрены значительные гарантии прав третьих лиц, информация о которых стала известна управляющему.

Таким образом, из приведенных положений Закона № 127-ФЗ следует, что арбитражному управляющему предоставлено право на получение информации в отношении принадлежащих соответствующему должнику объектов движимого и недвижимого имущества. Для проведения всего комплекса мероприятий по формированию конкурсной массы управляющий, помимо прочего, должен располагать информацией о судьбе имущества, отчужденного должником.

В рассматриваемом случае финансовому управляющему была необходима информация о наличии зарегистрированных и снятых с учета на имя должника-гражданина автотранспортных средств и прицепов к ним (при наличии) с предоставлением копий документов, подтверждающих регистрационные действия.

Документы, связанные с предшествующим банкротству изменением состояния имущественной массы должника, то есть о движении активов, об их приобретении и отчуждении безусловно необходимы финансовому управляющему для осуществления возложенных на него обязанностей. В частности, без экземпляра договора, на основании которого было отчуждено транспортное средство, арбитражный управляющий лишен возможности проанализировать такую сделку на предмет наличия признаков причинения вреда кредиторам, а также при наличии таковых оспорить сделку ввиду отсутствия сведений о личности ответчика.

При этом вопреки выводам суда округа, сославшегося на Закон № 152-ФЗ, из положений данного закона следует, что обработка персональных данных без согласия субъекта персональных данных допускается в случае, если она необходима для достижения целей, предусмотренных законом, осуществления правосудия, исполнения судебного акта (пункты 2, 3 части 1 статьи 6 Закона № 152-ФЗ). В данном случае такими целями являются цели, предусмотренные Законом № 127-ФЗ.

Вывод суда округа о невозможности передачи документов ввиду наличия в них сведений о третьих лицах ошибочен и по той причине, что по смыслу пункта 2 статьи 126, пункта 7 статьи 213^{9} Закона № 127-ФЗ руководитель должника (при банкротстве организации) или гражданин-должник обязаны передать арбитражному управляющему все имеющиеся у них документы, в том числе по сделкам с контрагентами – третьими лицами. При этом закон не ставит исполнение обязанности по передаче документов в зависимость от получения согласия таких третьих лиц.

Кроме того, при банкротстве физического лица его гражданская дееспособность в определенном смысле ограничивается, в частности, он не вправе распоряжаться имуществом, подлежащим включению в конкурсную массу (в реструктуризации – без согласия управляющего либо утвержденного плана, в реализации – в принципе; статьи 213^{9}, 213^{11}, 213^{25} Закона № 127-ФЗ). В таких условиях финансовый управляющий фактически становится

законным представителем физического лица, а потому управляющему могут быть предоставлены документы и сведения в объеме, по крайней мере, не меньшем, чем тот, который вправе запросить гражданин лично.

С учетом изложенного суды первой и апелляционной инстанций правомерно удовлетворили заявление финансового управляющего, указав на отсутствие у управления правовых оснований для отказа в предоставлении полных сведений о зарегистрированных и прекращенных правах должника на объекты движимого имущества, включая копии документов, подтверждающие регистрационные действия.

Определение № 308-ЭС23-15786

Практика применения положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

31. Юридическое лицо может быть привлечено к административной ответственности наряду с должностным лицом, если у такого юридического лица имелась возможность для соблюдения законодательных норм и правил, за нарушение которых предусмотрена административная ответственность, но оно не приняло для этого все зависящие от него меры к их соблюдению.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании незаконным и отмене постановления о привлечении к административной ответственности, предусмотренной частью 1 статьи 15.25 КоАП РФ.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, оспариваемое постановление признано не подлежащим исполнению в части назначения административного наказания в виде штрафа в размере, превышающем 49 356 руб. 60 коп., в удовлетворении остальной части требований отказано.

При этом суды исходили из того, что положениями Федерального закона от 13 июля 2022 г. № 235-ФЗ «О внесении изменений в статьи 15.25 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» в часть 1 статьи 15.25 КоАП РФ внесены изменения в части размера административного наказания, улучшающее положение лица, привлеченного к административной ответственности, в связи с чем пришли к выводу, что исполнение оспариваемого постановления в части размера штрафа, превышающего 49 356 руб. 60 коп., является незаконным.

Суд кассационной инстанции отменил решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции, ссылаясь на то, что вследствие выявленного правонарушения в рамках проведенной проверки к административной ответственности, предусмотренной частью 1 статьи 15.25 КоАП РФ, уже привлечено должностное лицо общества – директор с назначением наказания в виде штрафа. Таким образом, на общество

распространяются правила, установленные частью 4 статьи 2.1 КоАП РФ, в связи с чем оно не подлежит административной ответственности.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление суда кассационной инстанции и оставила в силе решение суда и постановление апелляционного суда, обратив внимание на следующее.

Часть 4 статьи 2.1 КоАП РФ, введенная с 6 апреля 2022 г. Федеральным законом от 26 марта 2022 г. № 70-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», предусматривает, что юридическое лицо не подлежит административной ответственности за совершение административного правонарушения, за которое должностное лицо или иной работник данного юридического лица привлечены к административной ответственности, если таким юридическим лицом были приняты все предусмотренные законодательством Российской Федерации меры для соблюдения правил и норм, за нарушение которых предусмотрена административная ответственность, за исключением случаев, предусмотренных частью 5 статьи 2.1 КоАП РФ.

Исходя из части 2 статьи 2.1 КоАП РФ юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых КоАП РФ или законами субъекта Российской Федерации предусмотрена административная ответственность, но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению.

Соответственно, по смыслу части 4 статьи 2.1 КоАП РФ в настоящее время юридическое лицо не подлежит административной ответственности, как это и ранее следовало из части 2 статьи 2.1 КоАП РФ, в отсутствие вины, что для юридического лица означает, что им были приняты все зависящие от него меры по соблюдению правил и норм, за нарушение которых предусмотрена административная ответственность.

При этом исходя из ряда актов Конституционного Суда Российской Федерации вина юридического лица в совершении административного правонарушения не тождественна вине соответствующего физического лица. Кроме того, в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 21 июля 2021 г. № 39-П отмечается, что в отношении юридических лиц, как субъектов административной ответственности, КоАП РФ содержит специальную оговорку, согласно которой юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых предусмотрена административная ответственность, но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению (часть 2 статьи 2.1 КоАП РФ).

В пункте 16 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 2 июня 2004 г. № 10 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях» разъяснено, что выяснение виновности лица в

совершении административного правонарушения осуществляется на основании данных, зафиксированных в протоколе об административном правонарушении, объяснений лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, в том числе об отсутствии возможности для соблюдения соответствующих правил и норм, о принятии всех зависящих от него мер по их соблюдению, а также на основании иных доказательств, предусмотренных частью 2 статьи 26.2 КоАП РФ.

Таким образом, позиция судов первой и апелляционной инстанций, основанная на оценке доказательств по делу, в соответствии с которой обществом не были приняты все зависящие от него меры по соблюдению правил и норм, за нарушение которых установлена административная ответственность, при наличии у него возможности для их соблюдения, означает, что у административного органа были основания для привлечения общества к административной ответственности.

С учетом изложенного у суда округа отсутствовали правовые основания для применения в отношении общества положений части 4 статьи 2.1 КоАП РФ.

Определение № 309-ЭС23-14677

Процессуальные вопросы

32. При неисполнении условий мирового соглашения, утвержденного определением суда, взыскатель вправе обратиться за присуждением судебной неустойки.

Между сторонами заключено мировое соглашение. Впоследствии кредитор обратился в арбитражный суд с заявлением об установлении и о взыскании судебной неустойки за каждый день неисполнения должником определения суда, которым утверждено мировое соглашение.

Определением суда первой инстанции заявление кредитора удовлетворено. Суд исходил из отсутствия доказательств, подтверждающих исполнение должником судебного акта.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением суда округа, определение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении заявления кредитора отказано.

Суды указали на невозможность установления судебной неустойки для обеспечения исполнения обязательства, предусмотренного утвержденным определением суда мировым соглашением, недоказанность применения к должнику мер воздействия за неисполнение судебного акта в соответствии с Законом об исполнительном производстве (Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»), а также на то, что факт неисполнения должником судебного акта не установлен судебным приставом-исполнителем.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила вынесенные по делу судебные акты, указав следующее.

В определении об утверждении мирового соглашения воспроизводятся условия мирового соглашения. Тем самым ему придается характер юридически значимого документа, поскольку только утверждение судом мирового соглашения может повлечь за собой такое последствие, как обращение этого соглашения в случае его неисполнения к принудительному исполнению по правилам раздела VII АПК РФ на основании исполнительного листа, выдаваемого арбитражным судом по ходатайству лица, заключившего мировое соглашение (часть 2 статьи 142 АПК РФ).

Согласно части 1 статьи 15 АПК РФ к судебным актам арбитражного суда относятся судебный приказ, решение, постановление, определение.

В силу пункта 1 статьи 308^3 ГК РФ, части 4 статьи 174 АПК РФ арбитражный суд по требованию истца вправе присудить в его пользу денежную сумму, подлежащую взысканию с ответчика на случай неисполнения судебного акта.

Таким образом, суд апелляционной инстанции не учел, что определение об утверждении мирового соглашения является таким же оканчивающим рассмотрение дела по существу судебным актом, как и решение суда, и может быть исполнено принудительно; при неисполнении условий мирового соглашения взыскатель вправе обратиться за присуждением судебной неустойки.

Определение № 306-ЭС23-17742

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Вопросы квалификации

33. По пункту «и» части 2 статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации следует квалифицировать убийство, совершенное на почве явного неуважения к обществу и общепринятым нормам морали, когда поведение виновного является открытым вызовом общественному порядку и обусловлено желанием противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное к ним отношение, в частности, когда поводом для убийства становится спровоцированный самим виновным конфликт с ранее незнакомой ему потерпевшей.

По приговору Красноярского краевого суда от 6 сентября 2021 г. М., несудимый, осужден по пункту «и» части 2 статьи 105 УК РФ.

Апелляционным определением Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 22 декабря 2021 г. приговор в отношении М. оставлен без изменения.

В кассационной жалобе Ю. – защитник в интересах осужденного М. указывал, помимо прочего, на необоснованное вменение квалифицирующего признака убийства «из хулиганских побуждений», ссылался на возникновение между осужденным и потерпевшей конфликта, словесной перебранки в ночное время в безлюдном месте.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 14 сентября 2022 г. приговор и апелляционное определение оставила без изменения, указав относительно доводов защитника об отсутствии умысла на совершение преступления из хулиганских побуждений следующее.

Фактические обстоятельства совершенного М. преступления в отношении потерпевшей П. установлены судом первой инстанции правильно и подтверждаются исследованными в судебном заседании доказательствами.

Как видно из материалов дела, М. подверг потерпевшую избиению, нанеся ей руками не менее семи и ногами – не менее четырех ударов по голове, причинив черепно-мозговую травму, осложнившуюся сдавлением вещества головного мозга гематомой, посттравматическим отеком и дислокацией головного мозга с вклинением стволовых отделов в большое затылочное отверстие, от которой потерпевшая скончалась на следующий день в больнице.

При квалификации убийства как совершенного из хулиганских побуждений уголовный закон применен правильно. Суд первой инстанции установил, что М., будучи в состоянии алкогольного опьянения, сам спровоцировал конфликт с незнакомой ему женщиной, которая не желала, как это видно на видеозаписях и отражено в приговоре, общения с ним, и использовал его в качестве повода для убийства.

Несмотря на совершение преступления в ночное время и в отсутствие других лиц, суд, исходя из совокупности фактических обстоятельств, в том числе свидетельствующих о его совершении в общественном месте, и оценки субъективного отношения виновного к содеянному, пришел к обоснованному выводу о том, что убийство совершено М. на почве явного неуважения к обществу и общепринятым нормам морали, оно являлось открытым вызовом общественному порядку и было обусловлено желанием М. противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное к ним отношение.

Определение № 53-УД22-27-А5

34. Вывод о наличии в действиях лица, совершившего кражу, признака причинения значительного ущерба гражданину должен быть мотивирован с учетом имущественного положения потерпевшего,

стоимости похищенного имущества, его значимости для потерпевшего и других обстоятельств.

По приговору Приволжского районного суда г. Казани от 2 декабря 2019 г. У., ранее судимый, осужден к лишению свободы: по пунктам «а», «в» части 2 статьи 158 УК РФ на 2 года, по пункту «а» части 2 статьи 158 УК РФ на 1 год 10 месяцев; на основании части 2 статьи 69 УК РФ по совокупности преступлений назначено 2 года 6 месяцев лишения свободы. В соответствии со статьей 70 УК РФ по совокупности приговоров путем частичного присоединения неотбытой части наказания по приговору от 25 декабря 2017 г. У. назначено 3 года лишения свободы в исправительной колонии строгого режима.

В апелляционном порядке приговор не обжалован.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 22 июня 2021 г. приговор в отношении У. оставлен без изменения.

По данному делу осужден также Щ.

У. признан виновным в краже имущества А., совершенной группой лиц по предварительному сговору, с причинением значительного ущерба потерпевшему, а также в краже имущества С., совершенной группой лиц по предварительному сговору.

В кассационной жалобе осужденный У. ссылался на чрезмерную суровость назначенного ему наказания и просил о смягчении наказания.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 14 июля 2022 г. изменила приговор и кассационное определение в отношении У. по следующим основаниям.

При квалификации действий У. в части совершения им кражи имущества А. судами нижестоящих инстанций был неправильно применен уголовный закон.

Из приговора следует, что У. и Щ. совершили кражу имущества А.: металлической лестницы, двух металлических труб и секции металлического забора, всего – на сумму 5000 руб. Все похищенное было сдано ими в пункт приема металла за 400 руб.

Из заявления потерпевшего А., показаний, данных им в ходе предварительного следствия и оглашенных в суде с согласия сторон, усматривается, что стоимость похищенного определена с его слов в сумме 5000 руб.; ущерб был определен им как значительный, поскольку он «является пенсионером».

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в пункте 24[3] постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и

[3] В редакции постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2010 г. № 31.

разбое», при квалификации действий лица, совершившего кражу, по признаку причинения гражданину значительного ущерба судам следует учитывать имущественное положение потерпевшего, стоимость похищенного имущества и его значимость для потерпевшего, размер заработной платы, пенсии, наличие у потерпевшего иждивенцев, совокупный доход членов семьи, с которыми он ведет совместное хозяйство, и др. При этом ущерб, причиненный гражданину, не может быть менее размера, установленного примечанием 2 к статье 158 УК РФ, то есть менее 5000 руб.

Судами первой и кассационной инстанций признание причиненного потерпевшему А. ущерба значительным не мотивировано; размер получаемой А. пенсии, данные о его имущественном положении, значимости для него похищенного имущества не установлены.

При таких обстоятельствах с учетом характера и потребительских качеств похищенного имущества, сданного в металлолом, его небольшой стоимости причиненный потерпевшему А. ущерб нельзя признать значительным; указание на осуждение У. по пункту «в» части 2 статьи 158 УК РФ подлежит исключению из судебных решений, а назначенное ему наказание – смягчению.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации изменила приговор и кассационное определение в отношении У.: исключила указание на осуждение его по пункту «в» части 2 статьи 158 УК РФ; по пункту «а» части 2 статьи 158 УК РФ (по факту кражи имущества А.) назначила 1 год 10 месяцев лишения свободы, по пункту «а» части 2 статьи 158 УК РФ (по факту кражи имущества С.) смягчила назначенное наказание до 1 года 9 месяцев лишения свободы; назначила по совокупности преступлений 2 года 3 месяца лишения свободы и окончательное наказание по совокупности приговоров – 2 года 9 месяцев лишения свободы в исправительной колонии строгого режима. В судебные решения внесены и другие изменения.

Определение № 11-УД22-19-К6

35. Действия лица, который бросил в направлении сотрудников полиции, находившихся при исполнении служебных обязанностей и прибывших на место происшествия в связи с сообщением о бытовом конфликте, приведенную в боевое состояние осколочную гранату, взорвавшуюся в непосредственной близости от них, правильно квалифицированы в этой части по статье 317 Уголовного кодекса Российской Федерации как посягательство на жизнь сотрудников правоохранительного органа в целях воспрепятствования их законной деятельности по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности.

По приговору Самарского областного суда от 23 марта 2021 г., оставленному судом апелляционной инстанции без изменения, Б.А. осужден

по части 3 статьи 30, пункту «е» части 2 статьи 105, статье 317, части 1 статьи 222^1 УК РФ.

Б.А. признан виновным в покушении на убийство общеопасным способом, в посягательстве на жизнь сотрудников правоохранительного органа в целях воспрепятствования их законной деятельности по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, а также в незаконном хранении и ношении взрывных устройств.

В кассационной жалобе осужденный Б.А. отмечал, что считает неправильной квалификацию его действий в отношении сотрудников полиции как посягательство на жизнь сотрудников правоохранительного органа, так как его действия свидетельствовали о наличии умысла на убийство потерпевшей и о безразличном отношении к убийству сотрудников полиции в связи с осуществлением ими служебной деятельности. В связи с этим полагал, что он посягал не на порядок управления, а на жизнь сотрудников полиции, то есть он совершил преступление, предусмотренное частью 3 статьи 30, пунктами «а», «б» части 2 статьи 105 УК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 30 июня 2022 г. оставила приговор и апелляционное определение без изменения, указав следующее.

Судами первой и апелляционной инстанций обсуждались доводы стороны защиты об отсутствии в действиях Б.А. умысла на убийство потерпевшей Б.Е. и сотрудников полиции и, как не нашедшие подтверждения, обоснованно отвергнуты.

При этом суд правильно сослался на показания Б.А., данные им на предварительном следствии и в судебном заседании, из которых следует, что в ходе конфликта с потерпевшей он высказывал намерение лишить ее жизни, заявляя, что «убьет ее и себя», на показания Б.Е. о том, что она реально воспринимала угрозы Б.А. убить ее, на показания свидетеля В., которая слышала крики потерпевшей о помощи, о том, что ее убивают.

Об умысле Б.А. совершить убийство всех потерпевших свидетельствует избранный им способ преступления: во время ссоры с Б.Е. он взял гранату, попытался отсоединить предохранительную чеку, но, поскольку не смог этого сделать, граната не взорвалась. Когда в квартиру прибыли сотрудники полиции С. и П., Б.А., находясь в коридоре квартиры, привел осколочную гранату марки Ф-1 в боевое состояние и бросил в сторону находившихся возле двери у входа в квартиру Б.Е. и сотрудника полиции П., а также сотрудника полиции С., который находился в подъезде перед входом в квартиру. Граната переместилась через дверной проем в подъезд, где и взорвалась.

В результате действий Б.А. здоровью каждого из потерпевших причинен легкий вред в виде сотрясения головного мозга, помимо этого, Б.Е. получила ранения в лобной области, а С. – ноги.

Принимая во внимание характер действий осужденного, который, бросая в направлении потерпевших в непосредственной близости от них

приведенную в боевое состояние осколочную гранату, обладающую большой разрушительной силой, суд пришел к обоснованному выводу о том, что Б.А. действовал с прямым умыслом на их убийство.

Избрав такой способ убийства, как взрыв осколочной гранаты в жилом доме, Б.А. осознавал, что его действиями может быть причинен вред здоровью не только потерпевших, но и других лиц, проживающих в доме.

При таких обстоятельствах действия осужденного в отношении потерпевшей Б.Е. правильно квалифицированы по части 3 статьи 30, пункту «е» части 2 статьи 105 УК РФ как покушение на убийство общеопасным способом.

Судебная коллегия не согласилась и с доводами жалобы о том, что Б.А. не посягал на порядок управления, его действия в отношении сотрудников полиции были вызваны осуществлением ими служебной деятельности.

П. приказом от 1 июня 2019 г. назначен на должность дежурного дежурной части отдела полиции № 5 УМВД РФ по г. Самаре (далее – отдела полиции); С. приказом от 4 декабря 2015 г. назначен на должность полицейского-водителя отделения по охране объектов отдела полиции.

27 июля 2020 г. С. и П. несли службу согласно графику несения службы дежурным нарядом отдела полиции, то есть находились при исполнении своих должностных обязанностей, осуществляя функции по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности.

В квартиру потерпевшей они прибыли в связи с поступившим в дежурную часть отдела полиции сообщением о бытовом конфликте, при этом оба находились в форменном обмундировании сотрудников полиции, что было очевидно для Б.А.

По прибытии в квартиру С. и П. увидели Б.Е. со следами крови на голове и спросили, будет ли она писать заявление, потерпевшая ответила утвердительно. Б.А. был недоволен тем, что Б.Е. вызвала сотрудников полиции и решила написать заявление, и он, находясь на расстоянии примерно четырех метров от этих сотрудников, бросил гранату в их направлении.

Б.А. в судебном заседании не отрицал факт осознания того, что перед ним находились при исполнении служебных обязанностей сотрудники полиции в форменном обмундировании, прибывшие по вызову на место происшествия.

Принимая во внимание приведенные показания, суд сделал обоснованный вывод о том, что умысел Б.А. был направлен на воспрепятствование законной деятельности сотрудников полиции по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, и правильно квалифицировал его действия по статье 317 УК РФ.

Доводы жалобы о том, что сотрудники полиции С. и П. не выполняли обязанности по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, противоречат установленным судом фактическим

обстоятельствам дела, согласно которым они, находясь на службе, прибыли на место происшествия в связи с сообщением о бытовом конфликте.

С учетом изложенных мотивов не имеется оснований для квалификации действий осужденного по части 3 статьи 30, пунктам «а», «б» части 2 статьи 105 УК РФ как покушение на убийство двух лиц в связи с осуществлением ими служебной деятельности, о чем просил в жалобе Б.А.

Определение № 46-УД22-19-А4

Назначение наказания

36. При назначении наказания по пункту «ж» части 2 статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации суд обоснованно учел требования части 3 статьи 62 Уголовного кодекса Российской Федерации о недопустимости применения положений части 1 этой нормы закона в случаях, когда соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации предусмотрены пожизненное лишение свободы или смертная казнь.

По приговору Липецкого областного суда от 12 октября 2021 г. (оставленному без изменения судом апелляционной инстанции) П. осужден по пункту «ж» части 2 статьи 105 УК РФ к 14 годам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима с ограничением свободы на 1 год с установлением указанных в приговоре ограничений и возложением обязанности, предусмотренных статьей 53 УК РФ.

В кассационной жалобе осужденный П. выражал несогласие с судебными решениями, просил смягчить назначенное ему наказание до 12 лет лишения свободы. Указывал, что суд не применил при назначении ему наказания положения части 1 статьи 62 УК РФ, в соответствии с которыми наказание не может превышать двух третей максимального срока, предусмотренного данной статьей УК РФ, несмотря на то, что его явка с повинной и активное способствование раскрытию и расследованию преступления признаны судом смягчающими наказание обстоятельствами.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 21 июля 2022 г. оставила обжалуемые решения без изменения, а кассационную жалобу – без удовлетворения, указав следующее.

Наказание П. назначено в соответствии с требованиями закона, с учетом характера и степени общественной опасности совершенного им преступления, роли и степени участия в преступлении, обстоятельств, смягчающих наказание, данных, характеризующих его личность, а также влияния назначенного наказания на его исправление.

В качестве обстоятельств, смягчающих наказание П., судом признаны явка с повинной, активное способствование раскрытию и расследованию преступления, аморальное поведение потерпевшего.

В силу части 3 статьи 62 УК РФ положения части 1 статьи 62 УК РФ не подлежат применению, если санкция статьи УК РФ, по которой осуждается виновное лицо, предусматривает наказание в виде пожизненного лишения свободы или смертной казни, в этом случае наказание назначается в пределах санкции соответствующей статьи.

С учетом санкции части 2 статьи 105 УК РФ, которая предусматривает наказание в виде пожизненного лишения свободы, а также наказание до 20 лет лишения свободы, оснований для применения положений части 1 статьи 62 УК РФ у суда не имелось.

Назначенное П. наказание является справедливым и оснований для его смягчения, в том числе с применением статьи 64 УК РФ ввиду отсутствия исключительных обстоятельств, существенно уменьшающих общественную опасность совершенного преступления, нет.

Определение № 77-УД22-5-А1

37. Если суд, установив наличие у осужденного малолетних детей, не признал данное обстоятельство смягчающим наказание (пункт «г» части 1 статьи 61 Уголовного кодекса Российской Федерации) и не учел при назначении наказания, он должен привести в приговоре мотивы такого решения.

По приговору Советского районного суда г. Самары от 6 февраля 2019 г. Б. осужден к лишению свободы: по пунктам «а», «в» части 2 статьи 163 УК РФ на 3 года 1 месяц, по пунктам «а», «з» части 2 статьи 126 УК РФ на 5 лет 3 месяца. На основании части 3 статьи 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний назначено окончательное наказание 6 лет 1 месяц лишения свободы.

Этим же приговором осужден В.

Судом апелляционной инстанции приговор оставлен без изменения.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 22 октября 2020 г. приговор и апелляционное определение изменены: в срок отбывания наказания зачтено время нахождения Б. под домашним арестом.

Б. признан виновным в вымогательстве денежных средств у И. с применением насилия и под угрозой применения насилия, совершенном группой лиц по предварительному сговору, и в похищении И. группой лиц по предварительному сговору из корыстных побуждений.

Адвокат в кассационной жалобе в защиту интересов Б. просил изменить судебные решения, признать в соответствии с пунктом «г» части 1 статьи 61 УК РФ смягчающим наказание осужденного обстоятельством наличие у него троих малолетних детей и смягчить назначенное наказание.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 28 июля 2022 г., проверив материалы уголовного дела и обсудив доводы жалобы, пришла к следующим выводам.

Согласно частям 1 и 3 статьи 60 УК РФ лицу, признанному виновным в совершении преступления, назначается справедливое наказание в пределах, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части УК РФ, и с учетом положений Общей части УК РФ. При назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи.

В силу пункта «г» части 1 статьи 61 УК РФ обстоятельством, смягчающим наказание, признается наличие малолетних детей у виновного.

С учетом того, что установление обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, имеет важное значение при назначении лицу, совершившему преступление, как основного, так и дополнительного наказания, в приговоре должно быть указано, какие обстоятельства суд признает смягчающими и отягчающими наказание.

Приведенные требования закона судом в полной мере выполнены не были.

При назначении наказания Б. суд учел характер и степень общественной опасности совершенного преступления, характер и степень его фактического участия в преступлениях, смягчающие обстоятельства, данные о его личности, влияние назначенного наказания на его исправление и условия жизни его семьи.

В качестве смягчающих наказание обстоятельств в соответствии с частью 2 статьи 61 УК РФ суд признал частичное признание им вины, состояние здоровья самого Б., его дочери и матери, достигшей пенсионного возраста, оказание помощи родным, содержание супруги, находящейся в отпуске по беременности и родам, позицию потерпевшего, не имеющего претензий к Б. и просившего строго его не наказывать; кроме того, на основании пункта «к» части 1 статьи 61 УК РФ судом учтены добровольное возмещение имущественного ущерба и компенсация морального вреда, причиненных в результате преступления.

При обсуждении вопроса о назначении Б. наказания суд сослался на наличие у него троих малолетних детей. Данное обстоятельство было указано и во вводной части приговора и подтверждено имеющимися в материалах дела копиями свидетельств о рождении Е., 2012 года рождения, А., 2016 года рождения, и Е., 2018 года рождения.

Указанные материалы уголовного дела согласно протоколу судебного заседания исследованы в судебном заседании.

Установив наличие у Б. троих малолетних детей, суд не признал данное обстоятельство смягчающим наказание осужденного и не учел при назначении наказания, мотивы такого решения в приговоре не привел.

В связи с этим назначенное осужденному наказание нельзя признать справедливым, соответствующим требованиям закона.

На основании изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации изменила состоявшиеся судебные решения в отношении Б.: смягчила назначенное по пунктам «а», «в» части 2 статьи 163 УК РФ наказание до 2 лет 10 месяцев лишения свободы, по пунктам «а», «з» части 2 статьи 126 УК РФ – до 5 лет лишения свободы. По совокупности преступлений в соответствии с частью 3 статьи 69 УК РФ путем частичного сложения наказаний Б. назначено окончательное наказание 5 лет 6 месяцев лишения свободы.

Определение № 46-УД22-20-К6

38. В тех случаях, когда суд в соответствии с пунктом «а» части 1 статьи 58 Уголовного кодекса Российской Федерации назначает осужденному к лишению свободы отбывание наказания в исправительной колонии общего режима вместо колонии-поселения, в приговоре должны быть приведены обстоятельства совершения преступления и данные о личности виновного, учитываемые судом при принятии такого решения.

По приговору Новоалександровского районного суда Ставропольского края от 12 мая 2021 г. осуждены:

М. (судимая: 2 ноября 2010 г. по части 1 статьи 105 УК РФ к 7 годам 6 месяцам лишения свободы, освобождена 7 июня 2018 г. по отбытии наказания; 4 сентября 2020 г. по пункту «в» части 2 статьи 158 УК РФ к 1 году 8 месяцам лишения свободы условно с испытательным сроком 3 года) осуждена по пунктам «а», «в» части 2 статьи 158 УК РФ к 2 годам 6 месяцам лишения свободы; на основании части 4 статьи 74 УК РФ условное осуждение по приговору от 4 сентября 2020 г. отменено, в соответствии со статьей 70 УК РФ к назначенному наказанию частично присоединено неотбытое наказание, назначенное по приговору от 4 сентября 2020 г., и назначено окончательное наказание 3 года 6 месяцев лишения свободы в исправительной колонии общего режима;

К. (судимая 27 октября 2008 г., с учетом внесенных изменений, по части 1 статьи 105 УК РФ к 7 годам 6 месяцам лишения свободы, освобождена 22 января 2016 г. по отбытии наказания) по пунктам «а», «в» части 2 статьи 158 УК РФ к 2 годам лишения свободы в исправительной колонии общего режима.

Апелляционным постановлением Ставропольского краевого суда от 8 июля 2021 г. приговор оставлен без изменения.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 15 февраля 2022 г. приговор и апелляционное постановление оставлены без изменения.

В кассационном представлении заместитель Генерального прокурора Российской Федерации просил судебные решения изменить, указывал, что с учетом разъяснения, содержащегося в пункте 8 постановления Пленума

Верховного Суда от Российской Федерации 29 мая 2014 г. № 9 «О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений», и того, что М. и К. осуждены за преступление, отнесенное к категории средней тяжести, суду следовало направить их в колонию-поселение либо, мотивировав свое решение, назначить отбывание наказания в исправительной колонии общего режима. Обжалуемые судебные решения какой-либо мотивировки относительно назначения места отбывания наказания не содержат, в связи с чем в качестве места отбывания наказания осужденным необходимо назначить колонию-поселение, в соответствии с пунктом «в» части 3^1 статьи 72 УК РФ зачесть в срок отбытия наказания время содержания осужденных под стражей из расчета один день содержания под стражей за два дня отбывания наказания в колонии-поселении.

В кассационной жалобе осужденная М., ссылаясь на наличие смягчающих обстоятельств, просила о снижении назначенного ей наказания.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 21 июля 2022 г. изменила состоявшиеся судебные решения, отметив следующее.

Назначая М. и К. местом отбывания наказания исправительную колонию общего режима, суд руководствовался положениями пункта «б» части 1 статьи 58 УК РФ.

Однако судом не было учтено, что положения данной нормы применяются к женщинам, осужденным к лишению свободы за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, в том числе при любом виде рецидива.

М. и К. осуждены за совершение преступления средней тяжести, поэтому при назначении им вида исправительного учреждения необходимо руководствоваться пунктом «а» части 1 статьи 58 УК РФ, в соответствии с положениями которого отбывание лишения свободы лицам, осужденным к такому виду наказания за совершение умышленных преступлений средней тяжести, назначается в колониях-поселениях; при этом с учетом обстоятельств совершения преступления и данных о личности виновного суд может назначить указанным лицам отбывание наказания в исправительных колониях общего режима с указанием мотивов принятого решения.

Таким образом, содержание приведенной нормы закона, даже при установлении в действиях осужденных наличия рецидива преступлений, факта отбывания ими ранее наказания в виде лишения свободы, не освобождает суд от обязанности мотивировать свое решение относительно назначения вида исправительного учреждения.

Между тем ни приговор, ни последующие судебные решения не содержат каких-либо мотивов относительно необходимости отбывания осужденными наказания в виде лишения свободы в исправительной колонии общего режима.

На основании изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации изменила приговор и последующие

судебные решения в отношении М. и К., назначила им местом отбывания наказания в виде лишения свободы колонию-поселение. В судебные решения внесены и другие изменения.

Определение № 19-УДП22-17-К5

39. Неотбытым наказанием, которое суд присоединяет полностью или частично на основании статьи 70 Уголовного кодекса Российской Федерации, считается весь срок назначенного наказания по предыдущему приговору при условном осуждении.

По приговору Алтайского краевого суда от 24 февраля 2022 г. Ш. (ранее судимый: 13 ноября 2019 г. по части 1 статьи 258^1, пунктам «б», «в» части 1 статьи 256 УК РФ, на основании части 2 статьи 69 УК РФ к 2 годам лишения свободы условно с испытательным сроком 2 года; постановлением суда от 24 июля 2020 г. испытательный срок продлен на 1 месяц; 24 августа 2021 г. по части 1 статьи 303 УК РФ к 1 году исправительных работ с удержанием 10 % заработка в доход государства) осужден к лишению свободы: по статье 317 УК РФ на 19 лет, по части 1 статьи 167 УК РФ – на 1 год 3 месяца. В соответствии с частью 3 статьи 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний назначено 20 лет лишения свободы.

На основании части 5 статьи 74 УК РФ отменено условное осуждение по приговору от 13 ноября 2019 г. В соответствии со статьей 70 УК РФ по совокупности приговоров к назначенному наказанию частично присоединено неотбытое наказание по приговору от 13 ноября 2019 г. и назначен 21 год лишения свободы.

На основании части 5 статьи 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения назначенного наказания с наказанием по приговору от 24 августа 2021 г. Ш. назначен 21 год 3 месяца лишения свободы с отбыванием первых 5 лет в тюрьме, а оставшегося срока наказания – в исправительной колонии строгого режима.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 19 мая 2022 г. приговор оставлен без изменения.

В кассационной жалобе осужденный Ш. выражал несогласие с вынесенными судебными решениями, указывал, что при назначении наказания суд неправильно применил правила, предусмотренные статьей 70 УК РФ, поскольку не учел, что на момент задержания 15 июля 2021 г. он уже отбыл 1 год 8 месяцев наказания, назначенного по приговору от 13 ноября 2019 г., и неотбытая часть наказания составляла 5 месяцев лишения свободы.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда 31 августа 2022 г. оставила кассационную жалобу без удовлетворения, указав следующее.

Назначенное Ш. наказание соответствует характеру и степени общественной опасности совершенных им преступлений, обстоятельствам их совершения и личности осужденного. При этом судом были учтены все данные, влияющие на наказание, в том числе обстоятельства, смягчающие наказание.

Как установлено судом, преступления, за которые Ш. осужден по приговору Алтайского краевого суда от 24 февраля 2022 г., были совершены 14 июля 2021 г., т.е. в период испытательного срока назначенного ему условного осуждения по приговору от 13 ноября 2019 г. и до вынесения приговора от 24 августа 2021 г.

Согласно части 5 статьи 74 УК РФ в случае совершения условно осужденным в течение испытательного срока умышленного тяжкого или особо тяжкого преступления суд отменяет условное осуждение и назначает ему наказание по правилам, предусмотренным статьей 70 УК РФ.

При этом неотбытым наказанием, которое суд присоединяет полностью или частично на основании статьи 70 УК РФ, считается весь срок назначенного наказания по предыдущему приговору при условном осуждении.

В данном случае, присоединив частично 1 год лишения свободы по приговору от 13 ноября 2019 г., суд не допустил нарушений требований уголовного закона.

Оснований для смягчения назначенного Ш. наказания не имеется.

Определение № 51-УД22-12-А5

40. Согласно части 4 статьи 65 Уголовного кодекса Российской Федерации при назначении наказания лицу, признанному вердиктом присяжных заседателей виновным в совершении преступления, но заслуживающим снисхождения, обстоятельства, отягчающие наказание, не учитываются.

По смыслу положений статьи 33 Уголовного кодекса Российской Федерации действия организатора преступления охватывают действия пособника, поскольку могут включать в себя подыскание исполнителя преступления, обеспечение соучастников оружием, разработку плана, распределение ролей, сокрытие следов преступления и т.п.

По приговору Забайкальского краевого суда от 2 июня 2021 г., постановленному на основании вердикта коллегии присяжных заседателей, Ш. осужден: по пунктам «а», «б» части 2 статьи 158 УК РФ к 3 годам лишения свободы, по части 1 статьи 167 УК РФ к 300 часам обязательных работ, по частям 3, 5 статьи 33, части 1 статьи 105 УК РФ к 12 годам лишения свободы с ограничением свободы на 1 год 6 месяцев. На основании частей 3 и 4 статьи 69, статьи 71 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний назначено 13 лет лишения свободы с

ограничением свободы на 1 год 6 месяцев с установлением в соответствии со статьей 53 УК РФ ограничений и возложением обязанности, указанных в приговоре.

Этим же приговором осужден С.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 14 октября 2021 г. приговор в отношении Ш. изменен: смягчено наказание, назначенное Ш. по пунктам «а», «б» части 2 статьи 158 УК РФ, до 2 лет 11 месяцев лишения свободы, по частям 3 и 5 статьи 33, части 1 статьи 105 УК РФ – до 9 лет 11 месяцев лишения свободы; по совокупности преступлений, предусмотренных пунктами «а», «б» части 2 статьи 158, частью 1 статьи 167, частями 3 и 5 статьи 33, частью 1 статьи 105 УК РФ, на основании части 3 статьи 69 УК РФ путем частичного сложения наказаний назначено 12 лет 6 месяцев лишения свободы в исправительной колонии строгого режима с ограничением свободы на 1 год 6 месяцев с установлением в соответствии со статьей 53 УК РФ ограничений и возложением обязанности, указанных в определении.

В кассационной жалобе, поданной в интересах осужденного Ш., адвокат К. утверждал, что приговор и апелляционное определение являются незаконными, поскольку осужденному назначено чрезмерно суровое наказание; что суд апелляционной инстанции, установив на основании вердикта присяжных заседателей тот факт, что Ш. заслуживает снисхождения по всем преступлениям, в нарушение требований части 4 статьи 65 УК РФ не исключил из приговора указание на учет отягчающего наказание обстоятельства, предусмотренного пунктом «к» части 1 статьи 63 УК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 15 июня 2022 г. изменила приговор по следующим обстоятельствам.

Согласно части 4 статьи 65 УК РФ при назначении наказания лицу, признанному вердиктом присяжных заседателей виновным в совершении преступления, но заслуживающим снисхождения, обстоятельства, отягчающие наказание, не учитываются.

В нарушение приведенных требований закона отягчающее наказание обстоятельство, предусмотренное пунктом «к» части 1 статьи 63 УК РФ, было учтено судом первой инстанции при назначении Ш. наказания за преступление, предусмотренное частями 3 и 5 статьи 33, частью 1 статьи 105 УК РФ, и не исключено из приговора судом апелляционной инстанции, установившим, что на основании вердикта присяжных заседателей Ш. признан заслуживающим снисхождения.

Кроме того, суд на основании вердикта присяжных заседателей квалифицировал действия Ш. по частям 3 и 5 статьи 33, части 1 статьи 105 УК РФ, т.е. как организатора и пособника убийства Д.

В данном случае судом неправильно применен уголовный закон. По смыслу положений статьи 33 УК РФ действия организатора охватывают

действия пособника, поскольку могут включать в себя подыскание исполнителя преступления, обеспечение соучастников оружием, разработку плана, распределение ролей, сокрытие следов преступления и т.п.

Судом установлено, что Ш. являлся организатором убийства Д. (часть 3 статьи 33, часть 1 статьи 105 УК РФ), в связи с чем его действия излишне квалифицированы по части 5 статьи 33 УК РФ как пособника данного преступления.

С учетом изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации приговор Забайкальского краевого суда от 2 июня 2021 г., постановленный на основании вердикта коллегии присяжных заседателей, и апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 14 октября 2021 г. в отношении Ш. изменила: исключила его осуждение по части 5 статьи 33, части 1 статьи 105 УК РФ и указание на учет отягчающего наказания обстоятельства, предусмотренного пунктом «к» части 1 статьи 63 УК РФ, назначила по части 3 статьи 33, части 1 статьи 105 УК РФ 9 лет 6 месяцев лишения свободы с ограничением свободы на 1 год, смягчила назначенное по части 1 статьи 167 УК РФ наказание до 200 часов обязательных работ; на основании части 3 статьи 69 УК РФ по совокупности преступлений, предусмотренных пунктами «а», «б» части 2 статьи 158, частью 1 статьи 167, частью 3 статьи 33, частью 1 статьи 105 УК РФ, путем частичного сложения наказаний назначила Ш. 11 лет 10 месяцев лишения свободы в исправительной колонии строгого режима с ограничением свободы на 1 год, с установлением в соответствии со статьей 53 УК РФ ограничений и возложением обязанности, указанных в определении.

Определение № 72-УД22-8СП-А5

41. С учетом положений статьи 9 Уголовного кодекса Российской Федерации дополнительное наказание в виде ограничения свободы может быть назначено за деяние, совершенное после 10 января 2010 г., а совершение преступления в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, новых потенциально опасных психоактивных веществ либо других одурманивающих веществ, может быть признано отягчающим наказание обстоятельством при осуждении за преступление, совершенное после 1 ноября 2013 г.

По приговору Псковского областного суда с участием присяжных заседателей от 7 октября 2021 г. К., ранее судимый, осужден по пунктам «а», «в» части 2 статьи 105 УК РФ к 18 годам лишения свободы в исправительной колонии особого режима с ограничением свободы на 1 год 6 месяцев.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 26 января 2022 г. приговор оставлен без изменения.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 19 октября 2022 г., рассмотрев уголовное дело по кассационной жалобе осужденного К., изменила судебные решения, отметив следующее.

В соответствии с частью 1 статьи 9 УК РФ преступность и наказуемость деяния определяются уголовным законом, действовавшим во время совершения этого деяния.

Положения Уголовного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы были введены в действие Федеральным законом от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ, а отягчающее наказание обстоятельство – совершение преступления в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, новых потенциально опасных психоактивных веществ либо других одурманивающих веществ, – Федеральным законом от 21 октября 2013 г. № 270-ФЗ.

Таким образом, на момент совершения преступления – 13 января 2008 г. это наказание было предусмотрено в уголовном законе, но еще не действовало, а отягчающее наказание обстоятельство – совершение преступления в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, – не было предусмотрено в законе.

С учетом изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации приговор Псковского областного суда с участием присяжных заседателей от 7 октября 2021 г. и апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 26 января 2022 г. в отношении К. изменила, исключила назначение дополнительного наказания в виде ограничения свободы, а также признание отягчающим наказание обстоятельством – совершение преступления в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, смягчила назначенное по пунктам «а», «в» части 2 статьи 105 УК РФ наказание в виде лишения свободы до 17 лет 6 месяцев. *Определение № 91-УД22-3СП-А1*

Процессуальные вопросы

42. В случае, если суд по уголовному делу придет к выводу об отсутствии признаков банды, а по приговору, вынесенному по выделенному в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве уголовному делу, лицо осуждено за участие в банде и совершенных ею нападениях, то, несмотря на согласие данного лица с предъявленным обвинением, приговор, постановленный в порядке главы 40[1] Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, подлежит изменению, а уголовное преследование по части 2 статьи 209

Уголовного кодекса Российской Федерации – прекращению за отсутствием в деянии состава преступления.

По приговору Курганского областного суда от 2 декабря 2016 г. Н., ранее судимый, осужден помимо прочего по части 2 статьи 209, части 3 статьи 222 УК РФ.

Приговор постановлен в особом порядке судебного разбирательства, предусмотренном главой 40^1 УПК РФ, в связи с заключением Н. досудебного соглашения о сотрудничестве.

В кассационной жалобе Н. указывал, что был осужден в том числе за совершение преступления, предусмотренного частью 2 статьи 209 УК РФ, однако в отношении создателя и руководителя банды В. и участника банды И. были вынесены оправдательные приговоры по указанной статье на основании пункта 3 части 2 статьи 302 УПК РФ в связи с отсутствием в их деяниях состава данного преступления. Н. полагал, что он также подлежит оправданию по части 2 статьи 209 УК РФ, и просил направить уголовное дело на новое судебное разбирательство.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 11 октября 2022 г. удовлетворила кассационную жалобу осужденного, указав следующее.

Из материалов уголовного дела, в том числе из обвинительного заключения и приговора, следует, что Н. в первой половине ноября 2015 г. вступил в устойчивую вооруженную группу (банду), созданную Б., в состав которой вошел также И.; совместно с указанными лицами совершены разбойные нападения, приготовления к разбоям и преступление, связанное с незаконным оборотом оружия.

Вместе с тем, как усматривается из копии приговора Курганского областного суда от 1 февраля 2017 г., И. оправдан по предъявленному обвинению в совершении преступления, предусмотренного частью 2 статьи 209 УК РФ, на основании пункта 3 части 2 статьи 302 УПК РФ в связи с отсутствием в деянии состава преступления. Данный приговор вступил в законную силу 20 февраля 2017 г.

По приговору Курганского областного суда от 27 мая 2019 г. Б. оправдан по предъявленному обвинению в совершении преступления, предусмотренного частью 1 статьи 209 УК РФ на основании пункта 3 части 2 статьи 302 УПК РФ в связи с отсутствием в деянии состава преступления. Приговор вступил в законную силу 14 августа 2019 г.

При этом судами установлено, что участники преступной группы не располагали огнестрельным или иным оружием, следовательно, сама группа не являлась вооруженной, в связи с чем не отвечала признакам банды.

Кроме того, из составов преступлений, связанных с разбойными нападениями с применением пневматического пистолета, электрошокера и приготовлениями к разбойным нападениям, по приговорам, постановленным в отношении И. и Б., исключен квалифицирующий

признак совершения разбойных нападений и приготовлений к ним «с применением оружия и предметов, используемых в качестве оружия».

Таким образом, в трех судебных решениях, касающихся одних и тех же фактических обстоятельств, содержатся противоположные выводы относительно совершения Н. преступления, предусмотренного частью 2 статьи 209 УК РФ, в составе преступной группы совместно с И. и Б.

Вместе с тем одним из обязательных условий рассмотрения уголовного дела в особом порядке является обоснованность обвинения и его подтверждение совокупностью собранных по делу доказательств.

По смыслу пункта 22 статьи 5, пунктов 4, 5 части 2 статьи 171, части 1 статьи 220 УПК РФ применительно к особому порядку судебного разбирательства под обвинением, с которым соглашается обвиняемый и в обоснованности которого обязан удостовериться суд, следует понимать фактические обстоятельства содеянного обвиняемым, форму вины, мотивы совершения деяния, юридическую оценку содеянного, а также характер и размер вреда, причиненного деянием.

Наличие трех судебных решений, содержащих противоположные выводы относительно одних и тех же фактических обстоятельств содеянного участниками одной группы, ставит под сомнение законность и обоснованность приговора Курганского областного суда от 2 декабря 2016 г. в отношении Н.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации приговор Курганского областного суда от 2 декабря 2016 г. в отношении Н. в части его осуждения по части 2 статьи 209 УК РФ отменила и уголовное дело в этой части прекратила на основании пункта 2 части 1 статьи 24 УПК РФ за отсутствием в деянии состава преступления; исключила из осуждения Н. по трем преступлениям, предусмотренным пунктом «а» части 4 статьи 162 УК РФ, а также частью 1 статьи 30, пунктами «а», «б» части 4 статьи 162 УК РФ и частью 1 статьи 30, пунктом «а» части 4 статьи 162 УК РФ, квалифицирующий признак совершения преступления «с применением оружия и предметов, используемых в качестве оружия».

В судебные решения внесены и изменения в части назначенного наказания.

Определение № 82-УД22-15

43. Адвокат не вправе занимать по уголовному делу позицию, противоречащую интересам своего подзащитного, за исключением случаев, когда он убежден в наличии самооговора. Если подсудимый указывает на свою невиновность, а адвокат просит лишь переквалифицировать действия своего подзащитного и смягчить назначенное наказание, то это свидетельствует о нарушении права на защиту.

По приговору Лабинского городского суда Краснодарского края от 24 марта 2020 г. Ф. осужден по части 3 статьи 30, пункту «г» части 4 статьи 228^1 УК РФ к 11 годам лишения свободы.

В апелляционном порядке приговор обжалован не был.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 28 июня 2021 г. приговор оставлен без изменения.

Ф. признан виновным в покушении на незаконный сбыт наркотических средств в крупном размере.

В кассационной жалобе осужденный Ф. выражал несогласие с состоявшимися судебными решениями, считая их вынесенными с существенными нарушениями норм уголовно-процессуального закона. Ф. утверждал, что в судах первой и кассационной инстанций адвокаты не оказали ему надлежащей юридической помощи.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 26 мая 2022 г. частично удовлетворила кассационную жалобу осужденного, мотивировав свое решение следующим.

Согласно частям 1 и 7 статьи 49 УПК РФ защитником является лицо, осуществляющее в установленном Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу. В качестве защитников участвуют адвокаты (часть 2). При этом адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты подозреваемого, обвиняемого.

В соответствии с положениями подпунктов 3 и 4 пункта 4 статьи 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат не вправе занимать по делу позицию вопреки воле доверителя, за исключением случаев, когда адвокат убежден в наличии самооговора доверителя; делать публичные заявления о доказанности вины доверителя, если тот ее отрицает.

В кассационной жалобе осужденный просил об отмене приговора, указывая, что наркотическое средство он приобрел для личного потребления и умысла на его сбыт не имел (что соответствовало позиции Ф. в суде первой инстанции).

В судебном заседании суда кассационной инстанции Ф. поддержал доводы своей кассационной жалобы.

Между тем адвокат М., осуществлявший защиту Ф. по назначению, от услуг которого осужденный не отказывался, поддержав кассационную жалобу своего подзащитного, просил изменить приговор, переквалифицировать действия Ф. на часть 4 статьи 228^1 УК РФ и смягчить назначенное ему наказание.

Указанные обстоятельства свидетельствуют о том, что позиция адвоката прямо противоречила позиции и интересам защищаемого им лица,

чем было нарушено гарантированное Конституцией Российской Федерации и уголовно-процессуальным законом право Ф. на защиту.

Рассмотрение уголовного дела с нарушением права обвиняемого пользоваться помощью защитника является одним из существенных нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих отмену или изменение судебного решения в любом случае.

В связи с изложенным Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила кассационное определение, кассационную жалобу Ф. вместе с уголовным делом передала на новое судебное разбирательство[4].

Определение № 18-УД22-6-К4

44. Возвращение подсудимого в зал судебного заседания после его удаления в соответствии со статьей 258 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации не предполагает повторения тех судебных действий, которые были совершены в его отсутствие и участия в которых он себя лишил в результате ненадлежащего поведения, что не может расцениваться как нарушение его права на защиту.

По приговору Алтайского краевого суда от 16 декабря 2020 г. П., К., Ч., Э. осуждены за совершение ряда преступлений к лишению свободы.

В кассационной жалобе осужденный К., помимо прочего, указывал, что судами первой и апелляционной инстанций нарушено его право на защиту, поскольку после возвращения его в зал судебного заседания (после удаления) не повторены судебные действия, которые были совершены в его отсутствие; утверждал, что необоснованным является отказ суда в удовлетворении его ходатайства о повторном исследовании показаний свидетелей и потерпевших, допрошенных в его отсутствие.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 6 сентября 2022 г. оставила кассационную жалобу осужденного К. без удовлетворения, мотивировав свое решение следующим.

Принятые судом в порядке части 3 статьи 258 УПК РФ решения об удалении К. из зала судебного заседания 4 июня 2018 г., 15 января 2020 г. являются обоснованными и соответствующими требованиям уголовно-процессуального закона, поскольку он неоднократно нарушал порядок в судебном заседании и не подчинялся распоряжениям председательствующего, в связи с чем председательствующий делал ему замечания и предупреждал о недопустимости подобного поведения.

---

[4] Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 30 июня 2022 г. приговор в отношении Ф. изменен в части определения вида рецидива, смягчено назначенное наказание.

После первого удаления из зала судебного заседания К. был возвращен 28 ноября 2018 г. в зал суда, и рассмотрение дела продолжилось с его участием. Однако К. продолжил нарушать порядок в судебном заседании, пререкался с председательствующим, перебивал его, не подчинялся распоряжениям, выражался нецензурно, препятствовал проведению судебного заседания, в связи с чем ему неоднократно объявлялись замечания и он предупреждался о недопустимости подобного поведения в судебном заседании. При этом председательствующий разъяснил К. правовые последствия допущенных с его стороны нарушений, а затем обоснованно удалил его из зала судебного заседания до окончания прений сторон.

Удаление подсудимого из зала судебного заседания в соответствии со статьей 258 УПК РФ является мерой воздействия за нарушение порядка в судебном заседании и не лишает его права участвовать в судебном заседании и осуществлять свою защиту в установленных процессуальных формах, исключая при этом возможность злоупотребления предоставленными ему правами.

Возвращение подсудимого К. в зал судебного заседания по смыслу закона не предполагало повторения всех тех судебных действий, которые были совершены в его отсутствие и участия в которых он себя лишил в результате ненадлежащего поведения, что не может расцениваться как нарушение его права на судебную защиту, в связи с чем суд правомерно отказал в удовлетворении ходатайства К. о повторном исследовании показаний свидетелей и потерпевших, допрошенных в его отсутствие.

Определение № 51-УД22-10-А5

45. Возвращение уголовного дела прокурору для устранения препятствий к его судебному рассмотрению может иметь место лишь в случае, если допущенное органами предварительного расследования процессуальное нарушение является таким препятствием для рассмотрения дела, которое суд не может устранить самостоятельно и которое исключает возможность постановления законного и обоснованного приговора.

По приговору Савеловского районного суда г. Москвы от 6 октября 2020 г. (с учетом изменений, внесенных апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 2 августа 2021 г.) Д.В. осужден по пунктам «а», «з» части 2 статьи 111 УК РФ.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 30 июня 2022 г. состоявшиеся судебные решения в отношении Д.В. отменены. Уголовное дело возвращено прокурору Северного административного округа г. Москвы в порядке статьи 237 УПК РФ для устранения препятствий его рассмотрения судом.

В кассационном представлении заместителя Генерального прокурора Российской Федерации ставился вопрос об отмене кассационного определения судебной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 30 июня 2022 г., как незаконного и необоснованного, и о направлении уголовного дела на новое кассационное рассмотрение в тот же суд, поскольку предусмотренных статьей 237 УПК РФ оснований для возвращения уголовного дела прокурору у суда кассационной инстанции не имелось; обвинительное заключение соответствует требованиям уголовно-процессуального закона, в нем указаны существо предъявленного Д.В. обвинения, место, время и способ его совершения, цель, мотив и наступившие последствия, а также доказательства, подтверждающие обвинение, и доказательства, на которые ссылалась сторона защиты. Противоречий, которые не позволяли бы принять решение по данному уголовному делу, в обвинительном заключении не содержится, и, вопреки указанию суда кассационной инстанции, оно утверждено прокурором.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 8 сентября 2022 г. удовлетворила кассационное представление по следующим основаниям.

Как установлено судом, 24 февраля 2015 г. к уголовной ответственности по части 2 статьи 159 УК РФ была привлечена Д.М., уголовное дело в отношении ее находилось в производстве следователя по особо важным делам Ф.

В связи с названными обстоятельствами у ее сожителя – Д.В. возникла личная неприязнь к следователю по особо важным делам Ф. и преступный умысел, направленный на умышленное причинение ему тяжкого вреда здоровью.

27 декабря 2015 г. Д.В., имея при себе емкость с серной кислотой, прибыл к месту проживания Ф. и вылил последнему на голову, тело и верхние конечности серную кислоту, после чего скрылся с места происшествия.

Исходя из установленных фактических обстоятельств дела, суд первой инстанции признал Д.В. виновным в совершении преступления, предусмотренного пунктами «а», «з» части 2 статьи 111 УК РФ.

С выводами суда первой инстанции о виновности Д.В. в совершении указанного преступления согласился и суд апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции 30 июня 2022 г. отменила состоявшиеся судебные решения, указав на нарушения уголовно-процессуального закона при составлении обвинительного заключения, выразившиеся в том, что оно не утверждено прокурором, а предъявленное Д.В. обвинение содержит противоречие в связи с наличием двух взаимоисключающих мотивов преступления, а именно: причинение Ф. тяжкого вреда здоровью из личной неприязни, а также в связи с осуществлением потерпевшим служебной деятельности по привлечению Д.М. к уголовной ответственности и

расследованию в отношении ее уголовного дела. По мнению Второго кассационного суда общей юрисдикции, данная формулировка имеет существенное противоречие и создает неопределенность в доказывании действий Д.В.

Между тем суд кассационной инстанции не принял во внимание, что статья 237 УПК РФ закрепляет порядок и основания возвращения уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом, при этом положения данной статьи предусматривают исчерпывающий перечень таких случаев.

В пункте 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2009 г. № 28 «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству» разъяснено, что к нарушениям, позволяющим возвратить уголовное дело прокурору, относятся случаи, когда обвинение, изложенное в обвинительном заключении, не соответствует обвинению, изложенному в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого; обвинительное заключение не подписано следователем либо не согласовано с руководителем следственного органа или не утверждено прокурором; в обвинительном заключении отсутствуют указание на прошлые неснятые и непогашенные судимости обвиняемого, данные о месте нахождения обвиняемого, данные о потерпевшем, если он был установлен по делу.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в определении от 27 февраля 2018 г. № 274-О, возвращение уголовного дела прокурору для устранения препятствий к его судебному рассмотрению может иметь место лишь в случае, если допущенное органами предварительного расследования процессуальное нарушение является таким препятствием для рассмотрения дела, которое суд не может устранить самостоятельно и которое исключает возможность постановления законного и обоснованного приговора.

В силу положений пунктов 3, 4, 8 части 1 статьи 220 УПК РФ в обвинительном заключении излагается существо обвинения, место и время совершения преступления, его способы, мотивы, цели, последствия и другие обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела; доказательства, подтверждающие обвинение; данные о потерпевшем, характере и размере вреда, причиненного ему преступлением.

Как следует из материалов уголовного дела, в обвинительном заключении указаны существо предъявленного Д.В. обвинения, место и время совершения преступления, его способ, цель, мотив, последствия и другие обстоятельства, имеющие значение для данного уголовного дела, а также перечень доказательств, подтверждающих обвинение, и доказательства, на которые ссылается сторона защиты.

Суд кассационной инстанции, указав, что в обвинении содержатся два взаимоисключающих мотива совершения преступления: причинение Ф.

тяжкого вреда здоровью из личной неприязни, а также в связи с осуществлением потерпевшим служебной деятельности, что создает неопределенность в доказывании, данный вывод не мотивировал.

При этом суд кассационной инстанции не принял во внимание, что из предъявленного Д.В. обвинения следует, что умышленное причинение тяжкого вреда здоровью Ф. в связи с осуществлением им служебной деятельности является квалифицирующим признаком.

Из фактических обстоятельств дела, установленных органами расследования и судом, следует, что Д.В., реализуя свой умысел на причинение тяжкого вреда здоровью Ф., осознавая общественную опасность и характер совершаемых действий, поражающее воздействие серной кислоты, заведомо осознавая, что потерпевший будет лишен возможности продолжить службу в органах внутренних дел, то есть утратит профессиональную трудоспособность, умышленно вылил серную кислоту на голову, тело и верхние конечности Ф.

Мотив данного преступления указан в обвинении как причинение потерпевшему Ф. тяжкого вреда здоровью из личной неприязни в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности. Возникновение у Д.В. личной неприязни к следователю Ф. в связи с осуществлением потерпевшим служебной деятельности и привлечением Д.М. к уголовной ответственности не исключается и не порождает неопределенности в доказывании.

Указав, что в материалах дела отсутствует утвержденное прокурором обвинительное заключение, суд кассационной инстанции сослался на листы материалов дела, содержащие не обвинительное заключение, а его проект, на котором действительно отсутствует подпись прокурора.

После выполнения указаний надзирающего прокурора следователь вновь составил обвинительное заключение, которое было согласовано с руководителем СУ по САО ГСУ СК России по г. Москве и утверждено заместителем прокурора Северного административного округа г. Москвы 26 декабря 2019 г. Копия обвинительного заключения 27 декабря 2019 г. вручена Д.В., о чем в материалах дела имеется расписка.

При изложенных обстоятельствах Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации пришла к выводу, что допущенные судом кассационной инстанции при рассмотрении уголовного дела в отношении Д.В., при принятии решения об отмене приговора и апелляционного определения и о возвращении уголовного дела прокурору в порядке статьи 237 УПК РФ нарушения являются существенными, повлиявшими на исход дела, в связи с чем кассационное определение в соответствии с частью 1 статьи 401^{15} УПК РФ подлежит отмене, а уголовное

дело с кассационными жалобами осужденного и его адвоката – направлению на новое рассмотрение во Второй кассационный суд общей юрисдикции[5].

Определение № 5-УДП22-95-К2

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

46. Заключение уполномоченного органа об аннулировании разрешения на хранение и ношение оружия признано незаконным в связи с отсутствием признака повторности при привлечении административного истца к ответственности за совершение административного правонарушения, связанного с нарушением правил охоты, поскольку на день вынесения второго постановления о назначении ему административного наказания первое постановление не вступило в законную силу.

З. совершил административные правонарушения – нарушения правил охоты, ответственность за которые установлена статьей 8.37 КоАП РФ.

За первое нарушение З. привлечен к ответственности по части 1 статьи 8.37 КоАП РФ постановлением от 15 октября 2021 г., которое вступило в силу 29 октября 2021 г.

28 октября 2021 года в отношении З. вынесено постановление за совершение второго административного правонарушения, его действия квалифицированы по части 1^1 статьи 8.37 названного выше кодекса (повторное совершение в течение года административного правонарушения, связанного с нарушением правил охоты).

Заключением уполномоченного органа в отношении З. аннулированы разрешения на хранение и ношение охотничьего огнестрельного гладкоствольного оружия, охотничьего оружия с нарезным стволом (2 единицы).

З. обратился в суд с административным исковым заявлением о признании незаконным указанного решения и возложении обязанности устранить допущенные нарушения путем восстановления аннулированных разрешений.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, заявленные З. требования удовлетворены.

Суд, установив, что З. не совершал после вступления 29 октября 2021 г. в законную силу постановления о привлечении его к

---

[5] Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 25 октября 2022 г. приговор Савеловского районного суда г. Москвы от 6 октября 2020 г. и апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 2 августа 2021 г. в отношении Д.В. оставлены без изменения.

административной ответственности за нарушение правил охоты перечисленные в пункте 5 части 20 статьи 13 Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» (далее – Закон № 150-ФЗ) правонарушения, признал оспариваемое заключение неправомерным.

Определением кассационного суда общей юрисдикции судебные акты отменены, принято новое решение об отказе в удовлетворении требований З.

Суд кассационной инстанции исходил из того, что в отношении З., привлеченного к административной ответственности на основании постановления от 15 октября 2021 г., повторно вынесено постановление о привлечении к административной ответственности от 28 октября 2021 г., что, по мнению суда, явилось законным основанием для аннулирования разрешений на хранение и ношение оружия и патронов к нему.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации определение кассационного суда общей юрисдикции отменила, оставила в силе решение суда первой инстанции и определение суда апелляционной инстанции, указав следующее.

Отношения, возникающие при обороте гражданского, служебного, а также боевого ручного стрелкового и холодного оружия на территории Российской Федерации, урегулированы Законом № 150-ФЗ.

В соответствии с пунктом 3 части 1 статьи 26 Закона № 150-ФЗ лицензия на приобретение оружия и разрешение на хранение или хранение и ношение либо хранение и использование оружия, ношение и использование охотничьего оружия аннулируются органами, выдавшими эти лицензию и (или) разрешение, и изымаются в том числе в случае возникновения предусмотренных пунктом 5 части 20 статьи 13 данного закона обстоятельств, исключающих возможность получения лицензии и (или) разрешения.

В силу прямого указания, содержащегося в пункте 5 части 20 статьи 13 поименованного выше закона, лицензия на приобретение оружия не выдается гражданам Российской Федерации, повторно привлеченным в течение года к административной ответственности за совершение административного правонарушения, связанного с нарушением правил охоты, до окончания срока, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию.

При этом федеральный законодатель не раскрывает содержания данного понятия для целей Закона № 150-ФЗ (статья 1). Следовательно, применению подлежат специальные нормы, то есть положения КоАП РФ, регулирующего вопросы привлечения к административной ответственности.

Согласно части 2 статьи 1.5 КоАП РФ лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, считается невиновным, пока его вина не будет доказана в порядке, предусмотренном названным кодексом, и установлена вступившим в законную силу постановлением судьи, органа, должностного лица, рассмотревших дело.

По смыслу правовых предписаний, содержащихся в главе 2 «Административное правонарушение и административная ответственность», главе 3 «Административное наказание», главе 4 «Назначение административного наказания» КоАП РФ, лицо считается привлеченным к административной ответственности, если в отношении его имеется вступившее в законную силу постановление о назначении наказания за конкретное административное правонарушение.

Повторным совершением административного правонарушения признается совершение административного правонарушения в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию в соответствии со статьей 4.6 КоАП РФ (пункт 2 части 1 статьи 4.3).

Из анализа содержания статей 4.3 и 4.6 КоАП РФ в их взаимосвязи следует, что повторное привлечение в течение года к административной ответственности имеет место в случае совершения административного правонарушения в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию, то есть со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления (если административный штраф уплачен до дня вступления в законную силу соответствующего постановления – со дня уплаты административного штрафа).

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в пункте 16 постановления от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникших у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» обратил внимание, что действия лица квалифицируются как повторное совершение административного правонарушения, если за совершение первого административного правонарушения лицо уже подвергалось административному наказанию, по которому не истек предусмотренный статьей 4.6 КоАП РФ срок.

Аналогичная позиция по вопросу, когда лицо считается привлеченным повторно к административной ответственности, высказана Конституционным Судом Российской Федерации в постановлениях от 14 февраля 2013 г. № 4-П, от 10 февраля 2017 г. № 2-П.

Таким образом, лицензия на приобретение оружия на основании пункта 5 части 20 статьи 13 Закона № 150-ФЗ не выдается лицу, которое после вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания совершило одно из перечисленных в названном пункте административных правонарушений.

Исходя из фактических обстоятельств дела, подтвержденных допустимыми и относимыми доказательствами, не опровергнутыми административным ответчиком, на день вынесения оспариваемого заключения административный истец не мог быть отнесен к гражданам, указанным в пункте 5 части 20 статьи 13 Закона № 150-ФЗ, следовательно, вывод кассационного суда о повторности привлечения к административной

ответственности в течение года за совершение административного правонарушения, связанного с нарушением правил охоты, является ошибочным.

На основании изложенного Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации определение кассационного суда общей юрисдикции отменила, оставила в силе решение суда первой инстанции и определение суда апелляционной инстанции.

Определение № 66-КАД24-1-К8

47. Судом правомерно отказано в удовлетворении требований о признании незаконным бездействия администрации городского поселения и возложении обязанности в установленный срок создать места (площадки) накопления твердых коммунальных отходов на территории частного сектора, поскольку региональным оператором организован сбор отходов с территории поселения бестарным способом.

Прокуратурой проведена проверка исполнения администрацией городского поселения (далее – администрация) законодательства об обращении с отходами производства и потребления, по результатам которой вынесено представление об устранении выявленных нарушений в том числе ввиду непринятия достаточных мер к переходу на новую систему обращения с отходами и, как следствие, непринятия мер к организации надлежащего функционирования с 18 января 2021 г. мест (площадок) накопления твердых коммунальных отходов (далее – ТКО).

В связи с тем, что администрация не выполнила предписание, прокурор обратился в суд в интересах неопределенного круга лиц с административным исковым заявлением о признании незаконным бездействия администрации и возложении обязанности в срок до 1 июня 2022 г. создать места (площадки) накопления ТКО на территории частного сектора в конкретных местах, перечисленных в административном иске.

Решением суда первой инстанции прокурору отказано в удовлетворении требований, поскольку суд пришел к выводу, что администрацией приняты меры для создания контейнерных площадок в местах, где это было возможно, согласно требованиям федеральных нормативных актов, посчитав установление в частном секторе мешкового (бестарного) способа сбора отходов соответствующим действующему законодательству, эффективным, учитывая протяженность улиц и расположение домов.

Судом апелляционной инстанции судебный акт отменен, принято новое решение, которым признано незаконным бездействие администрации, возложена обязанность в срок до 1 октября 2022 г. создать места (площадки) накопления ТКО по конкретным адресам, предоставлена отсрочка исполнения судебного акта до 31 июля 2023 г.

Кассационным судом общей юрисдикции апелляционное определение оставлено без изменения.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации определения суда апелляционной и кассационной инстанций отменила и оставила в силе решение суда первой инстанции, указав следующее.

Участие в организации деятельности по накоплению (в том числе раздельному накоплению) и транспортированию ТКО относится к вопросам местного значения городского поселения (пункт 18 части 1 статьи 14 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»).

Правовые основы обращения с отходами производства и потребления в целях предотвращения вредного воздействия отходов производства и потребления на здоровье человека и окружающую среду, а также вовлечения таких отходов в хозяйственный оборот в качестве дополнительных источников сырья определяет Федеральный закон от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» (далее – Закон № 89-ФЗ, здесь и далее нормы приводятся в действовавшей на момент возникновения спорных отношений редакции).

Поименованный закон в пункте 1 статьи 8 закрепляет полномочия органов местного самоуправления городских поселений в области обращения с ТКО.

Во исполнение положений пункта 1 статьи 13^3 Закона № 89-ФЗ постановлением Правительства субъекта Российской Федерации утверждена территориальная схема обращения с отходами (действовала на момент возникновения спорных правоотношений).

В пункте 4.1 данной схемы указано, что в крае централизованная система сбора ТКО представлена несколькими способами, в том числе бестарным.

С учетом уровня оснащенности муниципальных образований края контейнерными площадками в большинстве населенных пунктов применяется бестарный способ – накопление ТКО в мешках. Вывоз отходов при таком способе накопления ТКО осуществляется специализированной техникой без использования контейнеров для отходов путем заезда мусоровывозящей техники к определенному объекту в установленные дни и часы. Для района, в состав которого входит названное поселение, предусмотрены как контейнерный, так и пакетированный способ сбора ТКО.

Федеральным законодательством и нормативными актами субъекта Российской Федерации допускается использование бестарного способа сбора отходов.

В силу положений пункта 6 статьи 13^4 Закона № 89-ФЗ накопление ТКО осуществляется в соответствии с установленными Правительством Российской Федерации правилами обращения с ТКО, а также на основании

порядка накопления указанных отходов, принятого органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 12 ноября 2016 г. № 1156 утверждены Правила обращения с твердыми коммунальными отходами, согласно подпункту «в» пункту 10 которых на основании договора на оказание услуг по обращению с ТКО в местах (площадках) накопления ТКО их складирование осуществляется потребителями, в том числе в пакеты или другие емкости, предоставленные региональным оператором.

Порядок накопления ТКО (в том числе их раздельного накопления) на территории края закреплен постановлением Правительства субъекта Российской Федерации, в соответствии с которым на территории края накопление ТКО осуществляется различными способами, например путем складирования в пакеты или другие емкости, предоставленные региональным оператором (бесконтейнерная система накопления).

Пункт 3 Правил обустройства мест (площадок) накопления твердых коммунальных отходов и ведения их реестра, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 31 августа 2018 г. № 1039, определяет, что места (площадки) накопления ТКО создаются органами местного самоуправления, за исключением установленных законодательством Российской Федерации случаев, когда такая обязанность лежит на других лицах. Органы местного самоуправления создают места (площадки) накопления ТКО путем принятия решения в соответствии с требованиями правил благоустройства такого муниципального образования, требованиями законодательства Российской Федерации в области санитарно-эпидемиологического благополучия населения и иного законодательства Российской Федерации, устанавливающего требования к местам (площадкам) накопления ТКО.

Согласно пункту 4.5 Правил благоустройства территории городского поселения, принятых решением Совета городского поселения, сбор и вывоз отходов и мусора осуществляется по контейнерной или бестарной системе.

Постановлением Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 28 января 2021 г. № 3 утверждены санитарные правила и нормы СанПиН 2.1.3684-21 «Санитарно-эпидемиологические требования к содержанию территорий городских и сельских поселений, к водным объектам, питьевой воде и питьевому водоснабжению, атмосферному воздуху, почвам, жилым помещениям, эксплуатации производственных, общественных помещений, организации и проведению санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий» (далее – Санитарные правила).

В соответствии с пунктом 15 Санитарных правил допускается сбор и удаление (вывоз) ТКО с территорий малоэтажной застройки городских поселений бестарным методом (без накопления ТКО на контейнерных площадках).

Таким образом, суд первой инстанции в подтверждение вывода о необоснованности требований прокурора правильно указал, что в городском поселении допускается сбор, накопление и вывоз отходов по бестарной системе.

Не усмотрев незаконного бездействия администрации, суд отметил, что на территории названного поселения находятся 22 контейнерные площадки, в том числе 2 – в частном секторе. Мешковый способ сбора ТКО выбран в связи с тем, что расстояние от начала до конца улицы в среднем составляет около 1 км. Региональным оператором организован сбор отходов с территории поселения бестарным способом, то есть путем объезда мусоровозом улиц с расположенными на них жилыми домами для сбора мешков или иной тары потребителей по установленному графику, жители осуществляют сбор отходов в мешки или пакеты, которые выставляют за ограды своих домов в определенные графиком вывоза дни и часы.

Согласно пункту 4 Санитарных правил расстояние от контейнерных и (или) специальных площадок до индивидуальных жилых домов должно быть не менее 20 м, но не более 100 м. Однако, как установил суд первой инстанции, планировка частного сектора поселения, в том числе длина и ширина улиц, не позволяет соблюдать названные требования при оборудовании контейнерных площадок.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации обжалуемые апелляционное и кассационное определения отменила и оставила в силе решение суда первой инстанции.

Определение № 72-КАД23-5-К8

48. Отказ административного органа в удовлетворении заявления осужденного к пожизненному лишению свободы о переводе его в другое исправительное учреждение признан правомерным в связи с тем, что перевод такого осужденного для дальнейшего отбывания наказания из одного исправительного учреждения в другое того же вида допускается лишь при наличии исключительных обстоятельств, препятствующих дальнейшему нахождению осужденного в данном исправительном учреждении.

Н., осужденный к пожизненному лишению свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии особого режима, после вступления приговора суда в законную силу был направлен для отбывания наказания в исправительную колонию, расположенную на территории Ямало-Ненецкого автономного округа.

До осуждения Н. был зарегистрирован в городе Комсомольске-на-Амуре Хабаровского края, в котором живут его близкие родственники.

В сентябре 2017 года и декабре 2020 года Н. обращался в Федеральную службу исполнения наказаний (далее − ФСИН России) с заявлениями о переводе из указанной колонии для дальнейшего отбывания наказания в исправительное учреждение, расположенное в Хабаровском крае, на территории которого проживают его близкие родственники.

Письмом ФСИН России в удовлетворении заявления Н. отказано ввиду отсутствия оснований, предусмотренных статьей 81 УИК РФ.

Н., считая незаконным направление его для отбывания наказания в указанное исправительное учреждение, а также бездействие по его переводу для отбывания наказания в исправительное учреждение по месту жительства родственников, обратился в суд с административным исковым заявлением о признании незаконными действий (бездействия) по переводу для отбывания наказания в исправительное учреждение по месту жительства родственников, о присуждении компенсации в размере 1 550 000 руб.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении требований Н. отказано. Суд исходил из того, что решение о направлении Н. для отбывания наказания в исправительную колонию, расположенную на территории Ямало-Ненецкого автономного округа, принято в соответствии со статьей 73 УИК РФ в редакции, действовавшей на момент вступления в законную силу приговора суда, правомерно, так как на территории Хабаровского края не имелось исправительных учреждений того же вида, а также из-за отсутствия исключительных обстоятельств, препятствующих дальнейшему нахождению осужденного в данной колонии.

Суд указал, что удаленность исправительного учреждения, где находится административный истец, от места проживания его близких родственников не свидетельствует о создании ему препятствий для поддержания связи с семьей. Установив, что в 2005 году данное исправительное учреждение находилось ближе всего к месту жительства Н. до его осуждения, в феврале 2021 года он был переведен для дальнейшего отбывания наказания в исправительную колонию, расположенную в Хабаровском крае, которая начала действовать на территории названного субъекта Российской Федерации в сентябре 2017 года, суд не усмотрел оснований для присуждения компенсации.

Определением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения судом кассационной инстанции, решение суда отменено, заявленные требования удовлетворены частично. Признано незаконным бездействие ФСИН России, связанное с решением вопроса о переводе Н. в исправительное учреждение Хабаровского края.

С Российской Федерации в лице ФСИН России за счет средств казны Российской Федерации в пользу административного истца присуждена денежная компенсация в размере 30 000 руб. В удовлетворении остальной части административного иска отказано.

Суды апелляционной и кассационной инстанций признали верным вывод суда о том, что на момент направления административного истца для

отбывания наказания по месту исполнения приговора, данное исправительное учреждение находилось ближе всего к месту жительства родственников осужденного.

Вместе с тем, сославшись на отсутствие в ответах ФСИН России ссылки на объективные причины, препятствующие переводу Н. к месту его жительства, на неисследованность административным ответчиком вопроса о наличии исправительной колонии особого режима для осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы, на территории Хабаровского края на момент рассмотрения обращений заявителя, суд апелляционной инстанции заявленные требования удовлетворил частично и признал оспариваемое бездействие незаконным, отменив решение суда.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации определения судов апелляционной и кассационной инстанций отменила и оставила в силе решение суда первой инстанции, указав следующее.

Наказание в виде пожизненного лишения свободы исполняется исправительной колонией особого режима для осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы, расположенной в местах, определяемых федеральным органом уголовно-исполнительной системы (часть 10 статьи 16, часть 4 статьи 73 УИК РФ).

На момент осуждения административного истца действовала Инструкция о порядке направления осужденных к лишению свободы для отбывания наказания, их перевода из одного исправительного учреждения в другое, а также направления осужденных на лечение и обследование в лечебно-профилактические и лечебные исправительные учреждения, утвержденная приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 1 декабря 2005 г. № 235 (утратила силу с 19 февраля 2018 г.).

Приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 26 января 2018 г. № 17 утвержден Порядок направления осужденных к лишению свободы для отбывания наказания в исправительные учреждения и их перевода из одного исправительного учреждения в другое (далее также – Порядок), пунктом 9 которого предусмотрено, что перевод осужденных к пожизненному лишению свободы для дальнейшего отбывания наказания из одного исправительного учреждения в другое того же вида осуществляется по решению ФСИН России.

Основанием для рассмотрения вопроса о переводе осужденных является в том числе заявление осужденных и (или) их родственников (пункт 11 Порядка).

Аналогичные положения содержались в пункте 13 названной выше Инструкции.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в абзаце третьем пункта 19 постановления от 25 декабря 2018 г. № 47 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении административных дел, связанных с нарушением условий содержания лиц, находящихся в местах

принудительного содержания» (далее – постановление Пленума Верховного Суда от 25 декабря 2018 г. № 47) обратил внимание, что при разрешении административного дела об оспаривании направления в исправительное учреждение осужденного из числа лиц, указанных в части 4 статьи 73 УИК РФ, суду также надлежит выяснять мотивы выбора административным ответчиком конкретного учреждения, в том числе с точки зрения его расположения.

Общие положения исполнения наказания в виде лишения свободы закреплены в главе 11 УИК РФ, в силу требований которой осужденные к лишению свободы, кроме указанных в части 4 статьи 73, в частности осужденные к пожизненному лишению свободы, отбывают наказание в исправительных учреждениях в пределах территории субъекта Российской Федерации, в котором они проживали или были осуждены (часть 1 статьи 73); осужденные к лишению свободы отбывают весь срок наказания в одном исправительном учреждении (часть 1 статьи 81).

Из общих правил федеральный законодатель сделал исключение, определив обстоятельства, при установлении которых возможно отбывание наказания в исправительных учреждениях, расположенных не по месту жительства до осуждения, или перевод в другое исправительное учреждение (части 1, 2^1 статьи 73, часть 2 статьи 81 УИК РФ).

Так, в отношении осужденных, названных в части 4 статьи 73 УИК РФ, введенной в действие Федеральным законом от 9 мая 2005 г. № 47-ФЗ, в том числе осужденных к пожизненному лишению свободы, установлено, что они направляются для отбывания наказания в соответствующие исправительные учреждения, расположенные в местах, определяемых федеральным органом уголовно-исполнительной системы.

Положения названной нормы, как и ряда других норм этого кодекса, направлены на индивидуализацию наказания и дифференциацию условий его отбывания с учетом характера преступления, его опасности для защищаемых Конституцией Российской Федерации и уголовным законом ценностей, интенсивности, причин и иных обстоятельств его совершения, а также данных о лице, его совершившем, и тем самым создают предпосылки для достижения целей наказания, которыми согласно части 2 статьи 43 УК РФ являются восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 29 января 2009 г. № 59-О-О и от 23 сентября 2010 г. № 1218-О-О).

В силу части 2 статьи 81 УИК РФ по решению федерального органа уголовно-исполнительной системы допускается перевод для дальнейшего отбывания наказания из одного исправительного учреждения в другое того же вида осужденных за преступления, указанные в части 4 статьи 73 УИК РФ, а также осужденных, в отношении которых имеется информация об их приверженности идеологии терроризма, исповедовании, пропаганде или распространении ими такой идеологии (при отсутствии достаточных данных

для решения вопроса о возбуждении уголовного дела) и оказании ими в связи с этим в период содержания под стражей, отбывания наказания соответствующего негативного воздействия на других обвиняемых (подозреваемых), осужденных.

В названной норме содержится перечень случаев, когда допускается перевод осужденного к лишению свободы для дальнейшего отбывания наказания из одного исправительного учреждения в другое того же вида: болезнь осужденного либо необходимость обеспечения его личной безопасности; реорганизация или ликвидация исправительного учреждения, а также иные исключительные обстоятельства, препятствующие дальнейшему нахождению осужденного в данном исправительном учреждении.

Материалы административного дела, включая содержание административного иска, не содержат данных о наличии в период с сентября 2017 года (первое обращение с заявлением о переводе в исправительное учреждение Хабаровского края) по декабрь 2020 года (повторное обращение о переводе) исключительных обстоятельств, препятствующих Н. отбывать наказание в виде пожизненного лишения свободы по месту исполнения приговора, которое в отношении указанной категории осужденных не обязательно должно находиться в пределах территории субъекта Российской Федерации, в котором они проживали или были осуждены.

С учетом изложенного суд первой инстанции правильно признал законным отказ административного ответчика удовлетворить заявление осужденного о переводе в другое исправительное учреждение.

Положениями частей 1 и 2 статьи 12^1 УИК РФ, части 5 статьи 227^1 КАС РФ установлено, что лицо, отбывающее наказание в исправительном учреждении, в случае нарушения условий его содержания, предусмотренных законодательством Российской Федерации, имеет право обратиться в суд с административным иском к Российской Федерации о присуждении за счет казны Российской Федерации компенсации за такое нарушение, которая присуждается с учетом фактических обстоятельств допущенных нарушений, их продолжительности и последствий и не зависит от наличия либо отсутствия вины органа государственной власти, учреждения, их должностных лиц, государственных служащих.

Под условиями содержания лишенных свободы лиц, как разъяснил Пленум Верховного Суда в абзаце девятом пункта 2 и абзаце первом пункта 14 постановления от 25 декабря 2018 г. № 47, следует понимать в том числе право на сохранение социально полезных связей; условия содержания лишенных свободы лиц должны соответствовать требованиям, установленным законом, с учетом режима места принудительного содержания, поэтому только существенные отклонения от таких требований могут рассматриваться в качестве нарушений указанных условий.

Поскольку условия содержания Н. в исправительном учреждении соответствовали требованиям закона, бездействия административный

ответчик не допустил, суд первой инстанции не усмотрел оснований для присуждения компенсации.

Следовательно, у суда апелляционной инстанции в отсутствие существенных отклонений от установленных законом требований, нарушений условий содержания Н. и негативных последствий в результате отказа в 2017 и 2020 годах в переводе в другое исправительное учреждение не было оснований для отмены судебного решения и присуждения денежной компенсации.

Таким образом, Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда определения судов апелляционной и кассационной инстанций отменила и оставила в силе решение суда первой инстанции.

Определение № 58-КАД24-2-К9

49. Определение кассационного суда общей юрисдикции, которым кассационная жалоба заявителя возвращена без рассмотрения по существу, отменено в связи с тем, что в поданной жалобе приведены иные доводы, не обсуждавшиеся судом первой инстанции, о незаконности решения суда об отказе в удовлетворении административного искового заявления других лиц об оспаривании отдельных положений нормативных правовых актов.

Общества с ограниченной ответственностью, являясь собственниками нежилых помещений, расположенных в нежилом здании, обратились в суд с административным исковым заявлением о признании недействующими отдельных положений постановлений правительства субъекта Российской Федерации об определении перечня объектов недвижимого имущества, в отношении которых налоговая база определяется как их кадастровая стоимость (далее – перечни).

Решением суда первой инстанции, вступившим в законную силу, в удовлетворении административного искового заявления отказано.

В кассационный суд общей юрисдикции на решение суда поступила кассационная жалоба А., не участвовавшего в деле. Заявитель указал, что обжалуемым судебным актом затронуты его права, так как незаконное включение в перечни здания, в котором расположено принадлежащее ему на праве собственности нежилое помещение (апартаменты), возлагает на него обязанность по уплате налога на имущество физических лиц в большем размере.

Определением кассационного суда общей юрисдикции кассационная жалоба А. возвращена без рассмотрения по существу.

Оставляя кассационную жалобу без рассмотрения по существу, суд кассационной инстанции исходил из того, что правом кассационного обжалования обладают лица, не привлеченные к участию в деле в судах первой и апелляционной инстанций, если судебным актом разрешен вопрос

об их правах и обязанностях. При этом разрешение судом вопроса о правах и об обязанностях лиц, не привлеченных к участию в деле, подразумевает, что в решении суда сделан вывод о том, что такие лица лишаются прав, ограничиваются в правах, наделяются правами и (или) на них возлагаются обязанности. Из судебного решения видно, что по результатам рассмотрения дела вопрос о правах и об обязанностях А. разрешен не был.

В кассационной жалобе, поданной в Судебную коллегию по административным делам Верховного Суда Российской Федерации, А. выражал несогласие с данным определением, просил его отменить.

Судья Верховного Суда Российской Федерации кассационное определение кассационного суда общей юрисдикции отменил, указав следующее.

В соответствии с частью 1 статьи 318 КАС РФ вступившие в законную силу судебные акты могут быть обжалованы в порядке, установленном главой 35 этого кодекса, в суд кассационной инстанции лицами, участвующими в деле, и другими лицами, если их права, свободы и законные интересы нарушены судебными актами.

В пункте 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2020 г. № 17 «О применении судами норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» разъяснено, что правом кассационного обжалования обладают лица, участвующие в деле, и другие лица, если их права, свободы и законные интересы нарушены судебными актами, в том числе лица, не привлеченные к участию в деле в судах первой и апелляционной инстанций, если судебным актом разрешен вопрос об их правах и обязанностях (часть 1 статьи 318, пункт 4 части 1 статьи 310 КАС РФ).

Судебные акты по административному делу могут быть обжалованы в кассационном порядке не только лицом, по жалобе (представлению) которого дело рассматривалось судом апелляционной инстанции, но и другими лицами, участвующими в деле, не подававшими апелляционную жалобу (представление), а также лицами, не привлеченными к участию в деле в судах первой и апелляционной инстанций, права, свободы и законные интересы которых нарушены вступившим в законную силу судебным актом, включая лиц, о правах и об обязанностях которых судом разрешен вопрос.

Лица, не привлеченные к участию в деле, права, свободы и законные интересы которых нарушены вступившим в законную силу судебным актом, вправе обратиться с кассационной жалобой в суд кассационной инстанции и в том случае, если судебный акт суда первой инстанции не обжаловался в апелляционном порядке и вступил в законную силу.

Из разъяснений, приведенных в абзаце седьмом пункта 19 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения

законодательства и обладающих нормативными свойствами», следует, что при обжаловании вступившего в законную силу решения суда, которым проверена законность того же нормативного правового акта или акта, обладающего нормативными свойствами, либо той же его части другими лицами, требования которых основаны на иных доводах, не обсуждавшихся судом первой инстанции, эти доводы могут быть ими приведены при обжаловании решения суда в суд кассационной или надзорной инстанции.

Кассационным судом общей юрисдикции указанное выше учтено не было, что послужило основанием для необоснованного возвращения кассационной жалобы А. без рассмотрения по существу.

Определение кассационного суда общей юрисдикции отменено, дело направлено в суд кассационной инстанции для рассмотрения по существу кассационной жалобы А. на решение суда первой инстанции.

Определение № 5-КАД23-82-К2

Практика применения положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

50. Датой совершения административного правонарушения, предусмотренного частью 4 статьи 5.27 КоАП РФ и выразившегося в ненадлежащем оформлении трудового договора, является дата заключения такого договора.

Постановлением должностного лица государственной инспекции труда, оставленным без изменения решением судьи районного суда, генеральный директор общества Я. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 4 статьи 5.27 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию.

Решением судьи городского суда, оставленным без изменения постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции, указанные постановление должностного лица и решение судьи районного суда изменены: исключено указание на то, что в заключенный с менеджером общества Д. трудовой договор от 10 декабря 2020 г. в нарушение требований частей 2 и 3 статьи 57 ТК РФ, части 1 статьи 14 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 426-ФЗ «О специальной оценке условий труда» не включено обязательное условие труда на рабочем месте. В остальной части данные постановление и решение оставлены без изменения.

В жалобе, поданной в Верховный Суд Российской Федерации, Я. выражал несогласие с вынесенными по делу актами, ставил вопрос об их отмене, считая привлечение к административной ответственности незаконным.

Судья Верховного Суда Российской Федерации, изучив доводы жалобы и материалы дела об административном правонарушении, пришел к следующим выводам.

В связи с обращением в государственную инспекцию труда работника Д. о нарушении ее трудовых прав должностными лицами названной инспекции 11 марта 2021 г. на основании соответствующего распоряжения проведена внеплановая проверка в отношении общества, по результатам которой установлено, что в нарушение требований частей 2, 3 статьи 57 ТК РФ и статьи 14 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 426-ФЗ «О специальной оценке условий труда» в трудовых договорах с работниками Д. (от 10 декабря 2020 г.) и Я. (от 17 января 2017 г.) не указаны условия труда на рабочем месте, что является ненадлежащим оформлением трудовых договоров с работниками.

Приведенные обстоятельства послужили основанием для составления в отношении генерального директора общества Я. протокола об административном правонарушении по части 4 статьи 5.27 КоАП РФ и его последующего привлечения к административной ответственности по этой норме.

Вместе с тем должностным лицом при рассмотрении дела об административном правонарушении, а также судьями при рассмотрении соответствующих жалоб в порядке главы 30 КоАП РФ оставлены без внимания следующие обстоятельства.

В силу положений пункта 6 части 1 статьи 24.5 данного кодекса истечение срока давности привлечения лица к административной ответственности является обстоятельством, исключающим производство по делу об административном правонарушении.

Исходя из положений статьи 4.5 и пункта 6 части 1 статьи 24.5 КоАП РФ по истечении установленных сроков давности вопрос об административной ответственности лица, в отношении которого возбуждено производство по делу, обсуждаться не может.

Согласно части 1 статьи 4.5 названного кодекса срок давности привлечения к административной ответственности за нарушение трудового законодательства составляет один год со дня совершения административного правонарушения.

В соответствии с позицией, сформулированной в пункте 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2021 г. № 45 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами общей юрисдикции дел об административных правонарушениях, связанных с нарушением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права», необходимо иметь в виду, что административные правонарушения, предусмотренные частью 4 статьи 5.27 КоАП РФ, не являются длящимися.

Датой совершения административного правонарушения, выразившегося в ненадлежащем оформлении трудового договора или

заключении гражданско-правового договора, фактически регулирующего трудовые отношения между работником и работодателем, является дата заключения соответствующего договора.

Между обществом и работником Я. 17 января 2017 г. заключен трудовой договор, в который не было включено такое обязательное положение, как условия труда на рабочем месте.

Однако постановление о привлечении генерального директора общества Я. к административной ответственности по части 4 статьи 5.27 КоАП РФ вынесено 17 марта 2021 г., то есть по истечении установленного срока давности привлечения к административной ответственности.

При изложенных обстоятельствах состоявшиеся по делу постановление должностного лица государственной инспекции труда, решение судьи районного суда, решение судьи городского суда и постановление судьи кассационного суда общей юрисдикции, вынесенные в отношении Я. по делу об административном правонарушении, предусмотренного частью 4 статьи 5.27 КоАП РФ, отменены, производство по делу прекращено на основании пункта 6 части 1 статьи 24.5 данного кодекса.

Постановление № 5-АД23-95-К2

51. При разрешении дела об административном правонарушении, предусмотренном статьей 16.3 КоАП РФ, надлежит устанавливать, что в отношении вывозимых с таможенной территории Евразийского экономического союза или из Российской Федерации товаров действуют ограничения, несоблюдение которых явилось основанием для привлечения декларанта к административной ответственности по указанной норме Кодекса.

Постановлением судьи районного суда, оставленным без изменения решением судьи городского суда и постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции, общество признано виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного статьей 16.3 КоАП РФ, и подвергнуто административному наказанию в виде административного штрафа.

В жалобе, поданной в Верховный Суд Российской Федерации, защитник выражал несогласие с судебными актами, вынесенными в отношении общества.

Судья Верховного Суда Российской Федерации, изучив материалы дела и доводы жалобы, пришел к следующим выводам.

В соответствии со статьей 16.3 КоАП РФ (цитируемые нормы приведены в редакции, действовавшей на момент возникновения обстоятельств, послуживших основанием для привлечения общества к административной ответственности) несоблюдение установленных международными договорами государств – членов Евразийского

экономического союза, решениями Евразийской экономической комиссии, нормативными правовыми актами Российской Федерации запретов и ограничений на ввоз товаров на таможенную территорию Евразийского экономического союза или в Российскую Федерацию и (или) вывоз товаров с таможенной территории Евразийского экономического союза или из Российской Федерации, за исключением случаев, предусмотренных частью 3 статьи 16.2 названного кодекса, влечет назначение административного наказания.

Основанием для привлечения общества к административной ответственности, предусмотренной статьей 16.3 КоАП РФ, послужили следующие выводы судебных инстанций.

Обществом (декларантом) на таможенный пост в электронной форме представлена декларация на товары «шины крупногабаритные резиновые пневматические, бывшие в употреблении, используемые на карьерных самосвалах, с грузоподъемностью до 160 тонн, являются годными для дальнейшей эксплуатации (ремонт, восстановление), невоенного назначения, не являются отходами», с целью помещения под таможенную процедуру «экспорт».

Согласно сведениям, указанным в графе 44 данной декларации, а также представленным документам лицензия на вывоз опасных отходов либо выданное уполномоченным органом заключение (разрешительный документ) у общества отсутствуют.

Таможенный орган при возбуждении дела об административном правонарушении и судьи при его рассмотрении исходили из того, что декларируемые товары с учетом положений пункта 5.6.5 «ТР ТС 018/2011. Технический регламент Таможенного союза. О безопасности колесных транспортных средств», утвержденного решением Комиссии Таможенного союза от 9 декабря 2011 г. № 877 «О принятии технического регламента Таможенного союза «О безопасности колесных транспортных средств» являются отходами.

Вместе с тем в ходе производства по делу не учтено следующее.

Пунктом 4 Приложения № 7 к Решению Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21 апреля 2015 г. № 30 «Положение о ввозе на таможенную территорию Евразийского экономического союза и вывозе с таможенной территории Евразийского экономического союза опасных отходов» установлено, что ввоз и (или) вывоз опасных отходов осуществляются при наличии лицензии, оформленной в соответствии с Инструкцией об оформлении заявления на выдачу лицензии на экспорт и (или) импорт отдельных видов товаров и об оформлении такой лицензии, утвержденной Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 6 ноября 2014 г. № 199, или заключения (разрешительного документа), составленного по форме, утвержденной Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 16 мая 2012 г. № 45, за исключением случаев, предусмотренных пунктом 3 этого положения. Лицензия или заключение

(разрешительный документ) представляется таможенным органам государств-членов при прибытии опасных отходов на таможенную территорию Союза.

В соответствии с указанным актом шины и покрышки пневматические, бывшие в употреблении, относятся к опасным грузам (пункт 27 раздела 2.3 приложения № 2).

В то же время статьей 2 Базельской конвенции о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением, заключенной в г. Базеле 22 марта 1989 г., определено, что отходы представляют собой вещества или предметы, которые удаляются, предназначены для удаления или подлежат удалению в соответствии с положениями национального законодательства.

Понятие отходов также содержится в статье 1 Федерального закона от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления», в соответствии с которой отходы производства и потребления – вещества или предметы, которые образованы в процессе производства, выполнения работ, оказания услуг или в процессе потребления, которые удаляются, предназначены для удаления или подлежат удалению в соответствии с этим законом.

Отходы от использования товаров – отходы, образовавшиеся после утраты товарами, упаковкой товаров полностью или частично своих потребительских свойств.

Системный анализ приведенных положений международного и национального законодательства позволяет сделать вывод о том, что отнесение товаров к отходам без исследования вопроса об утрате ими потребительских свойств недопустимо.

При возбуждении и рассмотрении дела законным представителем и защитником лица, привлекаемого к административной ответственности, последовательно заявлялось о том, что декларируемый товар не является отходами.

В подтверждение данного обстоятельства обществом в материалы дела был представлен акт экспертизы, согласно которому шины, в том числе изъятые по протоколу изъятия вещей и документов, не могут быть отнесены к отходам, они пригодны для дальнейшего использования по прямому назначению.

Определением таможенным органом назначена экспертиза, на разрешение эксперту поставлен вопрос о пригодности представленных на экспертизу шин для дальнейшего использования по прямому назначению.

По заключению эксперта определение пригодности представленных на экспертизу шин для дальнейшего использования по прямому назначению не входит в его компетенцию.

Таким образом, сведения, изложенные в акте экспертизы, не опровергнуты.

Ссылка судей в опровержение доводов общества на положения пункта 5.6.5 «ТР ТС 018/2011. Технический регламент Таможенного союза. О безопасности колесных транспортных средств», утвержденного решением Комиссии Таможенного союза от 9 декабря 2011 г. № 877 «О принятии технического регламента Таможенного союза «О безопасности колесных транспортных средств», согласно которым шина считается непригодной к эксплуатации при наличии местных повреждений шин (пробои, сквозные и несквозные порезы и прочие), которые обнажают корд, а также расслоений в каркасе, брекере, борте (вздутия), местном отслоении протектора, боковины и герметизирующего слоя однозначно не свидетельствует об отнесении заявленного обществом в декларации товара к отходам.

Так, обществом была представлена техническая документация процесса восстановления шин до состояния новых и гарантийное письмо, согласно которому шины будут восстановлены на заводе в Германии, которые не были оценены по правилам статьи 26.11 КоАП РФ.

Следовательно, при рассмотрении дела об административном правонарушении требования статей 24.1 и 26.1 КоАП РФ о выяснении всех обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела, соблюдены не были. Вопрос правомерности отнесения товара (шин) к отходам при разрешении дела должным образом не исследован.

В соответствии с пунктом 8 части 2 статьи 30.6 КоАП РФ при рассмотрении жалобы на постановление по делу об административном правонарушении проверяются на основании имеющихся в деле и дополнительно представленных материалов законность и обоснованность вынесенного постановления, в частности заслушиваются объяснения физического лица или законного представителя юридического лица, в отношении которых вынесено постановление по делу об административном правонарушении; при необходимости заслушиваются показания других лиц, участвующих в рассмотрении жалобы, пояснения специалиста и заключение эксперта, исследуются иные доказательства, осуществляются другие процессуальные действия в соответствии с названным кодексом.

В связи с тем, что выяснение указанного выше обстоятельства имеет существенное значение для рассмотрения дела, решение судьи городского суда и постановление судьи кассационного суда общей юрисдикции отменены, дело направлено на новое рассмотрение для надлежащего изучения доводов жалобы.

Постановление № 78-АД24-1-К3

52. При решении вопроса о возможности назначения административного наказания в виде лишения права управления транспортными средствами необходимо в том числе учитывать наличие правовых оснований для продления срока действия водительского удостоверения, выданного лицу, в отношении которого ведется производство по делу.

Постановлением мирового судьи М. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 12.8 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию в виде административного штрафа с лишением права управления транспортными средствами.

Постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции постановление мирового судьи отменено, производство по делу об административном правонарушении прекращено на основании пункта 2 части 1 статьи 24.5 КоАП РФ в связи с отсутствием состава административного правонарушения.

В жалобе, поданной в Верховный Суд Российской Федерации, должностное лицо, направившее дело на рассмотрение судье, просило отменить постановление судьи кассационного суда общей юрисдикции, оставив без изменения постановление мирового судьи.

Судья Верховного Суда Российской Федерации, изучив материалы дела об административном правонарушении, доводы жалобы заявителя и возражения на нее, пришел к следующим выводам.

В соответствии с частью 1 статьи 12.8 КоАП РФ (цитируемые нормы приведены в редакции, действовавшей на момент возникновения обстоятельств, послуживших основанием для привлечения М. к административной ответственности) управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения, если такие действия не содержат уголовно наказуемого деяния, влечет назначение административного наказания.

Основанием для привлечения М. к административной ответственности, предусмотренной указанной нормой, послужили выводы о том, что он 26 марта 2023 г. в нарушение пункта 2.7 Правил дорожного движения Российской Федерации управлял транспортным средством, находясь в состоянии опьянения.

Отменяя постановление мирового судьи и прекращая производство по делу об административном правонарушении, судья кассационного суда общей юрисдикции исходил из того, что срок действия водительского удостоверения М. истек 26 декабря 2022 г. Следовательно, он является лицом, не имеющим права управления транспортными средствами. По мнению судьи кассационного суда общей юрисдикции, действия М. подлежали квалификации по части 3 статьи 12.8 КоАП РФ, однако переквалификация невозможна с учетом санкции этой нормы, предусматривающей более строгое наказание.

Вместе с тем судьей Верховного Суда Российской Федерации установлено, что водительское удостоверение категории «В» выдано М. 26 декабря 2012 г.

В силу пункта 6 статьи 25 Федерального закона от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» российское национальное

водительское удостоверение выдается на срок десять лет, если иное не предусмотрено федеральными законами.

В соответствии с частью 1 статьи 28 названного федерального закона лицом, не имеющим права управления транспортными средствами, является в том числе лицо, срок действия водительского удостоверения которого истек.

В то же время постановлением Правительства Российской Федерации от 9 апреля 2022 г. № 626 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 12 марта 2022 г. № 353» сроки действия российских национальных водительских удостоверений, истекающих в период с 1 января 2022 г. по 31 декабря 2023 г., продлены на три года без внесения дополнительных изменений в указанные документы.

Таким образом, содержащийся в постановлении судьи кассационного суда общей юрисдикции вывод о том, что М. на дату совершения административного правонарушения (26 марта 2023 г.) не являлся лицом, имеющим право управления транспортными средствами, и его действия следует переквалифицировать с части 1 статьи 12.8 КоАП РФ на часть 3 данной статьи, является ошибочным.

Оснований для прекращения производства по делу по мотивам, указанным судьей кассационного суда общей юрисдикции, не имелось.

В связи с этим требования статей 24.1, 26.1 КоАП РФ о всестороннем, полном, объективном и своевременном выяснении всех обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела, разрешении его в соответствии с законом судьей кассационного суда общей юрисдикции не соблюдены.

При таких обстоятельствах постановление судьи кассационного суда общей юрисдикции отменено. С учетом того, что на момент рассмотрения в Верховном Суде Российской Федерации жалобы заявителя срок давности привлечения М. к административной ответственности, установленный частью 1 статьи 4.5 КоАП РФ, не истек, дело возвращено судье кассационного суда общей юрисдикции на новое рассмотрение.

Постановление № 35-АД23-18-К2

53. При рассмотрении жалобы на постановление по делу об административном правонарушении возвращение дела на новое рассмотрение возможно лишь тому судье, который является уполномоченным на рассмотрение конкретного дела об административном правонарушении. Произвольное изменение предусмотренных частью 1 статьи 29.5 КоАП РФ правил территориальной подведомственности не допускается.

Постановлением мирового судьи судебного участка № 2 Г. признан виновным в совершении административного правонарушения,

предусмотренного частью 1 статьи 12.26 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию.

Решением судьи районного суда постановление мирового судьи судебного участка № 2 отменено, дело направлено на новое рассмотрение в ином составе.

Постановлением мирового судьи судебного участка № 3, оставленным без изменения решением судьи районного суда и постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции Г. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 12.26 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию.

В жалобе, поданной в Верховный Суд Российской Федерации, Г. ставил вопрос об отмене вынесенных в отношении его судебных актов, ссылаясь на их незаконность.

Судья Верховного Суда Российской Федерации, изучив материалы дела об административном правонарушении и доводы жалобы, пришел к следующим выводам.

В соответствии с частью 1 статьи 1.6 КоАП РФ лицо, привлекаемое к административной ответственности, не может быть подвергнуто административному наказанию и мерам обеспечения производства по делу об административном правонарушении иначе как на основаниях и в порядке, установленных законом.

Положения названной статьи в обеспечение законности при применении мер административного принуждения предполагают не только наличие законных оснований для применения административного взыскания, но и соблюдение установленного законом порядка привлечения лица к административной ответственности.

В силу части 1 статьи 29.5 КоАП РФ дело об административном правонарушении рассматривается по месту его совершения.

В соответствии с частью 1 статьи 4 Федерального закона от 17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ деятельность мировых судей осуществляется в пределах судебного района на судебных участках.

Председатель районного суда в целях обеспечения равномерности нагрузки на мировых судей в случае, если нагрузка на мирового судью превышает среднюю нагрузку на мирового судью по судебному району, вправе мотивированным распоряжением передать часть уголовных, гражданских дел, дел об административных правонарушениях, исковых заявлений и заявлений о вынесении судебного приказа по требованиям о взыскании обязательных платежей и санкций, поступивших к мировому судье одного судебного участка, мировому судье другого судебного участка того же судебного района (часть 6 статьи 4 Федерального закона от 17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ).

Отменяя постановление мирового судьи судебного участка № 2, судья районного суда направил дело об административном правонарушении в отношении Г. на новое рассмотрение в ином составе.

Сопроводительным письмом председателя районного суда дело направлено на рассмотрение мировому судье судебного участка № 3.

При этом адрес места совершения административного правонарушения на основании закона субъекта Российской Федерации о создании должностей мировых судей и судебных участков относится к подсудности мирового судьи судебного участка № 2.

Решение судьи районного суда об отмене постановления мирового судьи судебного участка № 2 и направлении дела на новое рассмотрение не является правовым основанием для изменения установленных законом правил территориальной подсудности, поскольку не может подменять требования, установленные Федеральным законом от 17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации».

Таким образом, дело об административном правонарушении в отношении Г. рассмотрено с нарушением требований территориальной подсудности.

При изложенных обстоятельствах постановление мирового судьи судебного участка № 3, решение судьи районного суда и постановление судьи кассационного суда общей юрисдикции, вынесенные в отношении Г. по делу об административном правонарушении, предусмотренном частью 1 статьи 12.26 КоАП РФ, отменены; производство по делу в силу положений пункта 6 части 1 статьи 24.5 данного кодекса прекращено в связи с истечением сроков давности привлечения к административной ответственности.

Постановление № 41-АД24-3-К4

54. В постановлении судьи кассационного суда общей юрисдикции должны указываться все обжалуемые вступившие в законную силу акты, законность и обоснованность которых подлежит проверке, кратко изложено их содержание, а также дана правовая оценка доводов лица, подавшего жалобу, и возражений на нее.

Постановлением мирового судьи должностное лицо признано виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного статьей 15.5 КоАП РФ, и подвергнуто административному наказанию.

Определением судьи городского суда отказано в удовлетворении ходатайства защитника должностного лица о восстановлении срока обжалования постановления о назначении административного наказания.

Постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции оставлены без изменения постановление мирового судьи и решение судьи городского суда (в рамках дела об административном правонарушении такого судебного акта не выносилось).

Судья Верховного Суда Российской Федерации, изучив с учетом положений части 2 статьи 30.16 КоАП РФ материалы дела, доводы жалобы

защитника должностного лица, пришел к следующим выводам.

Подача жалоб, принесение протестов на вступившие в законную силу постановления (решения) по делам об административных правонарушениях и их пересмотр осуществляются в соответствии с положениями статей 30.12–30.19 КоАП РФ.

Согласно частям 1, 2 статьи 30.16 названного кодекса по жалобе, протесту, принятым к рассмотрению, постановление по делу об административном правонарушении, решения по результатам рассмотрения жалоб, протестов проверяются исходя из доводов, изложенных в жалобе, протесте, и возражений, содержащихся в отзыве на жалобу, протест. Судья, принявший к рассмотрению жалобу, протест, в интересах законности имеет право проверить дело об административном правонарушении в полном объеме.

Требования, предъявляемые к содержанию постановления, принимаемого по результатам рассмотрения жалобы, протеста на вступившие в законную силу постановление по делу об административном правонарушении, решения по результатам рассмотрения жалоб, протестов, установлены статьей 30.18 КоАП РФ.

В силу части 1 данной статьи в таком постановлении в числе прочего должны содержаться: указание на обжалуемые, опротестуемые постановление по делу об административном правонарушении, решение по результатам рассмотрения жалоб, протестов (пункт 5); краткое содержание обжалуемых, опротестуемых постановления по делу об административном правонарушении, решения по результатам рассмотрения жалоб, протестов (пункт 6); доводы и требования, содержащиеся в жалобе, протесте (пункт 7); мотивы и основания для оставления без изменения, изменения или отмены вступивших в законную силу постановления по делу об административном правонарушении, решения по результатам рассмотрения жалоб, протестов со ссылкой на статьи названного кодекса и (или) закона субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях (пункт 9); решение по результатам рассмотрения жалобы, протеста (пункт 10).

В соответствии с требованиями статей 24.1, 26.1, 26.11, 30.16 КоАП РФ судья при разрешении жалобы, протеста, поданных на вступившие в законную силу акты по делу об административном правонарушении, должен проверить все обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела, доводы, заявленные в жалобе, протесте, и возражения, содержащиеся в отзыве на жалобу, протест, дать им надлежащую правовую оценку.

Как следует из поданных защитником жалоб, принятых кассационным судом общей юрисдикции к производству, наряду с постановлением мирового судьи обжаловалось определение судьи городского суда об отказе в восстановлении срока обжалования, ставился вопрос о его отмене.

Однако вопреки положениям статей 24.1, 26.1, 26.11, 30.16, 30.18 КоАП РФ в этой части жалоба защитника не рассмотрена, законность и

обоснованность указанного определения не проверены, в постановлении судьи кассационного суда общей юрисдикции отсутствуют указание на этот судебный акт и его краткое содержание. Доводы защитника и обстоятельства, на которые он ссылался, оставлены судьей кассационного суда без внимания.

При этом в постановлении указано на рассмотрение жалобы на решение судьи городского суда и оставление его без изменения, тогда как такой судебный акт по делу об административном правонарушении не принимался, в материалах дела отсутствует.

При изложенных обстоятельствах судья Верховного Суда Российской Федерации пришел к выводу о том, что судьей кассационного суда общей юрисдикции допущены существенные нарушения процессуальных требований КоАП РФ, в связи с чем принятое им постановление было отменено, дело возвращено на новое рассмотрение в тот же суд.

Постановление № 75-АД24-2-К3

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

55. Военнослужащему, обучающемуся в военной образовательной организации высшего образования, не прошедшему государственную аттестацию по уважительной причине, командование обязано предоставить право пройти такую аттестацию в иные сроки.

Решением Краснодарского гарнизонного военного суда от 22 ноября 2022 г., оставленным без изменения апелляционным определением Южного окружного военного суда от 3 марта 2023 г., З. отказано в удовлетворении административного искового заявления, в котором он просил признать незаконным в том числе приказ главнокомандующего Воздушно-космическими силами Российской Федерации (далее – Главком ВКС России) от 16 сентября 2022 г. об отчислении его из федерального государственного казенного военного образовательного учреждения высшего образования «Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков имени Героя Советского Союза А.К. Серова» Министерства обороны Российской Федерации (далее – военное авиационное училище) по неуспеваемости и увольнении с военной службы в запас в связи с отчислением из военной образовательной организации высшего образования по подпункту «ж» пункта 1 статьи 51 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (далее – Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе»).

Кассационным определением кассационного военного суда от 13 июня 2023 г. судебные акты судов первой и апелляционной инстанций оставлены без изменения.

Определением Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации судебные акты отменены, дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

По делу установлено, что З. в период обучения в военном авиационном училище 22 февраля 2022 г. приступил в рамках образовательного процесса к производственной практике, проведение которой планировалось по 9 июля 2022 г., после которой следовали преддипломная практика с 29 августа по 24 сентября 2022 г. и государственная итоговая аттестация с 26 сентября по 29 октября 2022 г.

После прохождения наземной подготовки и сдачи зачета на допуск к полетам З. 24 марта 2022 г. приступил к полетам, однако после выполнения четырех полетов обратился в медицинский пункт с жалобой на периодические боли в правом подреберье, затем он был направлен 19 мая 2022 г. на обследование в военную поликлинику г. Ростова-на-Дону, а затем – в федеральное государственное казенное учреждение «419 военный госпиталь» Министерства обороны Российской Федерации (далее – ФГКУ «419 военный госпиталь» МО РФ), где находился на лечении по 24 июня 2022 г. в связи с проведенной операцией по удалению желчного пузыря.

Заключением военно-врачебной комиссии ФГКУ «419 военный госпиталь» МО РФ от 24 июня 2022 г. административный истец признан временно не годным к военной службе, ему необходимо было предоставить освобождение от исполнения обязанностей военной службы на 15 суток и рекомендовано освобождение от физической и строевой подготовки на 30 суток после окончания освобождения.

В соответствии с приказом начальника военного авиационного училища от 22 июля 2022 г. З. полагался убывшим с 24 июля 2022 г. в ФГБУ «ГВКГ им. Бурденко» МО РФ на лечение и медицинское освидетельствование, которое ему проведено не было.

Решением заседания ученого совета военного авиационного училища от 8 сентября 2022 г. признано целесообразным по инициативе образовательной организации отчисление административного истца по неуспеваемости. В обоснование в решении указано, что З. не имеет возможности ликвидировать академическую задолженность в связи с длительным нахождением в лечебных учреждениях, 2 сентября 2022 г. с ним проведена беседа, с отчислением военнослужащий согласился.

Приказом Главкома ВКС России от 16 сентября 2022 г. № 172 З. отчислен из военного авиационного училища по неуспеваемости и уволен с военной службы в запас в связи с отчислением из военной образовательной организации высшего образования, после чего приказом начальника военного авиационного училища от 27 сентября 2022 г. он исключен из списков личного состава училища с 28 сентября 2022 г.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении заявленных требований, суд первой инстанции исходил из того, что З. не ликвидировал

академическую задолженность и не прошел государственную академическую аттестацию, а от медицинского освидетельствования в ФГБУ «ГВКГ им. Бурденко» МО РФ он отказался, поэтому оснований для его увольнения по состоянию здоровья также не имелось. Оснований для повторного проведения 3. медицинского освидетельствования по истечении 4 месяцев после операции для определения годности к полетам и летному обучению не имелось ввиду наличия действующего заключения военно-врачебной комиссии о годности административного истца к военной службе.

С выводами гарнизонного военного суда огласились суды апелляционной и кассационной инстанций.

При этом судами оставлены без внимания иные имеющие существенное значение обстоятельства.

Согласно подпункту «ж» пункта 1 статьи 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» военнослужащий подлежит увольнению с военной службы в связи с отчислением из военной профессиональной образовательной организации или военной образовательной организации высшего образования.

В соответствии с частью 1 и пунктом 2 части 2 статьи 61 Федерального закона «Об образовании» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ образовательные отношения прекращаются в связи с отчислением обучающегося из организации, осуществляющей образовательную деятельность, досрочно по инициативе организации в случае невыполнения обучающимся по профессиональной образовательной программе обязанностей по добросовестному освоению такой образовательной программы и выполнению учебного плана.

Аналогичные положения, согласно которым представляются к отчислению по неуспеваемости обучающиеся, не ликвидировавшие академическую задолженность в установленные сроки, а также не прошедшие государственную итоговую аттестацию, содержатся в пункте 4 Порядка отчисления из федеральных государственных организаций, осуществляющих образовательную деятельность и находящихся в ведении Министерства обороны Российской Федерации, порядка восстановления в таких организациях, порядка перевода обучающихся из одной федеральной государственной организации, осуществляющей образовательную деятельность и находящейся в ведении Министерства обороны Российской Федерации, в другую такую организацию, утвержденного приказом Министра обороны Российской Федерации от 30 мая 2022 г. № 308 (далее – приложение № 2 к приказу Министра обороны Российской Федерации от 30 мая 2022 г. № 308), и в пункте 2.3 Положения об отчислении, восстановлении и переводе курсантов в Краснодарском высшем военном авиационном училище летчиков, обсужденного 25 апреля 2019 г. на заседании ученого совета училища и утвержденного начальником училища 28 апреля 2019 г.

В соответствии с п. 6 приложения № 2 к приказу Министра обороны Российской Федерации от 30 мая 2022 г. № 308 представляемые к отчислению обучающиеся заслушиваются на заседании ученого совета (совета) образовательной организации (филиала, института, факультета), которым выносится решение о целесообразности отчисления обучающегося, оформляемое протоколом.

Содержание названных норм права указывает на то, что основанием к отчислению обучающихся по неуспеваемости является невыполнение ими обязанностей по добросовестному освоению такой образовательной программы и выполнению учебного плана.

При таких данных по делу подлежали выяснению имеющие существенное значение обстоятельства, связанные с причинами возникновения у З. академической задолженности, невозможности ее ликвидации в установленные сроки, а также прохождения государственной итоговой аттестации. Однако этого сделано не было.

В судебном заседании З. пояснил, что после выписки из ФГКУ «419 военный госпиталь» МО РФ он прибыл в военное авиационное училище для продолжения обучения, однако 24 июля 2022 г. был направлен в ФГБУ «ГВКГ им. Бурденко» МО РФ на медицинское освидетельствование. По прибытии в госпиталь ему было разъяснено, что до истечения 4 месяцев после окончания лечения он автоматически считается негодным к военной службе, в связи с чем необходимость в медицинском освидетельствовании на предмет его годности к полетам отсутствует. После этого, отказавшись от лечения и медицинского освидетельствования, так как желал продолжить обучение, он убыл в военное авиационное училище, а впоследствии узнал, что отчислен из училища по неуспеваемости без проведения медицинского освидетельствования.

В соответствии с абзацем двадцатым пояснений к статье 57 расписания увечий, заболеваний, приложения № 1(1) к Положению о военно-врачебной экспертизе, утвержденному постановлением Правительства Российской Федерации от 4 июля 2013 г. № 565, в редакции, действовавшей в период спорных правоотношений, освидетельствование с целью определения годности к полетам, управлению полетами, управлению беспилотным воздушным судном, парашютным прыжкам, летному обучению после хирургического лечения желчнокаменной болезни возможно не ранее чем через 4 месяца после окончания лечения.

Как следует из протокола судебного заседания, допрошенный в качестве свидетеля начальник отдела кадров военного авиационного училища Р. показал, что 24 октября 2022 г. в адрес командования поступил выписной эпикриз и справка на ориентировочное очередное прохождение З. врачебно-летной комиссии. При этом свидетели – заместитель начальника факультета Г. и исполняющий обязанности начальника медицинской службы училища М. пояснили, что ждать 4 месяца перед направлением на врачебно-летную комиссию командование не могло, поскольку З., который был обязан

пройти государственную итоговую аттестацию, не укладывался в сроки ее проведения, определенные приказом Министра обороны Российской Федерации, и требования по обучению не выполнил.

При таких данных в суде установлено, что врачебно-летная комиссия не была пройдена З. по независящим от него обстоятельствам.

Существенным для дела является и то обстоятельство, что члены ученого совета военного авиационного училища – и это следует из протокола заседания ученого совета от 8 сентября 2022 г. – были осведомлены о том, что невозможность ликвидации З. в установленные сроки академической задолженности стала следствием его длительного нахождения в лечебных учреждениях. Несмотря на это, ученым советом признано целесообразным отчисление административного истца по неуспеваемости. При этом сам З. на заседании совета не присутствовал.

Вместе с тем в силу требований пункта 50 Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам среднего профессионального образования, программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры, реализуемым в интересах обороны государства в федеральных государственных организациях, осуществляющих образовательную деятельность и находящихся в ведении Министерства обороны Российской Федерации, утвержденного приказом Министра обороны Российской Федерации от 30 мая 2022 г. № 308 (далее – Порядок), в целях создания условий для обучающихся, не проходивших промежуточную аттестацию по уважительным причинам или имеющих академическую задолженность, образовательной организацией организуется проведение промежуточной аттестации, в том числе во второй раз.

Обучающиеся, не допущенные к государственной итоговой аттестации в связи с непрохождением промежуточной аттестации по уважительной причине (болезнь, отпуск по личным обстоятельствам, командировка), допускаются к государственной итоговой аттестации после прохождения промежуточной аттестации в срок, не превышающий шести месяцев после окончания срока освоения соответствующей основной профессиональной образовательной программы (пункт 57 Порядка).

Для обучающихся, не прошедших государственную итоговую аттестацию по уважительной причине (болезнь, отпуск по личным обстоятельствам, командировка), образовательной организацией организуются дополнительные заседания государственной экзаменационной комиссии, при этом срок проведения государственной итоговой аттестации для таких обучающихся не превышает шести месяцев после окончания срока освоения соответствующей основной профессиональной образовательной программы (пункт 59 Порядка).

Названные нормативные правовые положения подлежали применению в данном деле, поскольку они предписывают создать условия для обучающегося, не прошедшего промежуточную аттестацию и имеющего

академическую задолженность по уважительной причине (болезни), пройти промежуточную и государственную итоговую аттестации в иные сроки.

Однако причины непредоставления такой возможности З. судом выяснены не были.

Учету подлежало и то обстоятельство, что основанием отчисления административного истца из образовательного учреждения явилась его неуспеваемость, то есть фактически виновное поведение, что в силу пункта 7 статьи 35 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» обязывает его возместить средства федерального бюджета, затраченные на его военную или специальную подготовку.

Между тем, как усматривается из летной и служебной характеристик З. от 12 и 22 июля 2022 г. соответственно, он зарекомендовал себя дисциплинированным военнослужащим, приказы командиров и начальников выполняет в полном объеме, к исполнению своих служебных обязанностей относится добросовестно, обучается на «хорошо» и «отлично», со стороны преподавательского состава замечаний и нареканий не имеет, в общении со старшими по воинскому званию тактичен, корректен, на критику со стороны командования факультета и курса по отношению к себе реагирует правильно и делает соответствующие выводы. В процессе обучения стремится к приобретению необходимых командно-методических навыков и организаторских способностей. Мотивация на военную службу высокая. Документы, регламентирующие летную работу, знает удовлетворительно и руководствуется их требованиями при подготовке к полетам. К полетам готовится добросовестно. Меры безопасности знает и соблюдает их при выполнении полетов. Авиационную технику эксплуатирует грамотно, авиационных инцидентов по личной вине не имеет.

При таких данных приведенные в кассационной жалобе доводы, указывающие наряду с изложенным выше на наличие оснований для прохождения административным истцом промежуточной и государственной итоговой аттестации в иные сроки и нарушение порядка отчисления его из военного авиационного училища, имели существенное значение для дела и подлежали проверке в судебном заседании суда первой инстанции с последующей оценкой наряду с иными доказательствами.

Определение № 224-КАД24-4-К10

РАЗЪЯСНЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Вопросы применения законодательства Российской Федерации о налогах и сборах, возникшие в связи со вступлением в силу Федерального закона от 8 августа 2024 г. № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах» и касающиеся уплаты государственной пошлины при рассмотрении дел в судах

ВОПРОС 1. Какие обстоятельства следует учитывать суду при разрешении ходатайств о предоставлении отсрочки или рассрочки уплаты государственной пошлины, об освобождении от ее уплаты или уменьшении ее размера?

ОТВЕТ. Согласно положениям статьи 90 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ), статьи 102 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ), статьи 104 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) основания и порядок освобождения от уплаты государственной пошлины, уменьшения ее размера, предоставления отсрочки или рассрочки ее уплаты устанавливаются законодательством Российской Федерации о налогах и сборах.

Абзацем вторым пункта 2 статьи 61 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ) предусмотрено, что предоставление отсрочки или рассрочки по уплате государственной пошлины осуществляется с учетом особенностей, предусмотренных главой 25^3 данного кодекса.

В силу пункта 2 статьи 333^{20} и пункта 2 статьи 333^{22} НК РФ суд, исходя из имущественного положения плательщика, вправе освободить его от уплаты государственной пошлины либо уменьшить ее размер, а также отсрочить или рассрочить ее уплату в порядке, предусмотренном статьей 333^{41} указанного кодекса.

Отсрочка или рассрочка уплаты государственной пошлины, уменьшение ее размера или освобождение от ее уплаты производятся судом по письменному ходатайству заявителя.

Ходатайство может быть изложено в исковом заявлении (заявлении), апелляционной, кассационной или надзорной жалобе либо в отдельном заявлении, приложенном к соответствующему заявлению (жалобе). Ходатайство, поданное до обращения с исковым заявлением (заявлением) или жалобой, судом не рассматривается.

В ходатайстве должно быть приведено мотивированное обоснование с приложением документов с актуальными сведениями, свидетельствующих о том, что имущественное положение заявителя не позволяет уплатить

государственную пошлину в установленном размере при подаче искового заявления (заявления), апелляционной, кассационной или надзорной жалобы. Во внимание могут быть приняты предшествующие обращению в суд действия заявителя по снятию или перечислению остатка денежных средств со счета.

При оценке имущественного положения заявителя суду следует устанавливать объективную невозможность уплаты государственной пошлины в необходимом размере.

При разрешении ходатайства о предоставлении отсрочки или рассрочки уплаты государственной пошлины, об уменьшении ее размера или освобождении от ее уплаты суду следует принимать во внимание необходимость обеспечения доступа к правосудию гражданам и организациям с целью реализации ими права на судебную защиту, если их имущественное положение не позволяет уплатить государственную пошлину. В то же время важно учитывать, что институт государственной пошлины призван выполнять в том числе предупреждающую функцию, а также содействовать развитию примирительных процедур.

С учетом положений статьи 64 НК РФ к сведениям, подтверждающим имущественное положение заявителя, которые суду следует оценить при решении вопроса о предоставлении отсрочки или рассрочки уплаты государственной пошлины, об освобождении от ее уплаты или уменьшении ее размера, в частности, относятся:

1) подтвержденный налоговым органом перечень расчетных и иных счетов заявителя в кредитных организациях;

2) подтвержденные указанными кредитными организациями данные об отсутствии на соответствующем счете (счетах) средств в размере, необходимом для уплаты государственной пошлины, а также об общей сумме задолженности владельца счета (счетов) по исполнительным листам и платежным документам;

3) подтвержденные указанными кредитными организациями данные о ежемесячном обороте средств по соответствующим счетам за три месяца, предшествующие подаче ходатайства;

4) при наличии у заявителя счета цифрового рубля – аналогичные сведения относительно остатка средств и оборота по указанному счету;

5) подтвержденные надлежащим образом сведения о заработной плате, пенсии и об иных доходах заявителя – физического лица.

В дополнение к документам, содержащим указанные сведения, заявитель по своему усмотрению вправе представить суду иные доказательства, подтверждающие тот факт, что его имущественное положение не позволяет уплатить государственную пошлину на момент обращения в суд.

Так, юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем могут быть представлены сведения о доходах, об обороте средств и о финансовых результатах деятельности за отчетный период,

предшествующий обращению в суд, в подтверждение убыточности такой деятельности.

Гражданин, ссылающийся на то, что на его иждивении находятся члены семьи или иные лица, вправе представить сведения о составе семьи и наличии иждивенцев, о доходах совместно проживающих членов семьи с расчетом средней суммы, приходящейся на каждое лицо.

Учитывая, что обстоятельства, подтверждающие возможность освобождения от уплаты государственной пошлины, в любом случае являются более существенными, чем факты, подтверждающие основания для отсрочки или рассрочки ее уплаты, суд при отсутствии таких оснований не может освободить заявителя от обязанности уплатить государственную пошлину. Соответствующие обстоятельства должны приниматься во внимание и при рассмотрении вопроса об уменьшении размера государственной пошлины, имея в виду, что уменьшение представляет собой освобождение от ее уплаты в части.

Случаи, когда гражданин, признанный банкротом, освобождается от уплаты государственной пошлины, предусмотрены в подпункте 4 пункта 1 статьи 333[37] НК РФ. В иных ситуациях при разрешении ходатайств такого гражданина об отсрочке или о рассрочке уплаты государственной пошлины, об уменьшении ее размера или освобождении от ее уплаты имущественное положение гражданина должно оцениваться судом с учетом того, что признание его банкротом в силу пунктов 1–3 статьи 213[25] Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» предполагает включение его имущества (за исключением имущества, на которое не может быть обращено взыскание) в конкурсную массу. Однако указанное обстоятельство не освобождает такое лицо от обязанности представить суду надлежащий перечень документов в обоснование своего ходатайства.

Применительно к юридическим лицам, признанным банкротами, суду необходимо принимать во внимание, что само по себе банкротство заявителя (за исключением случаев, поименованных в подпункте 4 пункта 1 статьи 333[37] НК РФ) не рассматривается законодателем как основание для освобождения от уплаты государственной пошлины, уменьшения ее размера либо предоставления отсрочки или рассрочки ее уплаты, в силу чего на таком юридическом лице также лежит обязанность представить доказательства в обоснование затруднительности уплаты государственной пошлины в составе текущих платежей.

При разрешении вопросов об отсрочке или о рассрочке уплаты государственной пошлины по требованиям, предъявляемым арбитражными управляющими в интересах кредиторов, суду следует принимать во внимание необходимость выполнения арбитражными управляющими возложенных на них обязанностей в пределах сроков процедур банкротства, имущественное состояние конкурсной массы на день предъявления требования, наличие у арбитражного управляющего фактической

возможности осуществить уплату государственной пошлины. Кроме того, суду необходимо учитывать, что арбитражный управляющий вправе поставить на собрании кредиторов вопрос о финансировании соответствующих расходов, имея в виду, что такие расходы вызваны ведением общего дела в интересах самих кредиторов.

ВОПРОС 2. Подлежат ли освобождению от уплаты государственной пошлины государственные или муниципальные учреждения (казенные, бюджетные и автономные), если они выступают в суде в качестве истца или ответчика?

ОТВЕТ. В соответствии со статьей 89 ГПК РФ, статьей 105 АПК РФ, частью 1 статьи 104 КАС РФ льготы по уплате государственной пошлины предоставляются в случаях и порядке, которые установлены законодательством Российской Федерации о налогах и сборах.

Как указано в подпункте 19 пункта 1 статьи 333[36], подпункте 1[1] пункта 1 статьи 333[37] НК РФ, от уплаты государственной пошлины по делам, рассматриваемым Верховным Судом Российской Федерации в соответствии с гражданским процессуальным законодательством Российской Федерации, законодательством об административном судопроизводстве и арбитражным процессуальным законодательством Российской Федерации, судами общей юрисдикции, мировыми судьями, арбитражными судами, освобождаются государственные органы, органы местного самоуправления, выступающие в качестве истцов (административных истцов) или ответчиков (административных ответчиков).

Учреждения, выполняющие функции органа государственной власти, включая их территориальные подразделения, или выполняющие функции органа местного самоуправления (например, центральные органы военного управления (Министерство обороны Российской Федерации и Генеральный штаб Вооруженных Сил Российской Федерации), органы управления объединений, соединений, воинских частей Вооруженных Сил Российской Федерации, региональные управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной антимонопольной службы, Федерального агентства по управлению государственным имуществом, Федеральной налоговой службы, Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии; администрации муниципальных образований), освобождаются от уплаты государственной пошлины в суде первой инстанции на основании подпункта 19 пункта 1 статьи 333[36], подпункта 1[1] пункта 1 статьи 333[37] НК РФ. При этом достаточными признаками являются статус учреждения и его процессуальное положение (истец, ответчик).

Учреждения, подведомственные органам государственной власти и органам местного самоуправления (например, учреждения здравоохранения, образования, культуры, охраны, жилищно-коммунального хозяйства), от уплаты государственной пошлины не освобождаются, за исключением случаев, когда спор связан с выполнением таким учреждением отдельных функций государственного органа (органа местного самоуправления), на что прямо указано в нормативном правовом акте, делегирующем учреждению подобные полномочия, и, соответственно, защитой государственных, общественных интересов (подпункт 19 пункта 1 статьи 333^{36}, подпункт 1^{1} пункта 1 статьи 333^{37} НК РФ). Например, освобождаются от уплаты государственной пошлины учреждение здравоохранения при рассмотрении спора по поводу проведения медико-социальной экспертизы; медицинская противотуберкулезная организация при подаче административного искового заявления о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке; исправительное учреждение по делам об установлении административного надзора.

В то же время необходимо учитывать, что во всяком случае не является основанием для освобождения учреждения от уплаты государственной пошлины на основании статей 333^{36} и 333^{37} НК РФ его участие в судебном споре, не связанном с защитой государственных, общественных интересов и возникшем из гражданских правоотношений (в частности, в споре об исполнении контракта по оплате поставленных энергоресурсов, товаров, оказанных услуг, результатов выполненных работ). В таком случае учреждение уплачивает государственную пошлину, предусмотренную статьями 333^{19} и 333^{21} НК РФ, наравне с иными участниками процесса. Например, по спору о взыскании переплаты за услуги по теплоснабжению занимаемых помещений инспекция Федеральной налоговой службы выступает в качестве участника гражданских правоотношений и хозяйствующего субъекта, а потому уплачивает государственную пошлину на общих основаниях.

ВОПРОС 3. В каком порядке применяются нормы законодательства Российской Федерации о налогах и сборах, предусматривающие освобождение заявителя от уплаты государственной пошлины, при обжаловании им судебных актов и постановлений в судах апелляционной, кассационной и надзорной инстанций?

ОТВЕТ. Согласно положениям статьи 90 ГПК РФ, статьи 102 АПК РФ статьи 104 КАС РФ основания и порядок освобождения от уплаты государственной пошлины, уменьшения ее размера, предоставления отсрочки или рассрочки уплаты государственной пошлины устанавливаются законодательством Российской Федерации о налогах и сборах.

Пунктом 1 статьи 333[36] и пунктом 1 статьи 333[37] НК РФ предусмотрены случаи освобождения заявителей от уплаты государственной пошлины по делам, рассматриваемым Верховным Судом Российской Федерации, судами общей юрисдикции, арбитражными судами и мировыми судьями.

Кроме того, часть 4 статьи 208 и часть 2 статьи 329 АПК РФ содержат нормы об освобождении от уплаты государственной пошлины при подаче заявлений об оспаривании решения административного органа о привлечении к административной ответственности и об оспаривании постановлений должностных лиц службы судебных приставов, их действий (бездействия) в арбитражном судопроизводстве.

Разрешая вопрос о том, подлежат ли применению указанные нормы при обжаловании судебных актов и постановлений в судах апелляционной, кассационной и надзорной инстанций (подпункты 19–21 пункта 1 статьи 333[19] и подпункты 19–21 пункта 1 статьи 333[21] НК РФ), необходимо учитывать цели законодательного регулирования, послужившие основанием для предоставления соответствующей льготы.

Так, истцы по искам о защите трудовых прав, прав детей-сирот и инвалидов, взыскании алиментов, возмещении вреда, причиненного увечьем или иным повреждением здоровья, смертью кормильца или преступлением, граждане-банкроты по определенным категориям обособленных споров в деле об их несостоятельности, Герои Российской Федерации, ветераны Великой Отечественной войны (подпункты 11 и 12 пункта 1 статьи 333[35], подпункты 1–4, 10, 17, 22 пункта 1 статьи 333[36], подпункт 4 пункта 1 статьи 333[37] НК РФ) подлежат освобождению от уплаты государственной пошлины в судах всех инстанций.

Если по смыслу закона освобождение от уплаты государственной пошлины предусмотрено только при обращении в суд первой инстанции, последующие действия по обжалованию судебных актов и постановлений облагаются государственной пошлиной. В частности, государственная пошлина подлежит уплате при подаче апелляционной, кассационной или надзорной жалоб на решения по делам, связанным с защитой прав на жилое помещение, которое для заявителя и (или) членов его семьи является единственным пригодным для постоянного проживания; при подаче жалоб на решения по делам об оспаривании решения административного органа о привлечении к административной ответственности в арбитражном процессе; при подаче жалоб на решения по делам об оспаривании постановлений должностных лиц службы судебных приставов, их действий (бездействия) в арбитражном процессе; при обжаловании кредиторами в деле о банкротстве отказа во включении их требований в реестр или понижения очередности их требования (подпункт 23 пункта 1 статьи 333[36], подпункт 5 пункта 1 статьи 333[37] НК РФ, часть 4 статьи 208 и часть 2 статьи 329 АПК РФ). Ходатайство заявителей об освобождении от уплаты государственной пошлины, уменьшении ее размера, о предоставлении отсрочки или рассрочки ее уплаты при подаче апелляционной, кассационной,

или надзорной жалобы может быть удовлетворено судом, если будет установлено, что их имущественное положение не позволяет уплатить государственную пошлину при совершении последующего процессуального действия, связанного с обжалованием принятого судебного акта.

ВОПРОС 4. Подлежит ли заявитель освобождению от уплаты государственной пошлины при подаче апелляционной, кассационной, надзорной жалоб в случае, если он был освобожден от ее уплаты судом первой инстанции?

ОТВЕТ. Как следует из положений пункта 1 статьи 333^{16} НК РФ, государственная пошлина – сбор, взимаемый с лиц за совершение в отношении их юридически значимых действий.

Законодательством Российской Федерации о налогах и сборах установлены положения об уплате государственной пошлины при подаче заинтересованным лицом частной, апелляционной, кассационной или надзорной жалобы как за отдельное юридически значимое действие. С учетом этого освобождение лица в суде первой инстанции от уплаты государственной пошлины не распространяется на последующие процессуальные действия, которые в связи с введением нового регулирования представляют собой самостоятельный объект обложения государственной пошлиной.

В то же время в силу пункта 2 статьи 333^{20} и пункта 2 статьи 333^{22} НК РФ суд, исходя из имущественного положения плательщика, вправе освободить его от уплаты государственной пошлины с учетом конкретных фактических обстоятельств и по ходатайству заявителя.

Если лицо было освобождено от уплаты государственной пошлины в суде первой инстанции, то в случае его обращения с частной, апелляционной, кассационной или надзорной жалобой такое лицо вправе подать новое ходатайство об освобождении от уплаты государственной пошлины, представив в обоснование своего ходатайства документы, подтверждающие имущественное положение, не позволяющее оплатить государственную пошлину в установленном размере.

ВОПРОС 5. В каком размере государственная пошлина уплачивается индивидуальным предпринимателем при обращении этого лица в суд?

ОТВЕТ. В силу пункта 1 статьи 333^{17} НК РФ плательщиками государственной пошлины признаются организации и физические лица.

Специальный порядок уплаты индивидуальными предпринимателями государственной пошлины при обращении в суд не установлен.

На основании пункта 1 статьи 11 НК РФ институты, понятия и термины гражданского, семейного и других отраслей законодательства

Российской Федерации, используемые в данном кодексе, применяются в том значении, в каком они используются в этих отраслях законодательства, если иное не предусмотрено указанным кодексом.

Для целей НК РФ и иных актов законодательства о налогах и сборах под индивидуальными предпринимателями понимаются физические лица, зарегистрированные в установленном порядке и осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, главы крестьянских (фермерских) хозяйств (пункт 2 статьи 11 НК РФ).

Таким образом, с учетом положений статьи 11 НК РФ и положений ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ при обращении в суд индивидуального предпринимателя государственная пошлина уплачивается этим лицом в размере, установленном для физических лиц.

ВОПРОС 6. Подлежит ли уплате государственная пошлина при подаче заявления об исправлении описок и явных арифметических ошибок, а также заявления об индексации присужденных денежных сумм на основании статьи 208 ГПК РФ, статьи 183 АПК РФ, статьи 189^1 КАС РФ ?

ОТВЕТ. Статьей 203^1 ГПК РФ, статьями 179, 183, 324 АПК РФ, статьями 184, 185, 189^1 КАС РФ установлен порядок рассмотрения вопросов исправления описок и арифметических ошибок, разъяснения решения суда, отсрочки или рассрочки исполнения решения суда, изменения способа и порядка его исполнения, индексации присужденных денежных сумм.

Подпунктом 13 пункта 1 статьи 333^{19}, подпунктом 15 пункта 1 статьи 333^{21} НК РФ уплата государственной пошлины предусмотрена только при подаче заявлений об отсрочке или о рассрочке исполнения судебного постановления (акта), об изменении способа и порядка его исполнения и о разъяснении судебного постановления (акта).

Таким образом, положениями Налогового кодекса Российской Федерации уплата государственной пошлины при подаче в суд общей юрисдикции, арбитражный суд, мировому судье заявления об исправлении описок и арифметических ошибок, а также заявления об индексации присужденных денежных сумм не установлена.

ВОПРОС 7. В каком размере уплачивается государственная пошлина при подаче апелляционных (частных) и кассационных жалоб на определения, принимаемые в приказном производстве?

ОТВЕТ. Согласно положениям процессуального законодательства судебный приказ подлежит обжалованию в суд кассационной инстанции (пункт 1 части 2 статьи 377 ГПК РФ, часть 11 статьи 229^5 АПК РФ, пункт 1 части 2 статьи 319 КАС РФ).

При этом определения, которые выносятся в приказном производстве (например, определения о возвращении заявления о выдаче судебного приказа, об отказе в принятии заявления о выдаче судебного приказа), обжалуются в суд апелляционной инстанции.

Соответствующие разъяснения содержатся в пунктах 22, 42 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2016 г. № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве», пункте 67 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 июня 2021 г. № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции», пункте 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2020 г. № 12 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции», пункте 45 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 2020 г. № 5 «О применении судами норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции».

Таким образом, при подаче апелляционных (частных) жалоб на определения, принимаемые в приказном производстве, кассационной жалобы на судебный приказ подлежит уплате государственная пошлина, предусмотренная подпунктом 19 пункта 1 статьи 333^{19}, подпунктом 19 пункта 1 статьи 333^{21} НК РФ, а при подаче кассационных жалоб на апелляционные определения и постановления, принятые по итогам рассмотрения апелляционных (частных) жалоб на определения, вынесенные в приказном производстве, подлежит уплате государственная пошлина, предусмотренная подпунктом 20 пункта 1 статьи 333^{19}, подпунктом 20 пункта 1 статьи 333^{21} НК РФ.

ВОПРОС 8. Подлежит ли уплате государственная пошлина при подаче кассационной жалобы в порядке гражданского, арбитражного и административного судопроизводства на определение судьи кассационного суда общей юрисдикции об оставлении кассационной жалобы без движения и о возвращении кассационной жалобы, на определение арбитражного суда кассационной инстанции?

ОТВЕТ. Положениями Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации предусмотрен апелляционный порядок обжалования не вступивших в силу судебных постановлений и актов (глава 39 ГПК РФ, глава 34 АПК РФ), а также кассационный и надзорный порядок обжалования

вступивших в силу судебных постановлений и актов (главы 41 и 41^1 ГПК РФ, главы 35 и 36^1 АПК РФ).

Иного порядка обжалования судебных постановлений названными кодексами не предусмотрено.

Согласно части 1 статьи 23^2 Федерального конституционного закона от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» кассационный суд общей юрисдикции в соответствии с установленной федеральными законами подсудностью рассматривает дела в качестве суда кассационной инстанции по жалобам и представлениям на вступившие в законную силу судебные акты, а также дела по новым или вновь открывшимся обстоятельствам и осуществляет иные полномочия в соответствии с федеральными законами.

В соответствии со статьей 26 Федерального конституционного закона от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» арбитражный суд округа проверяет в кассационной инстанции законность судебных актов по делам, рассмотренным арбитражными судами субъектов Российской Федерации и арбитражными апелляционными судами, а в случаях, установленных федеральными законами, – судебных актов, принятых судами кассационной инстанции, если иное не предусмотрено этим Федеральным конституционным законом.

Как следует из пункта 1 части 2 статьи 390^4 ГПК РФ, пункта 1 части 2 статьи 291^1 АПК РФ, пункта 3 части 2 статьи 319 КАС РФ кассационные жалоба, представление на определения, постановления кассационного суда общей юрисдикции, арбитражного суда округа подаются в Судебную коллегию по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, Судебную коллегию по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации, Судебную коллегию по административным делам Верховного Суда Российской Федерации.

Однако в силу статьи 379^2 ГПК РФ жалобы на определения кассационного суда общей юрисдикции об оставлении кассационной жалобы, представления без движения и их возвращении, вынесенные единолично судьей этого суда, обжалуются в суд кассационной инстанции, вынесший такие определения, и рассматриваются коллегиальным составом судей этого же суда. Согласно статье 291 АПК РФ жалобы на определение арбитражного суда кассационной инстанции о возвращении кассационной жалобы обжалуются в арбитражный суд кассационной инстанции, вынесший такое определение, и рассматриваются коллегиальным составом судей этого же суда; жалобы на другие определения арбитражного суда кассационной инстанции, обжалование которых предусмотрено Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации, рассматриваются тем же арбитражным судом кассационной инстанции в ином судебном составе в порядке, предусмотренном главой 35 АПК РФ.

Указанные выше жалобы рассматриваются судебной коллегией этого же кассационного суда общей юрисдикции, арбитражного суда кассационной

инстанции по общим правилам, установленным главой 41 ГПК РФ, главой 36^1 АПК РФ, определяющим порядок производства в суде кассационной инстанции, в сроки, установленные статьей 379^2 ГПК РФ, статьей 291 АПК РФ.

При этом определения кассационного суда общей юрисдикции о возвращении кассационной жалобы, принятые по правилам административного судопроизводства, подлежат обжалованию в судебную коллегию Верховного Суда Российской Федерации отдельно от судебного акта, которым заканчивается рассмотрение административного дела (пункты 3, 4 части 2 статьи 319 КАС РФ).

С учетом изложенного, жалобы на определения судьи кассационного суда общей юрисдикции об оставлении кассационной жалобы без движения и о возвращении кассационной жалобы, вынесенные по правилам гражданского судопроизводства, на определение о возвращении кассационной жалобы, вынесенное по правилам административного судопроизводства, на определения арбитражного суда кассационной инстанции являются кассационными, и при их подаче подлежит уплате государственная пошлина, предусмотренная подпунктом 20 пункта 1 статьи 333^{19}, подпунктом 20 пункта 1 статьи 333^{21} НК РФ.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ СВЕДЕНИЯ

1. В связи с вступлением в силу Федерального закона от 8 августа 2024 г. № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах» из Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2023), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26 апреля 2023 г., исключается ответ на вопрос, касающийся освобождения от уплаты государственной пошлины при подаче кассационных жалоб на определения судов апелляционной инстанции, вынесенные по результатам рассмотрения частных жалоб в порядке гражданского судопроизводства.

2. Из Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2024), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29 мая 2024 г., исключается последний абзац ответа на вопрос № 2, включенный в раздел «Вопросы применения положений Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в редакции Федерального закона от 25 декабря 2023 г. № 667-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации», вступившего в силу 5 января 2024 г.».